

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

В.И. Аннушкин, И.В. Мануйлова

**ПРАКТИКУМ
ПО КРЕАТИВНОМУ ПИСЬМУ**

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Москва
2016

ББК 81.2Рус
А68

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
Протокол № 7 от 28 марта 2016 г.*

Рецензенты:

А.Ю. Константинова, канд. филол. наук, профессор, Гос. ИРЯ
им. А.С. Пушкина;

Е.К. Петривняя, канд. филол. наук, доцент, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

Аннушкин В.И., Мануйлова И.В.

А68 Практикум по креативному письму: Учебное пособие. –
М., 2016. – 176 с.: ил.

ISBN 978-5-98269-139-2

Цель пособия – научить студентов творчески мыслить и хорошо писать практически, опираясь на теорию и образцы письменного творчества известных людей как модели для обучения и подражания.

Обучение студентов практике письменного творчества основывается на раскрытии таланта и реализации скрытых возможностей языковой личности студента.

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-98269-139-2

© Аннушкин В.И., Мануйлова И.В., 2016
© Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название курса предполагает обучение творчеству в письменной речи, то есть практическому искусству эффективной, убедительной, выразительной, стилистически уместной речи в письменной форме. Многие писатели и ученые ставили вопрос «Как научиться писать?» и отвечали на него всем своим творчеством.

Каждый филолог-профессионал также тайно или явно ставит перед собой вопросы: можно ли научиться писать? В чем секрет письменного творчества: научного, художественного или публицистического? Вместе с тайнами и секретами, безусловно, существуют и определенная техника, и практические советы: как учиться? Таким образом, основная задача, которую авторы пособия ставят перед студентами – научиться творчески мыслить и хорошо писать **практически**, опираясь на **теорию** и **образцы** письменного творчества как модели для обучения и подражания. Это значит, что мы планируем работу в трех направлениях, по которым всегда обучали риторике как искусству речи:

1) **теория**, законы и правила, советы и рекомендации, которые разработаны как наблюдениями ученых, так и практикой письменного творчества;

2) **образцы** и примеры текстов, которые вошли в культуру как принадлежащие авторитетным авторам – они требуют содержательно-стилистического анализа и разбора;

3) **практика** самих учащихся, которая представлена в текстах, которые предлагается выполнять, и результаты творчества студентов – их самостоятельно подготовленные тексты – приводятся в пособии.

Поскольку курс ориентирован на работу со студентами-филологами, то тематика занятий выбиралась исходя из следующих соображений:

а) необходимо начать с азов обучения искусству письма, выбирая самые элементарные жанры (например, жанр бытового письма) и наиболее простые темы (например, описание животного и человека) – эти жанры и темы подкреплены образцами текстов;

б) необходимо обратиться и к самым широким темам, предоставив пишущему свободу для творческого выбора темы и последующего воплощения в реальный текст – этому в пособии служат как жанры описания человека, так и максимально свободные для творчества жанры философского эссе;

в) необходимо обратиться к научной речи, ориентируясь на образцы научно-филологического стиля письма у классиков науки (классиками филологии называем тех авторитетных авторов, которые подлежат включению в программы нашего вузовского образования).

Исходя из сказанного методология курса основывается на трех типах аудиторной работы:

1. Теория письменного творчества, то есть студенту необходимо хорошо представлять, что такое письмо как вид филологической (словесной) деятельности, что такое письменность, книжность, благодаря которым человечество получило исторические формы цивилизации и культуры. С точки зрения методологии обучения письменному творчеству перед авторами стояла задача определить, к каким видам и жанрам письменной речи целесообразно обратиться для организации нашего курса. В то же время наш курс является именно «практикумом», поэтому теоретические вопросы ограничены такими необычными темами как «талант», «вдохновение», «гений», «вкус».

2. Образцы письменного творчества – сохраняемые в общественной и личной культуре тексты, которые могут быть использованы как модели для обучения и подражания. Эти тексты-образцы необходимо будет анализировать, отмечая все лучшее, что рождает в душе читателя готовность подражать и использовать этот опыт, творчески перерабатывая его в своей письменной практике.

Например, 1-я практическая тема «Пишите письма!» может быть показана на образцах писем великих писателей и ученых. Преподаватель может вынести на суд студентов письма Пушкина (к жене, брату, В.А. Жуковскому), Чехова (к жене) и т.д.

Студентам может быть дано творческое задание искать «Лучшие письма человечества» и анализировать эти тексты с точки зрения содержания и стиля.

Образцы письменного научного творчества будут объединены под общим названием «Лучшие научные стилисты».

3. Практика письменного творчества предполагает собственное творчество учащихся в разных жанрах, начиная с самых простых (описание животного) до первых проб пера в научном стиле.

Проверка предлагаемого на занятиях материала осуществляется в различных формах самостоятельной работы студентов – в виде твор-

ческих работ, написаний эссе, философских рассуждений, первых опытов научной работы и т.д. Текущий контроль делается не только путем опроса, но и через проверку творческих письменных работ. Основной формой проверки является подготовка и написание творческих работ, которые проводятся в течение семестра.

Самостоятельная работа в курсе «Практикум по креативному письму» является важной составной частью учебного процесса. Принципиально она распадается на два основных направления: развитие лингвостилистического чутья и овладение культурой письменной речи при освоении практического материала изучаемой дисциплины.

Развитие лингвостилистического чутья предполагает:

а) освоение правил и принципов создания письменных текстов путем ознакомления с образцами письменного творчества писателей и ученых современности;

б) накопление опыта собственного письменного творчества путем создания текстов разных жанров, критического обсуждения этих текстов с коллегами.

Задания для самостоятельной работы включают следующие формы работы студентов:

а) критическое чтение и освоение теоретических вводных текстов и текстов-образцов разных жанров;

б) работу с блоком заданий и моделей текстов, которые могут быть использованы как модели для обучения и подражания;

в) подготовку собственных творческих письменных текстов, их представление в учебной аудитории и дискуссионное обсуждение с коллегами.

Промежуточная аттестация проводится методом проверки знания практического материала через написание творческих работ в течение семестра.

Каждое занятие в пособии предполагает следующее построение:

1. Теоретическое введение, основанное на литературе вопроса.
2. Отбор и анализ образцовых текстов с обсуждением их.
3. Студенческое творчество в виде творческих заданий, которые пронумерованы по всему пособию.

Таким образом, практикум по креативному письму базируется на теории письма как вида филологической (словесной) деятельности, изучает основы письменного творчества, определяет виды и жанры письменной речи, необходимые для обучения искусству письменной речи. В центре дисциплины находится идея обучения студентов практике письменного творчества, основывающаяся на раскрытии таланта и реализации скрытых возможностей языковой личности студентов.

Оформление текста и условные обозначения

1. Образцы и примеры текстов, приводимые с красной строки, даются в курсиве (кроме двух фрагментов из книги Н.Ф. Кошанского «Риторика», в которых сохранено оригинальное оформление) без заключения их в кавычки.

2. Полужирный шрифт (в том числе полужирный курсив) использован авторами для выделения различных фрагментов текста, на которые студентам следует обратить внимание: основные слова, словосочетания, предложения, названия произведений и т.п.

3. Условные обозначения:

– образцы текстов

– вопросы

Занятие 1

ПИСЬМО КАК ТЕХНОЛОГИЯ И ВИД ИСКУССТВА – ОСНОВА КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ. КАК УЧИТЬСЯ ПИСАТЬ?

Теория. ПИСЬМО КАК ТЕХНОЛОГИЯ И ВИД ИСКУССТВА – ОСНОВА КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Создание знаков письма, письменности и сложение литературных языков – важнейший этап в становлении человеческой цивилизации. Можно высказаться и более определенно: цивилизация и культура могут появиться только тогда, когда появляется письменность. У этого процесса имеются две стороны: содержательная и технологическая.

Содержательная сторона письменной речи состоит в том, что с появлением письма совершенствуются формы культуры: устный фольклор может быть записан и становиться книжными сочинениями, приметы, будучи записанными, дают картину жизни природы, обрядовая песня может быть зафиксирована в нотных знаках и стать лирической песней или произведением духовной музыки.

Технологическая сторона письменной речи базируется на том, что письменный текст имеет иную фактуру речи: фиксируя знаки на письме, человек может обдумывать написанное, возвращаться к созданному тексту, редактировать его, развивать смысловую точность, увеличивать степень абстракции,

углублять метафорику, то есть совершенствуются речемыслительные операции. Текст теперь не просто обдумывается, «вынашивается» в сердце или сознании, теперь текст и вынашивается (продумывается), и прописывается.

Культурное достоинство письменного текста в том, что речемыслительные операции становятся более точными, так как при чтении и письме теперь можно неоднократно возвратиться к одному и тому же тексту, увидеть и поработать над его созданием или восприятием.

Письменная речь начинает развивать все формы науки и образования. Школа может появиться только тогда, когда появляется письменная речь. Она сама – институт письменной речи. Вместе с нею появляются и науки о речи: грамматика, риторика, логика, поэтика. Эти науки стали основой школьного образования.

Школа ставит вопрос: как учить писать и читать? Этот вопрос оказывается неспроста и для взрослых людей.

Технологическая сторона письменной речи относится также к вопросу: чем писать и на чём писать? Человечество постоянно эволюционировало в изобретении материала и орудий письма. Так, был изобретен наиболее удобный материал письма – бумага (во всяком случае, так считалось до недавнего времени) и наиболее удобный инструмент письма – перо, претерпевшее эволюцию от гусиного пера до современной шариковой (капиллярной, гелевой и т.д.) авторучки. Сегодня большинство людей переходит на электронные способы создания письма (с помощью планшетов, смартфонов, компьютеров), тем не менее предыдущие способы письма не исчезают, а только совершенствуются. Так, никуда не исчезла бумага как материал письма, но качество бумаги только улучшалось; авторучки также стали более качественными, а для особо одаренных и интеллектуально развитых людей сохранилось искусство каллиграфии – красивого письма. Горячо обсуждается сегодня вопрос возвращения в обучение письму чистописания, поскольку развить личность ученика можно только развив его моторику (пластику), а умение пи-

сать – важнейшее из средств для этого. Итак, **полюбите писать...** Письменная речь – могучее средство в формировании личности человека. До школьного возраста человек пользуется первичным родом словесности – устной речью.

Переход к обучению письменной (печатной) речи – это очень значимый переход в жизни человека от человека неграмотного к человеку образованному. Образование и воспитание человека связано именно с письмом и чтением. Во взрослом возрасте многие люди перестают читать и писать – как правило, это означает стагнацию, остановку в развитии человека, его нравственно-интеллектуальное увядание.

Активная интеллектуальная деятельность современного человека в какой-либо профессии, его карьерный рост связаны с тем, что человек владеет знаниями и способен их выражать в разных видах и жанрах речи. Так, невозможно стать ученым не владея хорошей письменной речью, то есть не умея выразить свои профессиональные мысли на научном языке и не организовав вокруг своей научной идеи коллектива людей, обсуждения этой идеи. Ни политик, ни юрист, ни журналист, ни священник, ни педагог, ни врач, ни предприниматель не могут достичь успеха, не овладев хорошей литературной речью в письменной форме.

Хорошая литературная речь формируется путем тренировки письменных навыков, что затем непременно отразится на устной речи языковой личности – как в монологе, так и в диалоге, когда говорящий проявляет свои способности в выборе слов, построении фразы, общей организации текста.

Как же учиться хорошей письменной речи?

Для этого необязательно непременно становиться писателем или ученым-филологом. Но воспользоваться советами тех, для кого письменное творчество стало предметом профессиональных интересов, просто необходимо. Поэтому мы начинаем наш разговор об умении писать с рекомендаций и советов известных писателей и ученых, которые предлагают воспользоваться их опытом, чтобы затем начать творить самостоятельно.

Для технологии обучения несомненно имеет значение и умение (скорее, готовность) красиво (скорее, увлеченно!) писать. Многое зависит от того, на чём и чем вы пишете. Пишете вы хорошей чернильной авторучкой – и мысли сами ложатся на бумагу. Привыкли вы стучать по клавиатуре компьютера (как большинство сегодня) – и это иной способ письма, еще слабо изученный психологами писательского творчества, но, вне всякого сомнения, продуктивный.

Итак, вопросов много!.. Будем их решать и совместно искать ответы!

Практика. КАК УЧИТЬСЯ ПИСАТЬ?

Ниже приводятся различные советы и рекомендации ученых, писателей к искусству письменного творчества. Их отдельные советы позволяют представить, как же надо работать над воспитанием в себе пишущего человека.

1. Постарайтесь оценить эти советы критически, обсудив вопрос о том, можно ли воспользоваться этими советами практически.

2. Со всеми ли мыслями можно согласиться?

3. Какие качества требуются писателю для творчества? Сформулируйте эти требования или одним словом, или в нескольких словах.

1. Из выступления А.М. Горького «Как я учился писать?»

<...> **На вопрос: почему я стал писать?**¹ – отвечаю: по силе давления на меня «томительно бедной жизни» и потому, что у меня было так много впечатлений, что «не писать я не мог». Первая причина заставила меня попытаться внести в «бедную» жизнь такие вымыслы, «выдумки», как

¹ Полужирный курсив здесь и далее наш. – В.А., И.М.

«Сказка о соколе и уже», «Легенда о горящем сердце», «Буревестник», а по силе второй причины я стал писать рассказы «реалистического» характера – «Двадцать шесть и одна», «Супруги Орловы», «Озорник»...

Лет двадцати я начал понимать, что видел, пережил, слышал много такого, о чем следует и даже необходимо рассказать людям. Мне казалось, что я знаю и чувствую кое-что не так, как другие; это смущало и настраивало меня беспокойно, говорливо. Даже читая книги таких мастеров, как Тургенев, я думал иногда, что, пожалуй, мог бы рассказать, например, о героях «Записок охотника» иначе, не так, как это сделано Тургеневым. В эти годы я уже считался интересным рассказчиком, меня внимательно слушали грузчики, булочники, «босяки», плотники, железнодорожные рабочие, «странники по святым местам» и вообще люди, среди которых я жил. Рассказывая о прочитанных книгах, я все чаще ловил себя на том, что рассказывал неверно, искажая прочитанное, добавляя к нему что-то от себя, из своего опыта. Это происходило потому, что факты жизни и литература сливались у меня в единое целое. Книга – такое же явление жизни, как человек, она – тоже факт живой, говорящий, и она менее «вещь», чем все другие вещи, созданные и создаваемые человеком.

Слушали меня интеллигенты и советовали:

– Пишите! Попробуйте писать!..

Стихи писал я легко, но видел, что они – отвратительны, и презирал себя за неуменье, за бездарность. Я читал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, переводы Курочкина из Беранже и очень хорошо видел, что ни на одного из этих поэтов я ничем не похож. Писать прозу – не решался, она казалась мне труднее стихов, она требовала особенно изошренного зрения, прозорливой способности видеть и отмечать невидимое другими и какой-то необыкновенно плотной, крепкой кладки слов. Но все-таки стал пробовать себя и в прозе, избрав однако стиль прозы «ритмической», находя простую – непосильной мне...

<...> Многие из вас спрашивали устно и записками: **Как я научился писать?**

<...> Искусство словесного творчества, искусство создания характеров и «типов», требует воображения, догадки, «выдумки». Описав одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, литератор сделает более или менее удачную фотографию именно одного человека, но это будет лишь фотография, лишённая социально-воспитательного значения, и она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего познания о человеке, о жизни.

Но если писатель сумеет отвлечь от каждого из двадцати-пятидесяти, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т.д., – отвлечь и объединить их в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приемом писатель создаст «тип», – это будет искусство.

Можно много видеть, читать, можно кое-что вообразить, но чтобы сделать – необходимо уметь, а умение даёт только изучением техники.

1. Как вы думаете, какие рекомендации и советы можно вынести из выступления А.М. Горького? Какими произведениями писателя можно проиллюстрировать сказанное им?

2. Что имеет в виду А.М. Горький, говоря о «технике» письма? Не противоречит ли «техника» предыдущему тексту о необходимости «воображения, выдумки, догадки»?

2. А.Т. Твардовский. Как научиться писать?

Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой. Хорошо помню, что первое мое стихотворение, отличающее моих сверстников, разорителей птичьих гнезд, я пытался записать, еще не зная всех букв алфавита и, конечно, не имея понятия о правилах стихосложения. Там не было

ни лада, ни ряда, ничего от стиха, но я отчетливо помню, что было страстное, горячее до сердцебиения желание всего этого: и лада, и ряда, и музыки – желание родить их на свет и немедленно – чувство, сопутствующее и доныне всякому замыслу. Что стихи можно сочинять самому, я понял из того, что гостивший у нас в голодное время летом дальний наш городской родственник по материнской линии, хромой гимназист, как-то прочел по просьбе отца стихи собственного сочинения «Осень»:

*Листья давно облетели,
И голые сучья торчат...*

Строки эти, помню, потрясли меня тогда своей выразительностью: «голые сучья» – это было так просто, обыкновенные слова, которые говорятя всеми, но это были стихи, звучащие, как из книги. По-разному, благосклонно и с тревогой относились мои родители к тому, что я стал сочинять стихи. Отцу это было лестно, но из книг он знал, что писательство не сулит больших выгод, что писатели бывают и не знаменитые, безденежные, живущие на чердаках и голодающие. Мать, видя мою приверженность к таким необычным занятиям, чуяла в ней некую печальную предназначенность моей судьбы и жалела меня.

Лет тринадцати я как-то показал мои стихи одному молодому учителю. Ничуть не щутя, он сказал, что так теперь писать не годится: все у меня до слова понятно, а нужно, чтобы ни с какого конца нельзя было понять, что и про что в стихах написано, таковы современные литературные требования. Он показал мне журналы с некоторыми образцами тогдашней – начала двадцатых годов – поэзии. Какое-то время я упорно добивался в своих стихах непонятности. Это долго не удавалось мне, и я пережил тогда, пожалуй, первое по времени горькое сомнение в своих способностях. Помнится, я, наконец, написал что-то уж настолько непонятное ни с какого конца, что ни одной строчки вспомнить не могу оттуда и не знаю даже, о чем там шла речь. Помню лишь факт написания чего-то такого.

Творческое задание 1. Твардовский приводит примеры специально парадоксальные, но из личного опыта. Какими бы странными и противоречивыми ни выглядели некоторые из них, но мы обогащаемся такими конкретными яркими описаниями. Какие выводы вы сделали бы из этих примеров?

Можете ли вы привести пример подобных «исправлений» в работе с вашими учителями или преподавателями? Какие советы («разумные» и не очень, как у Твардовского) вы получали от своих учителей или старших товарищей?

3. Арсений Тарковский (1907–1989).

Поэт закончил свою официальную автобиографию словами: «...Но главное для меня – это поэзия, которую я понимаю как **жизнетворение** (это требует, конечно, разъяснения, но для него нет здесь места)».

1. А как бы вы объяснили эту мысль? Возможно, вам поможет стихотворение, публикуемое ниже.

2. Как предстает в нем процесс творения стихов – «стихотворения»?

*Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствие звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка – слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.
Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове п р а в д а мне виделась правда сама,*

*Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.*

*И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унижил ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.*

1. Как поиски слов и их смысла связаны с жизнью природы?
2. Как вы объясните его слова о «поэзии как жизне-творении»?

Творческое задание 2. Вычлените основные идеи-рекомендации писателей XX столетия. Попробуйте их выразить в нескольких словах или одним словом.

1. Со всеми ли рекомендациями можно согласиться безусловно или какие-то можно оспорить?
2. Какие трудности могут встать на пути каждого из нас при выполнении этих рекомендаций?

4. Иван Бунин (1870–1953):

Писать стихи надо каждый день, подобно тому, как скрипач или пианист непременно должен каждый день без пропусков по нескольку часов играть на своем инструменте. В противном случае ваш талант неизбежно оскудеет, высохнет, подобно колодезю, откуда долгое время не берут воду.

5. Дэвид Огилви (1911–1999) – основатель рекламных агентств и классик рекламного дела, которого называют «отцом рекламы»:

Умение хорошо писать – это не дар от природы. Этому можно учиться. Пишите так же, как и говорите: естественно... Старайтесь выражать свои мысли просто, без претензий на излишнюю интеллектуальность... Если вы работаете над чем-то очень важным, то попросите знакомых или коллег высказать свое мнение о вашем произведении.

Люди, которые умеют думать, также умеют и писать...

6. Джон Стейнбек (1902–1968) – американский прозаик, автор многих известных романов и повестей «Гроздь гнева», «К востоку от рая», «О мышах и людях», «Зима тревоги нашей»:

Пишите свободно и так быстро, как можете, чтобы выплеснуть все на бумагу. Никогда не правьте и не переписывайте до тех пор, пока не поставите точку. Переписывание в процессе – это обычно не более чем предлог, чтобы не двигаться вперед. Оно также препятствует свободному потоку мысли и ритму, которые приходят только при бессознательной работе с материалом.

Ученые-филологи о творческом процессе письма, обучении и «тайнах творчества»

1. Д.С. Лихачев. Как я учился писать.

Творческое задание 3. Что из «недостатков» Д.С. Лихачева вы могли бы отметить у себя в вашем творческом процессе? Какие из советов «учиться писать» Д.С. Лихачева вы применили бы к себе безусловно, а какие могли бы отклонить? Готовы ли вы воспользоваться этими советами?

В моем образовании был один очень существенный недостаток: мы не писали классных работ и не делали домашних заданий (впрочем, домашние письменные работы все же иногда выполняли).

В общем, когда я появился в университете, я с трудом мог в письменной форме изложить свои мысли. Хотя я и написал две дипломные работы, но изложены они были детским языком, беспомощны по композиции. Особенно не удавались мне переходы от предложения к предложению. Было такое впечатление, что каждое предложение жило самостоятельно.

И вот сразу же по окончании университета я решил учиться писать.

Во-первых, чтобы язык мой был богатым, я читал книги, с моей точки зрения хорошо написанные, и делал из них выписки – главным образом, фразеологические обороты, отдельные слова, выражения, образы и т.д.

Во-вторых, я решил, что главный источник богатой письменной речи – речь устная. Поэтому я старался записывать свою собственную, внутреннюю устную речь, старался догнать пером внутренний монолог, обращенный к конкретному читателю. И как-то быстро стало получаться.

Впоследствии, когда я поступил в Институт русской литературы и мне поручили для «Истории Древней Руси» написать главу о литературе XI–XIII веков, она мною была написана как стихотворение в прозе. Я переписывал текст не менее десяти раз от руки. Правил и переписывал, правил и переписывал, и в процессе переписки рождались те или иные улучшения. К великому моему сожалению, текст был сильно испорчен правкой редакторов. И все же первую свою Государственную премию я получил за участие в «Истории культуры Древней Руси».

2. Ю.В. Рождественский (из статьи «Виктор Владимирович Виноградов (воспоминания школяра)» – к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова).

Творческое задание 4. Какие рекомендации и выводы можно сделать из описания исследовательских приемов и «тайны творчества» В.В. Виноградова?

Каким было отношение «Мастера» к открытиям и что было главным в организации творческой жизни Виноградова?

Исследовательские приемы В.В.В. (то, что больше всего меня интересовало) очень трудно было наблюдать. Тайна его творчества постоянно сохранялась, хотя сам Виноградов не делал из этого секрета. Единственно, что я могу сказать об этом, это последовательность в труде, постоянное накопление опыта. В.В.В. всегда продолжал разрабатывать ядро своего опыта и интереса – отношение языка и стиля в их истории. Книга Виноградова «О художественной прозе» 1930 года содержит план всей его дальнейшей работы. Теперь это четко установлено А.П. Чудаковым. Этот план был полностью реализован. После кончины Виктора Владимировича его вдова как-то вспоминала, что незадолго до болезни В.В.В. вдруг спросил: «Что бы мне еще написать?» Таких вопросов прежде не было. Это значит, что Учитель был певцом одной темы, которая была задумана раз и на всю жизнь. Это было последовательное накопление опыта наблюдений и мыслей, ничего из этого опыта не пропадало.

Но мысли и открытия В.В.В. прятал в своем тексте. Как-то раз я его прямо спросил: «Как Вы пишете Ваши работы?» Учитель усмехнулся и сказал: «Любопытный вопрос. Сначала я все опишу, что вокруг этого (то есть научной проблемы) написано, а потом надо и свою заplatку вмазать, да так, чтобы было незаметно».

Это значит, что Мастер никогда не гнался за тем, чтобы выставить себя открывателем нового и всегда говорил от лица языка и его фактов. Он хотел остаться в языке как его часть, а не как ученый наблюдатель. (Позднее, исследуя его работы, я убедился, как много он сказал этими «заplatками»).

Но все же стиль Виноградова выдает не только его книжные источники, но и иные источники его творчества. При разборе произведений и отдельных слов множество

ассоциаций с музыкой, цветом, формой и техническими образами, масса оценочной лексики, большая близость к театру.

Видимо, здесь дело в характере образованности. В.В.В. окончил семинарию, был хорошо предметно знаком с музыкой и пением, (не как теоретик, хотя и уважал музыкальную теорию), окончил классическое отделение СПб университета. Прекрасное знание греческого, латинского, церковнославянского, предметно-практической и художественной речи делало его особенно чутким к отдельному слову, выражению и их истории: «В слове откликается и звучит вся цепь с ним связанных ассоциаций...» Обратите внимание на этот строй образов. Он отражает то несравненное и глубокое чувство языка, красочное и музыкальное ощущение каждого отдельного слова.

3. Иван Петрович Павлов. Письмо к молодежи.

Творческое задание 5. В письме известного ученого есть основные мысли – и их нетрудно выделить. Сделайте это.

Затем обратите внимание, с какой изобретательностью и страстью И.П. Павлов развивает основные идеи, комментируя и добавляя к ним новые мысли и аргументы. Прокомментируйте, как развивается мысль ученого и какие дополнения приводит он, объясняя основные идеи.

Что к сказанному можете добавить вы? Соответствуют ли наблюдения и советы академика И.П. Павлова тому, что вы видите в современном состоянии научных дел?

*Что бы я хотел пожелать молодежи моей родины, посвятившей себя науке? Прежде всего – **последовательности**. Об этом важнейшем условии плодотворной научно работы я никогда не могу говорить без волнения. Последовательность, последовательность и последовательность. С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в пополнении знаний.*

Изучите азы науки, прежде чем пытаться взойти на ее вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего. Никогда не пытайтесь прикрыть недостатки своих знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами. Как бы ни тешил ваш взор своими переливами этот мыльный пузырь, он неизбежно лопнет, и ничего кроме конфуза у вас не останется.

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накапливайте факты.

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не могло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» – пустые потуги.

Но изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Пытайтесь проникнуть в тайны их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие.

*Второе – это **скромность**. Никогда не думайте, что вы уже все знаете. И как бы высоко ни оценили вас, всегда имейте мужество сказать себе: я невежда. Не давайте гордыне овладеть вами. Из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно согласиться, из-за нее вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за нее утратите веру объективности.*

В том коллективе, которым мне приходится руководить, (многое) делает атмосфера. Мы все впряжены в одно общее дело, и каждый двигает его по мере своих сил и возможностей. У нас зачастую и не разберешь – что «мое», а что «твое», но от этого наше общее дело только выигрывает.

*Третье – это **страсть**. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если бы у вас было две жизни, то их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и ваших исканиях.*

Занятие 2

ТАЛАНТ ИЛИ ТРУДОЛЮБИЕ? ПИШИТЕ ПИСЬМА! ЛУЧШИЕ ПИСЬМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Теория. ТАЛАНТ ИЛИ ТРУДОЛЮБИЕ?

С чего надо начать разговор об искусстве писать? Что требуется для того, чтобы владеть пером в разных видах письменной речи? Одно дело – писать бытовое письмо, другое – писать юридический документ, третье – художественную прозу, четвертое – научное сочинение.

Начнем такой разговор с вопроса о таланте. Что такое талант? Есть ли у вас талант? Талант к чему?

Талант – это выдающиеся врожденные качества человека, проявляющиеся в способности к творчеству. У всякого человека есть какой-то талант и если этот талант обнаружился, то человек может считать, что он нашел себя в жизни, реализовал свои возможности в любимой профессии и результатах своего труда. Везде ли требуется талант или достаточно простого умения? Нужно ли творческое вдохновение или обыкновенное ремесло? Должна ли «гореть душа», чтобы написать деловое письмо?

Так или иначе, разговор об искусстве письма начнем с уточнения основных терминов, имеющих отношение ко всякому роду письма. Мы хотели бы, чтобы вы, наши читатели и пользователи этой книги, размышляли с нами вместе о тайнах творчества, которое необходимо во всякой жизненной ситуации, связанной с нашим словом.

Читая высказывания, приведенные ниже, оцените их с точки зрения истинности (содержание!) и точности, изящества выражаемой мысли (стиль!).

1. Как раскрыть талант?
2. Что пишут о талантах ученые, писатели, психологи?
3. Чьи взгляды, точки зрения окажутся вам ближе? С кем вы согласитесь или не согласитесь?

1. *«Основания красноречия суть страсти, – начинает книгу “Правила высшего красноречия” выдающийся государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский, – красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий. Первое последствие сего определение есть то, что, собственно говоря, обучать красноречию не можно: ибо не можно обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром; можно обучать позволите мне сие выражение, каким образом сии драгоценные камни, чистое порождение природы, очищать от их коры, умножать отделкою их сияние и вставлять их в таком месте, которое бы умножало их блеск. И вот то, что собственно называется риторикою.*

Я разделяю риторикою, или средство усилить красноречие, на три рода: на чтение правил, чтение образцов, и собственное в сочинении упражнение».

1. Как вы думаете: в каком смысле «обучать красноречию», то есть искусной, увлекательной речи «не можно»?
2. В какой мере можно с автором согласиться или не согласиться?

2. В маленькой трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» основной конфликт – между Моцартом, которого Сальери

называет «гулякой праздным», и Сальери, который говорит о себе: «усильным, напряженным постоянством, я, наконец, в искусстве безграничном достигнул степени высокой...»

Сальери восклицает:

... О небо!

*Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан –
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!*

Насколько прав Сальери? Может, действительно Моцарт «безумец»?

3. Слово *талант* происходит от денежной меры «талан» (или «талант»), которой расплачивались в иерусалимском храме.

В «Евангелии» Господь рассказывает притчу о некоем человеке, который призвал своих рабов и дал одному пять талантов, другому – два, третьему – один. Вернувшись после долгого времени, господин, спросил, кто как употребил в дело данные им «таланты». Если первый приумножил и приобрел еще пять, второй – приобрел также два, то третий «скрыл свой талант в земле», испугавшись своего «жестокоского господина».

Если первым двум господин сказал «войти в радость господина своего», то последний был осужден как «лукавый и ленивый раб», а его единственный талант был отдан «имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится; а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

В чем смысл этого кажущегося «жестоким» решения господина? Это итог жизни человека, реализовавшего или не реализовавшего свое предназначение и талант. Все люди получают от Господа дары: жизнь, здоровье, силы, душевные способности, житейские блага. Эти дары Божии разумеются

под именем талантов. Бог знает, сколько нужно дать каждому, по его способностям, поэтому и получают – иной больше, иной меньше. Кто как воспользовался дарами Божиими, в том каждый человек дает отчет в конце жизни... Кто употребил их на пользу себе и другим, тот получит похвалу от Господа (и людей также), а ленивые и небрежные люди будут осуждаться на вечные страдания.

Теперь вам известна история фразеологизмов «приумножить талант» и «зарыть талант в землю». Приведите в пример людей, «приумноживших свои таланты» и «зарывших их в землю».

Практика. ПИШИТЕ ПИСЬМА!

Некоторыми наблюдательными людьми высказывается мысль о том, что ослабление любовных чувств в наше время связано с ослаблением любовной переписки. И действительно: кто ныне пишет любовные письма? Кто нуждается в излиянии преданных чувств? Кажется, что все можно высказать в устном слове, которое «вылетело – и не поймашь...»

Говорят, что женщины любят ушами, но не менее, а еще дороже (и дольше хранится!) то, что написано от руки...

И тем не менее: по законам культуры, старые жанры не исчезают окончательно, они преобразуются, совершенствуются, к ним всегда можно вернуться и если вам кажется, что вы не способны написать философское письмо в три-четыре страницы (как писали своим корреспондентам или корреспонденткам Гончаров или Тургенев), то вы ошибаетесь. Правда, в обучении не может быть ничего искусственного или надуманного.

Однако вся современная культура письменного общения основывается на традиции русского письма, которое необходимо творчески осмыслить и приспособить к нынешним задачам и конкретным ситуациям общения.

Вот почему мы начинаем знакомство с культурой письма кратким выборочным обзором и анализом образцовых писем наших классиков: писателей, ученых... и писем самых обыкновенных, которые достанем из семейных архивов, показав, как сохраняются эти самые лучшие традиции.

Но сначала сведения из истории письма и «лучшие письма человечества».

Д.Ф. Тартаковский. Из истории писем

Слово «письмо» вошло во всеобщее употребление лишь с XVIII столетия. До этого на Руси использовали название «грамота», «грамотка» (грамотка посылная), а позднее некоторое время в ходу было, перекочевавшее к нам из Западной Европы, слово «эпистола» (отсюда – эпистолярный жанр).

Определяя письмо как «один из способов обмена мыслей и чувств», и с юмором заметив, что «письмо есть такое имя существительное, без которого почтовые чиновники сидели бы за штатом, а почтовые марки не были бы продаваемы», А.П. Чехов в рассказе «Новейший письмовник» наставлял:

«Письма надлежит писать отчетливо и с разумением. Вежливость, почтительность и скромность в выражениях служат украшением всякого письма; в письме же к старшим надлежит, помимо того руководствоваться табелью о рангах, предпосылая имени адресата его полный титул: например – Ваше превосходительство, отец и благодетель, Иван Иванович».

Дорогой Иван Иванович! Уважаемый Генерал! Ваше Королевское Величество! Разлюбезная Катерина Матвеевна! Так уважительно и скромно, или почти так, коротко и ясно начал бы свое письмо наш современник, свободный от условностей в обращении наших предков, живших в XIV, XV, XVI, и отчасти XVII столетиях, – условностей, игравших, однако, в общественной жизни гораздо большую роль, чем сейчас.

Русские письма XVII столетия отличались крайним многословием, растянутостью и витиеватым слогом. Вот обращение в одном из писем к боярину:

«Государского благоименительства знамениту и на враги победителю храброму и крепким скипетром огражденному, за православную веру крепко стоятелю, оружнику изрядному, милостивому моему государю (имярек)».

Или в другом письме – к живущему в деревне помещику:

«Живущему в тишине и в благоденствии и во всем благою добродетелию цветущему, истинныя христианския веры насыщающемуся, государю моему (имярек)».

В официальных письмах на Руси до XVIII столетия сохранялся обычай называть начальника в официальных письмах «отцом». «Премилостивый мой отец и государь Федор Матвеевич», – начинал свое письмо к Азовскому губернатору графу Апраксину боярин Кикин.

А вот письмо от почтового чиновника царю, ярко характеризующее стиль XVII века (1678 г.). В переводе на современный язык, смысловое содержание этого послания свелось бы к простой фразе: – «Прошу предоставить мне отпуск». Но в те времена так писать не принято, и вот, соблюдая традиции и правила своего времени, чиновник пишет:

«Великому Государю, Царю и Великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу бьет челом холоп твой Фадейко Крыжжевский. По твоему Великий Государь указу велено мне в селе Мигновичи на Литовском рубеже ведать Виленскую почту. Милосердный Великий Государь, Царь и Великий князь всея Великия и Малыя и Белья России самодержец, пожалей меня, холопа своего, вели Государь, меня на время отпустить к Москве для моих делишек, а почте без меня никакой задержки не будет, и о том вели, Государь, послать в Смоленск свою Государеву грамоту. Царь, Государь, смилуйся».

Значительно проще и менее выпендренным был стиль семейных писем. Во Временнике Императорского Московского Общества истории и древностей российских напечатано

несколько таких писем, одно из которых адресовано А.Н. Безобразову (стольник при царях Алексее и Федоре). При Петре был воеводой. Это письмо от его племянника начинается словами:

«Государю моему дядюшке Андрею Ильичу племянничиска твой Васька Семенов челом бьет, многолетно, государь, здравствуй дядюшка, на многие лета и с тетушкою с Агафьею Васильевною и со всем своим праведным домом да пожалуй, государь, прикажи писать про свое многолетнее здорье и про тетушкино».

Характерным для письма того времени было самоуничижение авторов, причем не только в обращении низших к высшим («холоп твой Фадейко»), но и между людьми, равными по положению. Уничижительными полуименами называли себя в письмах даже важнейшие особы. Так, например, князь Юрий Ромодановский писал князю Василию Голицыну: «Юшка тебе челом бьет». Жена князя Голицына подписывалась в письмах к своему мужу: «женишка твоя, Дунька, много челом бьет до лица земного». Боярин Кикин письмо Апраксину заканчивал словами: «раб Вашего Сиятельства Петрушка Кикин». Даже Петр I в своих письмах, относящихся к XVII веку, придерживался принятых форм, подписывая свои письма к родным: «недостойный Петрушка».

Однако уже в 1701 г. Петр I своим указом повелел с 1 января 1702 г. людям всякого звания «писаться полными именами с прозваниями».

Право на применение «прозвания» было строго регламентировано. Писаться с -вичем (т.е. с отчеством – «Иванович») разрешалось с монаршьего благоволения. До 1780 года в этом отношении соблюдались иерархия и постепенность: высшие чины – до коллежского советника писались с «вичем» и заносились в официальные списки, надворные советники и майоры – «...ов сын» (Иван, Петров сын) а следующие чины – вовсе без отчества.

Кроме того, Петр повелел не бить челом и вместо холопов называться рабами. Чтобы ввести в переписку европей-

ские нравы, он приказал в 1708 г. перевести с немецкого языка книгу «Приклады, како пишутся комплементы разные», в которой обращение к лицу на «ты» было заменено обращением на «вы».

Вместе с усвоением при Петре Великом европейских нравов и обычаев изменялась и прежняя форма русского письма. Уже в 20-х годах XVIII столетия в частной переписке входит в обыкновение называть корреспондента без излишнего подобострастия – милостивый мой государь или просто милостивый государь и подписываться готовый к услугам, покорный слуга, раб послушный, слуга покорный и верный и тому подобное. Так, постепенно совершенствуясь, сформировался теперешний стиль письма, отвечающий требованиям времени и темпам современной жизни.

С той поры давно уже писание писем стало делом обыденным, привычным для всех слоев общества, выработались почти стандартные формы обращения к адресату и различные стили письма, в зависимости от его назначения и характера. Как написать деловое письмо, письмо любовное, письмо от мужа жене, отцу родному, церковному иерарху – ответы на эти и подобные вопросы можно было найти в пособиях и письмовниках.

Если в личной переписке нашего современника условности отброшены и к близким людям чаще всего обращаются со словами дорогая, дорогой, милый, любимый, то в официальном делопроизводстве формы письменного делопроизводства жестко регламентируются и образцы деловой переписки заложены в программы для компьютеров и многочисленные руководства.

Творческое задание 6. Анализируя приведенные ниже письма, отметьте, чем они отличаются от современных текстов. Какие необычные обращения и выражения, отличные от современных, они содержат?

Образцы писем. Письма Н.М. Карамзина

Оболенскому А.П.

С. Петербург, 31 Дек. 1816.

Почтенный Друг наш! Поздравляем Вас и всех ваших с наступающим Новым Годом. Дай Бог вам всем здоровья и благоденствия!

А мы очень беспокоимся о Катеньке: у нее злой кашель, так, что она мало и ест и спит.

Я показывал Ваше письмо Юрью Александровичу. Он будет писать к вам. Могу уверить вас, любезнейший Князь, что я не сделал ни добра, ни худа; не давал и советов Юрью Александровичу, а только на вопрос его о письме сказал ему свое мнение.

Не только в Москве, но и здесь жалуют Вас в кураторы Московского Университета. Желая, чтобы это была правда. Вы во всяком месте будете полезны, потому что любите добро.

Граф П.А. Толстой горюет о смерти брата. Я был у него два раза; мы говорили об Вас.

О будущем мало думаю. Мне еще целый год надобно читать корректуры. Стараюсь не верить предчувствиям! Бог с Вами и с нами!

Простите, любезнейший князь. Целую руку у почтенной, доброй княгини, и свидетельствую мою душевную преданность Милостивому государю Князю Петру Александровичу. Навеки Ваш

Н. Карамзин.

Муравьеву М.Н.

Милостивый государь Михайло Никитич!

С живейшею признательностию чувствую все Ваши милости и одолжения. Теперь ожидаю только, чтобы князь Петр Васильевич и Петр Степанович сообщили сюда о Высочайшем позволении, мне данном, иметь вход в Архивы и

Оружейную Палату. Abhandlungen V. G. W. меня также очень обрадовали; не замедлю возвратить их Вашему Превосходительству.

С сердечною преданностию и с глубочайшим почтением имею честь быть, Милостивый государь, Ваш покорнейший слуга.

Николай Карамзин.

Образцы писем. Переписка Пушкина

Творческое задание 7. Проанализируйте приводимую ниже переписку А.С. Пушкина с Н.Н. Гончаровой, братом Львом Сергеевичем и В.А. Жуковским. Какие основные содержательно-стилистические особенности пушкинских писем вы можете выделить? Чем они необычны для современного читателя?

1. Как стиль пушкинских писем к **брату Левушке** выявляет характер поэта?

О каких свойствах личности могут говорить краткость и обрывистость фраз, стремительность выражений, быстрый переход от одной темы к другой?

Какие еще особенности (необычные слова и выражения) вы можете отметить?

2. Переписка **В.А. Жуковского с Пушкиным** – образец остроумия, добросердечия, взаимной дружбы «побежденного учителя» с преданным «победителем-учеником»... Постарайтесь найти в них: а) остроумные метафорические изобретения; б) различно-стилевые пласты – как возвышенного содержания, так и снижающие стиль слова и выражения.

3. Какие особенности писем **А.С. Пушкина к жене Наталье Николаевне** отметили бы как характерные для стиля их речевых взаимоотношений? Как проявляется забота поэта о супруге? Какие особенности разговорного стиля вы отметите в тексте писем поэта?

А.С. Пушкин – Л.С. Пушкину

24 января 1822 года, Кишинев

Сперва хочу с тобою побраниться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина – во-вторых, письма твои слишком коротки – ты или не хочешь, или не можешь мне говорить открыто обо всем – жалею: болтливость братской дружбы была бы мне большим утешением. Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружний голос – что друзья мои как нарочно решились оправдать элегическую мою мизантропию – и это состояние несносно. Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя – это меня бесит – я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне – черт с ними; постараюсь сам быть у вас на несколько дней – тогда дела пойдут иначе.

<... >

21 июля 1822 года, Кишинев

Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мне, пожалуйста, и как тебе угодно; хоть на шести языках; ни слова тебе не скажу – мне без тебя скучно – что ты делаешь? В службе ли ты? Пора, ей-Богу, пора. Ты меня в пример не бери – если упустишь время, после будешь тужить – в русской службе должно непременно быть 26 лет полковником, если хочешь быть чем-нибудь когда-нибудь; следственно, разочти; тебе скажут: учись, служба не пропадет. А я тебе говорю: служи – учение не пропадет. Конечно, я не хочу, чтоб ты был такой же невежда, как В.И. Козлов, да ты и сам не захочешь. Чтение – вот лучшее учение – знаю, что теперь не то у тебя на уме, но все к лучшему.

Скажи мне: вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? что ты делаешь, что ты пишешь?

<... >

В.А. Жуковский – А.С. Пушкину

1 июня 1824 г. Петербург

Ты уверяешь меня, Сверчок моего сердца, что ты ко мне писал, писал и писал – но я не получал, не получал и не получал твоих писем. Итак, Бог судья тому, кто наслаждался ими. На последнее и единственное твое письмо буду отвечать двумя словами, ибо время некогда² <... >

Обнимаю тебя за твоего Демона. К черту черта! Вот пока твой девиз. Ты создан попасть в боги – вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоится, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждою за тебя. Прости, чертик, будь ангелом. Завтра же твой ангел, твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца!

Жуковский.

29 января 1834 года, Петербург

Посылаю тебе, почтеннейший друг Александр Сергеевич, Историю господина Пугачева, тобою написанную с особенным искусством; очень сожалительно для меня, что не успел я прочитать сего бытописательного отрывка, делающего честь твоему таланту³. Продолжай, достойный русский писатель, работать умом и пером ко чести России и ко полноте твоего кармана. А завтра я именинник, и будет у меня ввечеру семейство Карамзиных, Мецержских и Вяземских; и будут у меня два изрядных человека графы Вьельгорские, и попрошу Смирнову с собственным ее мужем; да, может быть, привлеку и привлекательную Дубенскую; вследствие

² Письма, которые посылал А.С. Пушкин В.А. Жуковскому, до сих пор не обнаружены.

³ Речь идет о пушкинской рукописи «История Пугачева», которая после обращения Пушкина к Бенкендорфу была передана императору Николаю I, одобрена последним и возвращена через Жуковского автору.

сего прошу и тебя с твоею грациозною, стройносозданною, богинеобразною, мадоннистою супругою⁴ пожаловать ко мне завтра (во вторник) в 8-мь часов откушать чаю с бриошами и прочими вкусными причудами; да скажи об этом и домашнему твоему Льву. Уведомь, будешь ли, а я твой

богомалец Василий.

А.С. Пушкин – Н.Н. Пушкиной (Гончаровой)

20 и 22 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву.

Ангел мой женка! сейчас получил я твое письмо из Бронниц – и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет.

Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуйста, побереги себя, особенно сначала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи; не пляши на бале до заутрени. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать

⁴ Жуковский шутливо намекает на сонет Пушкина «Мадонна», посвященный Н.Н. Гончаровой.

и мало ли что еще. В деревне не читай скверных книг дедовой библиотеки, не марай себе воображения, эженка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верхом езди не на бешеных лошадях (о чем всепокорно прошу Дмитрия Николаевича). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь.

16 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец.

Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе, видно, было некогда. Теперь, вероятно, ты в Яропольце и уже опять собираешься в дорогу. Такая тоска без тебя, что того и гляди приеду к тебе. Говорил я со Спасским о Пирмонтских водах; он желает, чтобы ты их принимала; и входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции. Пиши мне о своем здоровье и о здоровье детей, которых целую и благословляю. Кланяюсь Наталье Ивановне. Тебя целую. На днях получишь письма по оказии. Прощай, мой милый друг.

Письма А.П. Чехова – О.Л. Книппер-Чеховой

Творческое задание 8. Проанализируйте приводимое ниже письмо А.П. Чехова к О.Л. Книппер-Чеховой.

1. Как вы оцениваете стиль этих писем, в частности, «богатство» обращений к любимой женщине?
2. Как объяснить или оправдать смесь этих положительных и отрицательных слов?
3. Может, в таком «разнообразии» и должны проявляться чувства любящего человека?

8 сент. [1900 г. Ялта]

Ты пишешь: «Ах, для меня все так смутно, смутно»... Это хорошо, что смутно, милая моя актрисочка, очень хорошо! Это значит, что ты философка, умственная женщина.

Кажется, потеплело? Как бы ни было, 20 сентября я выеду в Москву и пробуду там до 1 октября. Все дни буду сидеть в гостинице и писать пьесу. Писать или переписывать начисто? Не знаю, бабуся милая. Что-то у меня захромала одна из героинь, ничего с ней не поделаю и злюсь.

Получил сейчас письмо от Маркса: пишет, что пьесы мои выйдут в свет через 10 дней.

Я боюсь, как бы ты не разочаровалась во мне. У меня страшно лезут волосы, так лезут, что, гляди, чего доброго, через неделю буду лысым дедом. По-видимому, это от парикмахерской. Как только постригся, так и стал лысеть.

Пишет Горький пьесу или не пишет? Откуда это известие в «Новостях дня», будто название «Три сестры» не годится? Что за чушь! Может быть, и не годится, только я и не думал менять.

Страшно скучаю. Понимаешь? Страшно. Питаюсь одним супом. По вечерам холодно, сижу дома. Барышень красивых нет. Денег становится все меньше и меньше, борода седеет...

Дуся моя, целую тебе ручку – и правую и левую. Будь здорова и не хандри, не думай, что все для тебя смутно.

До свиданья, Оля моя хорошая, крокодил души моей!

Твой Antoine.

Творческое задание 9. А.П. Чехов известен как враг всего пошлого и примитивно вульгарного. Ниже публикуем его «Новейший письмовник» как образец иронической оценки ходульной правильности речи.

Новейший письмовник

Что такое письмо? Письмо есть один из способов обмена мыслей и чувств; но так как очень часто письма пишутся людьми бессмысленными и бесчувственными, то это определение не совсем точно. Придется остановиться на определении, данном одним образованным почтовым чиновником:

«Письмо есть такое имя существительное, без которого почтовые чиновники сидели бы за штатом, а почтовые марки не были бы продаваемы». Письма бывают открытые и закрытые. Последние должны быть распечатываемы со всею осторожностью и по прочтении вновь тщательно запечатываемы, дабы адресат не мог впасть в сомнение. Чужие письма читать вообще не рекомендуется, хотя, впрочем, польза ближнего и предполагает это прочтение. Родители, жены и старшие, пекущиеся о нашей нравственности, образе мыслей и чистоте убеждений, должны читать чужие письма. Письма надлежит писать отчетливо и с разумением. Вежливость, почтительность и скромность в выражениях служат украшением всякого письма, в письмах же к старшим надлежит помимо того руководствоваться таблицью о рангах, предпосылая имени адресата его полный титул, например: «Ваше превосходительство, отец и благодетель, Иван Иванович! Просвещенное внимание Ваше и проч...»

Литераторы, артисты и художники чинов и титулов не имеют, а посему письма к этим лицам начинаются с простого: М. г.!

Образцы писем:

К начальнику. *Ваше превосходительство, милостивый отец и благодетель! Осмеливаюсь почтительнейше донести Вашеству, что помощник бухгалтера Пересекин, будучи вчера на крестинах у Чертоболотова, неоднократно высказывал мысль о необходимости перекраски полов в правлении, покупки нового сукна на столы и проч. Хотя в сей мысли и нет ничего вредоносного, но нельзя не подметить в ней некоторого недовольства существующим порядком. Жаль, что среди нас есть еще люди, которые по легкомыслию не могут оценить благ, получаемых от Вашества! Чего они хотят и что им нужно?! Недоумеваю и скорблю... Вашество! Благодарения, в коих вы неутомимы, не имеют числа, но доверши-*

те, Вашество, благостыню Вашу и исторгните из среды нашей людей, кои и сами гибнут и других влекут к гибели. Примите, Вашество, и проч. ...Ваш молитвенник Семен Гнуснов.

P.S. Осмелюсь напомнить Вашеству о месте помощника бухгалтера, которое Вы изволили обещать племяннику моему Капитону. Человек хотя необразованный, но почтительный и трезвый.

К подчиненному. Третьего дня, подавая мне и жене моей калоши, ты стоял на сквозном ветру и, как говорят, простудился, от какой-то причины и не являешься на службу. За такое небрежение к своему здоровью объявляю тебе строгий выговор...

Любовное письмо. Милостивая государыня, Марья Еремеевна! Имея крайнюю нужду в деньгах, имею честь предложить Вам руку и сердце. На случай какого-либо сомнения прилагаю при сем полицейское свидетельство о поведении. Любящий М. Трунов.

Дружеское. Любезный Вася! Не можешь ли ты, голубчик, дать мне займы до завтра пять рублей? Твой Ипохондрик. (Отвечать следует так: «Не могу».)

Деловое. Ваше сиятельство, княгиня Миликтриса Кирбитъевна! Почтительнейше осмеливаюсь напомнить Вашему сиятельству о карточном должке в размере 1 р. 12 к., кои я имел честь выиграть у Вашего сиятельства третьего года у Белоедова и до сих пор не имел еще чести получить. В ожидании и проч. ...Зеленопунов.

Вредное и пагубное. Вашество! Вчера я случайно узнал, что наградами, которые я получил к Новому году, я обязан не моим личным заслугам, а моей жене. Служба моя у вас, конечно, уже невозможна, и я прошу о переводе. Примите уверение в моем к вам презрении и проч. Такой-то.

Ругательное. М. г.! Вы рецензент!

Письмо к литератору. М. г.! Хотя я и не знаком с вами, но не могу, из любви к ближнему и искренно сожалея вас (по всей видимости, вы человек способный), не обратиться к

вам с добрым советом: бросьте ваше вредное занятие! Один из ваших доброжелателей. (Подписи следует избегать, в видах возможности компрометации.)

Обоснуйте ваше мнение аргументированно и развернуто по следующим вопросам:

1. Этично ли, на ваш взгляд, публиковать личные письма, дневники? Например, дневник Тани Савичевой.

2. Личные письма известных писателей, поэтов, общественных деятелей часто публикуются и становятся достоянием общественности. Какое обоснование можно дать этому феномену?

3. Имеем ли мы с вами право публиковать личные письма наших умерших, погибших родственников?

Практика. ЛУЧШИЕ ПИСЬМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Творческое задание 10. Приведите примеры «лучших» на ваш взгляд, писем, написанных известными писателями и учеными (философами, филологами, политиками, журналистами и т.д.). Сделайте содержательный и лингвостилистический анализ выбранных писем.

Творческое задание 11. Есть ли такие впечатляющие, запоминающиеся письма в вашем личном (семейном) архиве? Обычно такие письма хранят память о близких людях и содержат глубокие и простые размышления о событиях, свидетелями которых они оказались.

В архиве одного из авторов пособия оказалась стопка писем двадцатилетнего юноши Игоря Фадеева, курсанта Харьковского высшего военного авиационного училища. Письма писались с августа 1940 года по июль 1942 года, из них до начала войны – около 70 писем. Погиб под Сталинградом.

Читая одно из публикуемых писем, постарайтесь почувствовать, а затем разобрать литературный стиль этого далеко

не «литературного мальчика». Оцените простоту и в то же время синтаксическую развернутость речи, увлеченность, с которой молодой человек описывает свою учебу в летном училище.

Письмо Игоря Фадеева, курсанта летного военного училища от 21 декабря 1940 года

Здравствуйте папа, мама и Лева!

Недавно получил папино письмо, но не мог, к сожалению, своевременно ответить. Сегодня нашлось свободное время, и вот спешу ответить. Я жив и как будто здоров. «Как будто» – потому, что вчера летали, полет был трудный, и сегодня здорово болит голова да простудился немного, но это все чепуха, и к вечеру, надеюсь, буду здоров как никогда. Я все забывал ответить на ваши вопросы о посылке, так вот, мандарины получил в целости и сохранности, воротнички тоже очень хороши, перчатки замечательны, особенно хорошо работать в полете.

Все же, несмотря на трудность работы, я очень люблю летать. Рано утром встаем, завтракаем, одеваемся в летное обмундирование и отправляемся на аэродром. Еще совершенно темно, только прожектора освещают ангары, у которых раздвигаются двери, и мы начинаем выкатывать самолеты. Машины на земле кажутся какими-то странными, неуклюжими, под напором нескольких десятков рук, покачиваясь с бока на бок, они плавно выезжают навстречу прожекторам. Снег искрится и пищит под валенками, а мы с воплями «Раз, два, взяли!» тащим самолет к старту. Наконец выведены все машины, летящие в первую очередь, несутся с парашютами, лезут в кабины, осматриваются, привязываются, готовят карандаши, и когда усядется летчик – инструктор, машина сама вырывается, берет разгон и взлетает, как бы по гигантским ступеням набирает высоту, и наконец идет прямо. Под тобой тогда оказываются домики размером с наперсток, ленточки рек, ниточки дорог, те-

перь это не так красиво, как летом, все занесено снегом, но и то чувство восхищения появляется каждый раз. Мы летим, но погода хорошая не всюду, и вот, не успеешь головы повернуть, как летчик, не желая лезть в облака, снижается до 25–50 метров, и мы идем бреющим полетом, прекрасно видны люди на земле, они машут руками, ну не вытерпишь и тоже помашешь, особенно ребятам, давая этим знать, что вижу их, ведь я сам раньше, глядя на самолет, желал, чтобы меня заметили с него, а почему это, и сам хорошо не знаю. Чувства боязни в полете нет никакого, а как увидишь в зеркале спокойнейшее лицо летчика, то почему-то становится очень радостно, и готов лететь сколько угодно (не прочь бы в Москву залететь). Селения здесь, на Украине, очень большие, домов по 600–800, а хуторами называются селения, имеющие по 200 домов, в Московской области совсем не так, зато лесов очень мало и они небольшие, над самым большим минут 5–10 летишь. После полета сдаем документацию и заводим машины в ангары, затем спать.

В общем, летать замечательно.

До свидания. Игорь.

21-ХП-40 г.

Занятие 3

ВДОХНОВЕНИЕ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОПИСАНИЕ. ОПИСАНИЕ ЖИВОТНОГО

Теория. ВДОХНОВЕНИЕ. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ОПИСАНИЕ

Не может быть творчества без вдохновения. А что такое вдохновение?

Прежде чем вы прочитаете мысли-образцы других авторов, попытайтесь дать собственное определение-описание. При этом, пожалуйста, имейте в виду, что определение предмета может включать его описание (экспликацию), сделанное в разных формах.

Успех всякого определения зависит от его: 1) правильности и истинности, соответствия природе вещи; 2) новизны, креативности определения для данной аудитории, ибо нет ничего скучнее банальных истин; 3) эстетической привлекательности словесной «одежды» данного определения, в одних случаях требующей краткости и простоты, в других пространности и украшенности.

При обучении творчеству необходимо восходить от **общепринятых** определений, которые имеются, например, в словарных дефинициях, к **оригинальным, метафорическим**, содержащим новый взгляд на предмет, рождающий своеобразное осмысление объекта.

Представим, что тема вашей предстоящей речи связана с музыкой или вдохновением. Писатель ставит вопрос: *Что есть музыка? Что есть вдохновение?*

Общепринятые «правильные» определения находятся в общелитературных словарях. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова написано:

Музыка – искусство, в котором переживания, чувства и идеи выражаются ритмически и интонационно организованными звуками.

Вдохновение – творческий подъем, прилив творческих сил.

Другие словари в синонимических выражениях повторяют эту мысль, например, «Толковый словарь» Кузнецова: «Вдохновение – состояние наивысшего подъема душевных сил» и т.д.

Желая одушевить или показать в творческом определении подлинную суть описываемого понятия, автор часто высказывает необычные суждения, цель которых – вызвать в душе читателя согласие с новым нестандартным описанием. Назовем такие определения **метафорическими** или **контекстуальными**, поскольку они обычно строятся как необычное сравнение, яркое образное описание, иногда аллегорическое. Вот некоторые суждения о музыке и вдохновении:

Музыка – источник радости мудрых людей... (Сюнь-цзы).

Музыка – единственное искусство, проникающее в сердце человека так глубоко, что может изображать переживания этих душ (Стендаль).

Есть минуты, в которые вполне чувствуешь недостаток земного языка, хотел бы высказаться какою-то гармониею, музыкой. Музыка – невещественная дочь вещественных звуков, она одна может перенести трепет одной души в другую, перелить сладостное, безотчетное томление... (А.И. Герцен).

Вдохновение – это строгое рабочее состояние человека.

Вдохновение – как первая любовь, когда сердце громко стучит в предчувствии удивительных встреч, невообразимо прекрасных глаз, улыбок и недомолвок. Вдохновение входит в нас как сияющее летнее утро, только что сбросившее туманы тихой ночи, забрызганное росой, с зарослями влажной листвы. Оно осторожно дышит нам в лицо своей целебной

прохладой. Каждый человек хотя бы несколько раз за свою жизнь пережил состояние вдохновения – душевного подъема, свежести, живого восприятия действительности, полноты мысли и сознания своей творческой силы (К.Г. Паустовский).

Особенно выразителен поэтический ответ на вопрос «А что такое вдохновение?». Его дает Георгий Ив́анов, один из лучших поэтов русского зарубежья XX века:

*А что такое вдохнове́нье?
– Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дунове́нье
Божественного ветерка.
Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил –
И Тютчев пишет без помарки:
«Оратор римский говорил...»*

Творческое задание 12. Найдите в литературе или Интернете новые необычные определения, показывающие нестандартный взгляд на описанные нами понятия «музыка» и «вдохновение».

В качестве ориентиров для вашего поиска скажем, что они имеются и у Чайковского, и у Маяковского.

Еще раз об искусстве определений. В сущности, и тот, и другой тип определения могут использоваться в создании речи, но если в первом типе предлагается общеизвестное, близкое к научному общепризнанное мнение, то второй тип суждения претендует на творческое переосмысление предмета речи, имеет явно креативную задачу высказывания нового оригинального взгляда на предмет.

Некоторые тексты целиком строятся на одних определениях. Таковы рассуждения о России писателя Всеволода Иванова в письме Николаю Рериху в 1925 году. Оцените их метафоричность, распространенность, украшенность и решите сами, не слишком ли писатель-ритор увлекся стилистическими красотами:

Россия не только государство. Она... океан, стихия, которая еще не оформилась, не влезла в свои, предназначенные ей берега, не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных органических возможностях.

Россия – это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих крыльев Запад и Восток.

Россия – это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия – меховая щетина бесконечных лугов, ветренных и цветущих.

Россия – это бесконечные снега, над которыми поют серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники.

Россия – страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа... Россия – страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия – не единая раса, и в этом ее сила. Россия – это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это – свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония...

Россия – могучий хрустальный водопад, дугою вьющийся из бездны времен в бездну времен, неохваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания...

Россия грандиозна. Неповторима. Россия – полярна. Россия – мессия новых времен...

Творческое задание 13. Г.Р. Державин рассматривал вдохновение как важнейшую категорию поэтического творчества.

Прочитайте описание вдохновения у поэта и обсудите его содержание и стиль, ответив на послетекстовые вопросы:

Вдохновение не что иное есть, как живое ощущение, дар неба, луч божества. Поэт, в полном упоении чувств своих, разгорался свышеним оным пламенем или, простое сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгораясь и не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен. Вдохновение рождается прикосновением случая к страсти поэта, как искра в пепле, оживляясь дуновением ветра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободрением, поддерживается окружными видами, согласными с страстью, которая его трогает, и обнаруживается впечатлением, или излиянием мыслей о той страсти, или ее предметах, которые воспеваются. В прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений. От того-то в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выражение, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую красоту и приятность в себе имеющее.

...Новость, или необыкновенность чувств в выражении, заключается в том, что когда поэт неслыханными прежде на его языке изречениями, подобиями, чувствами или картинами поражает и восхищает слушателей, излагая мысли свои в прямом или переносном смысле, так чтобы они по сходству с употребительными, известными картинами, или самой природой, по тем или другим качествам, не взирая на свою новость, тотчас ясны становились и пленяли разум.

Поистине, вдохновение есть один источник всех выше-писанных лирических принадлежностей, душа всех ее красот и достоинств: все, все и самое сладкогласие от него происходит, – даже вкус, хотя дает ему дружеские советы, и он от него принимает их, но не прежде, как тогда, когда уже успокоится; а во время пылкого его парения едва ли только издали смеет приближаться к нему и надзирать за ним.

Если поэт без всякого рассуждения за первым быстро последует, а за вторым не торопясь, с благоразумием, и за правую сего последнего, а не прежде, выдает свои сочинения, то без всякого сомнения рано или поздно получает плески; чувствуй – и будут чувствовать; проливай слезы – и будут плакать. От восклицания токмо сердца раздаются громы. Вдохновение, вдохновение, повторю, а не что иное, наполняет душу лирика огнем небесным...

1. Прав ли поэт, приписывая вдохновению такие обыкновенные свойства или в его описании имеются преувеличения?

2. Какие мысли и слова свидетельствуют о старинном (устаревшем?) стиле, которым пользуется писатель?

3. Как вы поняли устаревшие слова и выражения *воспламеняться помыслами, надзирать, справа, плески*?

4. Насколько, на ваш взгляд, данное описание соответствует состоянию современного «пишущего» писателя или поэта? Чувствуете ли вы нечто подобное в своем творчестве или державинское описание безнадежно устарело?

Практика. ОПИСАНИЕ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ КАК НАЧАЛЬНАЯ ТЕМА ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА: ОБРАЗЦЫ – СОБСТВЕННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

Творческое задание 14. Описание животных и птиц как начальная тема для творчества: образцы – собственные сочинения.

Наконец, нам пора перейти к реальным практическим заданиям. Первые темы для творчества должны быть максимально простыми. Впрочем, вы уже довольно многое умеете,

но, тем не менее, если мы говорим об обучении писать, то начинать следует с самого простого. Только необходимо, чтобы это «простое» вдохновляло и увлекало...

С создания описания животных и птиц начинается искусство сочинения стихов или самых простых прозаических описаний. Конечно, в вашем творчестве не может быть ничего искусственного, нарочито заданного, но процесс обучения условен по самой своей сути. Получая то или иное творческое задание, вы «включаете» воображение, фантазию и начинаете творить новый художественный мир, выражая свои мысли, чувства, мировоззрение. Вы вырабатываете и создаете свой собственный стиль, но очевидно, что опираетесь на определенную культурно-поэтическую традицию, которая сложилась в том или ином жанре.

Так, получив творческое задание написать стихотворение о животном, вы создаете свое определение-описание, имея культурный запас в виде текстов, которые вам известны, и на этой основе (может, и подсознательно) начинаете творить собственное произведение.

Мы начинаем наш творческий процесс с создания стихов о животных и птицах. Сначала проанализируем образцы – и эти образцы предлагаем и вам находить в литературе (Интернете), принося их на занятия и предлагая для изучения с коллегами.

Попробуем создавать хрестоматии поэтических текстов о разных «одушевляемых» животных и птицах. В сущности, у нас должны получиться разделы типа «Кузнечики, ласточки и бабочки в русской поэзии». Современный носитель языка вспомнит, возможно, только «В траве сидел кузнечик, совсем как огуречик...», но на самом деле стихов и строчек о кузнечиках и ему подобных сотни. И в каждое описание художник-поэт пытался вложить свое видение мира, и это описание культурно значимо, потому что русский кузнечик (или заяц, или лиса) воспринимаются по-другому у китайцев, американцев, африканцев.

1. Проанализируйте приведенные ниже образцы текстов и скажите, какие экспрессивно-художественные стилистические средства используются в поэтических текстах.

2. По каким стилистическим особенностям вы определили стиль автора?

Творческое задание 15(а). «Кузнечик в русской поэзии...» На основе анализа словесного стиля (слов, построения предложений) определите, кто автор этих стихов: Ломоносов (1761), Державин (1802), Хлебников (1903), Тарковский (1945). Проанализируйте, какие мысли, слова или обороты позволили вам догадаться, что стихи принадлежат тому или иному автору.

*Крылышка злато письмом тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много разных трав и вер.
Пинь-пинь-пинь! – тандарахнул зензивер,
О, лебедиво!
О, озари!*

*Кузнечик на лугу стрекочет
В своей защитной плащ-палатке,
Не то кует, не то пророчит,
Не то свой луг разрезать хочет
На трехвершковые площадки,
Не то он лугового бога
На языке зеленом просит:
– Дай мне пожить еще немного,
Пока травы коса не косит.*

*Счастлив, золотой кузнечик,
Что в лесу куешь один!
На цветочный сев лужечик,
Пьешь с них мед, как господин;
Всем любяся на воле,*

*Воспеваешь век ты свой;
Взглянешь лишь на что ты в поле,
Всем доволен, все с тобой.
Земледельцев по соседству
Не обидишь ты ничем;
Ни к чьему не льнешь наследству.
Сам богат собою всем.
Песнопевец тепла лета!
Аполлона нежный сын!
Честный обитатель света,
Всеми музами любим!
Вдохновенный, гласом звонким
На земли ты знаменит,
Чтут живые и потомки:
Ты философ! Ты поэт!
Чист в душе своей, не злобен,
Удивление ты нам:
О! едва ли не подобен,
Мой кузнечик, ты богам!*

*Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкой травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь:
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому;
Не просишь ни о чем, не должен никому.*

Какие еще стихи или выразительные строки о кузне-
чиках вы знаете? Попробуйте разыскать их в литератур-
ных произведениях или Интернете.

Творческое задание 15(б). А теперь – «Ласточки и бабочки в русской литературе».

Начать, видимо, придется с древнерусской «Пчелы», где сказано: «ласточки тишину проповедуют весеннюю, а мудрые слова – беспечалие». Кто первым написал русскую «Ласточку»? Возможно, Державин в 1792 году, приписавший два года спустя после кончины «любезной Пленеры» шесть философских строк, сравнивая бессмертную человеческую душу, «гостью этого мира», с ласточкой: «не ты ли перната сия?...»

Кто только не писал стихов о ласточках? И Дельвиг, и Гнедич, и Тютчев, и Фет, и поэты XX века. Вот три выбранные нами «Ласточки» русской поэзии: первая – Державина (1792–1794), вторая – Заболоцкого (1958), третья – нашей современницы Антонины Симонович (1980).

Также предлагаем вам распознать по содержательно-стилевым характеристикам, кому принадлежат приведенные ниже стихи, а затем проанализировать их.

*Славно ласточка щебечет,
Ловко крыльями стрижет,
Всем ветрам она перечит,
Но и силы бережет.
Реет верхом, реет низом,
Догоняет комара
И в избушке под карнизом
Отдыхает до утра.
Удивлен ее повадкой,
Устремляюсь я в зенит,
И душа моя касаткой
В отдаленный край летит.
Реет, плачет, словно птица,
В заколдованном краю,
Слабым клювиком стучится
В душу бедную твою.*

*Но душа твоя угасла,
На дверях висит замок.
Догорело в лампе масло,
И не светит фитилек.
Горько ласточка рыдает
И не знает, как помочь,
И с кладбища улетает
В заколдованную ночь.*

*О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь красно-бела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся, плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы...
Душа моя! Гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? –
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, –
Восстану – и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?*

*Ласточка, бесстрашная малютка, ищет корм,
Хоть и слышит, слышит чутко первый гром.*

*Круто опустилась из лазури, будто мы
Можем ее выхватить из бури
И из тьмы.*

*Защититься ль, защитит ли хочет,
Черновик –
Черно-белый ласточки листочек
К нам приник.*

Творческое задание 15(в). Подобных сюжетов с животными, птицами, насекомыми не счесть. Предлагаем вам провести самостоятельный поиск стихов и произведений по следующей теме: **«Бабочка в русской литературе»**. Заметим, что русская бабочка начинается, по-видимому, с... мотылька. Слово *бабочка* начинает встречаться только в XIX веке, а до этого был только *мотылек*. Один из первых «мотыльков» – Языкова.

1. Проанализируйте стихи Набокова, который был почти профессиональным энтомологом, то есть специалистом по изучению бабочек.

2. Проанализируйте стихотворение «Бабочка в госпитальном саду» Арсения Тарковского, написанное в 1945 году

3. В Интернете на сайте stihi.ru вы найдете целую подборку из более чем сорока стихотворений о бабочке. Какое из них покажется вам наилучшим?

Творческое задание 15(г). Проведите в вашей группе (аудитории) творческий конкурс на лучшее стихотворение (возможно, в прозе) о бабочке (или о любом другом насекомом, животном, птице) – ведь многое зависит от вкусов участников такого поэтического соревнования.

Вот два стихотворения, написанные студентами-филологами в конце 70-х годов в поэтическом семинаре Ю.В. Рождественского. Одно посвящено «корове» (вы увидите, что оно – филологическое, то есть «любословное»), в другом ав-

тор мастерски управляется со старинными словами, описывающими «быка».

Елена Алексеева

Корова

*Вся пятнится, серебрится,
Молоком грозит пролиться,
Туча с рожками идет,
Тучным голосом ревет.
А меня пленяет снова
Слово дивное «корова» –
Слово по полю идет,
Тучным голосом ревет.*

Виктор Коллегорский

Бык

*Се – зверь величый, двоерогий,
Престрашнолицый и престрогий,
Чьи очи кровию налиты,
Чьи гибелью грозят копыты,
Чей в содроганье хрипый рев
Ввергает трепетных коров;
Кто не замедлит, встретясь вам,
Сейчас же волю дать рогам,
Пред кем трепещет скотный двор;
В чьем чреве зрит ученый взор
Названий тройственный венец:
Сычуг, брюшину и рубец.
Вглядись же пристальней в портрет,
Что здесь изобразил поэт, –
И ты почти наверняка
Узришь в сем чудище быка.*

Занятие 4

ВКУС. ОПИСАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Теория. ВКУС

Важнейшая категория словесного творчества – **вкус**. Конечно, говорят, что о вкусах не спорят, тем не менее, у нас есть общие представления о прекрасном и безобразном?

Разговор о вкусе предлагаем начать не с современных теоретических обоснований того, что есть вкус, а с чтения отрывка⁵ из учебника учителя Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского «Частная риторика», где говорится о вкусе.

Скажите, что, на ваш взгляд, в этих суждениях современно и актуально, а что устарело.

§ 36. Вкус (*sensus recti pulchrique. Quint.*) „неизъясним для ума“, – *сказал Карамзин*; „есть знание приличий“, – *говорит Лагарп*; – есть какое-то легкое, эфирное, неприкосновенное для нас чувство приятности или неприятности при виде красот или безобразий в натуре и в искусствах.

Если вкус физический неизъясним, как же изъяснить нравственный? Но мы очень хорошо отличаем сладкое от горького, запах розы от дыхания полыни, чувствуя в то же время удовольствие или отвра-

⁵ Фрагмент (из раздела V «Частной риторики») современного издания: Кошанский Н.Ф. Риторика / Издание подготовили В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Издательский дом «Русская панорама»; Издательство «Кафедра», 2013. См. весь раздел на стр. 145–148.

щение. Не так ли и вкус нравственный различает все степени красот и безобразий чувством приятного или неприятного? – Знаем также, что вкус физический дан всем, но иногда теряется или портится – неужели и нравственный?..

§ 37. Не определяя вкуса, взглянем на его свойства и действия: 1) Вкус врожден всем людям, хотя в разных степенях; 2) Он различен до бесконечности, как самые физиономии; 3) Здравый вкус, как здравый разум, один у всех людей; 4) Он беспрестанно стремится к совершенству и требует пищи; 5) Вкус раскрывается прежде разума, еще в детстве и 6) имеет сильное влияние на образ жизни, мыслей и поступков.

Примеч. Из 1-го следует, что вкус не есть удел немногих, но свойствен всем, как способность говорить и думать. Из 2-го, что о вкусе никогда спорить не должно. Из 3-го, что он следует общим началам, имеет свою теорию и, *кажется*, может составить науку подобно логике, риторике, поэзии. Из 4-го, что скука есть недостаток деятельности для вкуса. Из 5-го, что он требует верного направления, иначе увлекает молодых людей в крайности – *в энтузиазм и сентиментальность*. Из 6-го, что образование вкуса необходимо при воспитании.

§ 38. Вкус должен быть освещаем разумом, как природа – лучами солнца. В союзе с разумом вкус становится верным, здоровым и достигает *утончения и разборчивости*.

Утончение вкуса состоит в легкости замечать такие красоты и недостатки, которые для обыкновенных глаз неприметны, и зависит от утончения способности чувствовать. (*Но излишнее утончение здравому вкусу противно.*) *Разборчивость* есть следствие счастливого соединения разума со вкусом. Разборчивый вкус не обманывается мнимыми красотами, определяет истинную цену каждой, различает их степени, свойства, действия, показывает, откуда каждая заимствует свою волшебную силу, и сам чувствует впечатление сих красот живо, сильно, но не больше и не меньше надлежащего (прибавл. 10).

10. Тонкий и разборчивый вкус, довольствующийся наслаждением прекрасного в природе и в искусствах, можно назвать бездейственным: он производит любителей искусства и критиков. Но тот же вкус, стремящийся сам создать свое прекрасное, идеальное, называется *творческим*: он производит гениев, таланты и способности.

Творческое задание 16. Напишите краткое сочинение-эссе о вкусе, используя тезисы Н.Ф. Кошанского. Используйте суждения Н.Ф. Кошанского, пытаясь развернуть их в аргументах и примерах. Кстати, в примечаниях (см. выше) Н.Ф. Кошанский отчасти посоветовал, как можно развернуть эти суждения.

1. *Вкус врожден всем людям, хотя в разных степенях.*

Пример: *Вкус врожден всем людям, хотя в разных степенях, потому что все мы оцениваем поступки других людей, их одежду, прическу, мысли, слова. Однако одни люди, как мы представляем, обладают вкусом как врожденным чувством прекрасного (нам кажется, что оно врожденно), а другие – нет. И к первым мы стремимся, а со вторыми, как правило, не желаем иметь дела...*

2. *Он различен до бесконечности, как самые физиономии.*

...

3. *Здоровый вкус, как здоровый разум, один у всех людей.*

...

4. *Он беспрестанно стремится к совершенству и требует пищи.*

...

5. *Вкус раскрывается прежде разума, еще в детстве.*

...

6. *Вкус имеет сильное влияние на образ жизни, мыслей и поступков.*

...

Творческое задание 17. Стремясь предложить вам определение «вкуса», предлагаем вам сопоставить приведенные классические рассуждения пушкинского учителя с современными определениями. При этом постарайтесь также руководствоваться категорией «вкуса». Конечно, изменились и «времена, и нравы», и общий стиль жизни, но никто не отрицает требований ясности, глубины, простоты, точности в определении научных понятий. Итак, вот что предлагает нам Википедия образца 2016 года:

Вкус – эстетическая категория, один из предметов изучения эстетики как философской дисциплины. Согласно определению Канта, вкус есть «способность судить о прекрасном» (*das Vermögen der Beurteilung des Schönen sei*); он, по выражению российского философа В. Бычкова, «органически присущ человеческой природе, как единственно позволяющий актуализовать гармонию человека с Универсумом».

Вкус определяется избирательностью, приверженностью какому-то направлению. Эстетический вкус означает наличие предпочтений и собственного мнения о конкретных объектах. Всеядность и неразборчивость означает отсутствие вкуса, причиной которого является недостаточность интереса к данному виду творчества (отсутствие художественного вкуса порождено недостатком интереса к изобразительному искусству, отсутствие вкуса в поэзии порождено недостатком интереса к поэзии и так далее).

1. Кажется, все верно. Только не потерял ли современный текст в теоретико-абстрактных описаниях тот аромат точности и выразительности суждений, который присущ автору пушкинской эпохи?

2. Чтобы воспринять текст «Википедии», надо понять, что такое «гармония человека с Универсумом» – найдите, пожалуйста, объяснение слову «универсум» в литературе или Интернете и скажите, насколько точно В. Бычков толкует, на ваш взгляд, слово вкус.

3. Затем сказано об отсутствии вкуса. Да, вкус как категория прекрасного понимается часто как его отсутствие, или как показ безобразного, пошлого, вульгарного, примитивного, низкого.

Прежде чем перейти к обсуждению этих категорий, вспомним, что писал Пушкин об истинном вкусе: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Теперь – о противоположном: **пошлость, вульгарность, примитивизм, скабрёзность, безвкусие.**

1. Как наиболее точно определить эти понятия?
2. Чем они отличаются друг от друга? Приведите примеры, но сделайте это беззлобно, объективно и честно.

Творческое задание 18. Чтобы сделать это, лучше всего обращаться к этимологии слова и тут же выискивать в вашей памяти и опыте примеры и контексты, которые наиболее точно выявляют сущность этих понятий.

Поэтому прежде чем знакомиться с пояснениями авторов пособия, попробуйте выполнить эту работу самостоятельно.

Пошлость – это то, что «пошло», укоренилось, устоялось, вроде всем (большинству!) понравилось, но на самом являет собой образцы безвкусия и дисгармонии с прекрасным.

Вы хотите примеров из нашей современности?

Ну, что ж, поспорьте с нами:

Одна из «лучших песен» 2015 года, звучащая с большинства каналов радио и телевидения:

О Боже, какой мужчина, я хочу от тебя сына.

И я хочу от тебя дочку, и точка, и точка!

Это пошло? Пошло, и звучит из всех репродукторов...
А вот это «пошло»:

А ты стоишь на берегу в синем платье,

Пейзажа краше не могу пожелать я,

<...>

И шашлычок под коньячок вкусно очень,

<...>

Да, о вкусах не спорят...

А Верка Сердючка – это тип искусства для кого? Это просто безвкусно или пошло?

Кстати, поскольку современная эстрада – тип массовой культуры, то большинство песенных хитов вместе с их авто-

рами бывают популярны только *временно* и испаряются из нашего внимания как... Верка Сердючка. А как вы оцениваете вот это, совсем недавнее:

*В шумном зале ресторана
Средь веселья и обмана –
Пристань загулявшего поэта.
Возле столика напротив
Ты сидишь вполоборота,
Вся в луче ночного света.
Так само случилось вдруг,
Что слова сорвались с губ,
Закружило голову хмельную...
Ах, какая женщина, какая женщина!
Мне б такую.*

1. Конечно, нам очень нравится мелодия этой песни, но как вы рассматриваете эту оценку человека по... половому признаку? Здесь женщина как кукла: «мне б такую»?

2. Конечно, это не безнравственно, но это красиво или пошло? Сентиментально или вульгарно? Умилительно или примитивительно? Впрочем, о вкусах не спорят.

3. А ваши примеры?

Вульгарность – от латинского *vulgar*, хотя кто не помнит пушкинских строк «*Того, что модой самовластной в высоком лондонском кругу зовется vulgar... Люблю я очень это слово, но не могу перевести...*» *Vulgar* (по-латыни простонародный) – противоположный аристократическому, *comme il faut* (как должно, как подобает).

В одном из писем к жене Пушкин раздраженно заметил: «*Ты знаешь, как я не люблю все, что пахнет московской барышнейю, все, что не comme il faut, все, что vulgar*».

Или вот еще одна из записей Пушкина: «*Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне простонарод-*

ным, vulgar, скучен, заносчив и безо всякого приличия. Например, он поднял платок, мной уроненный». Очевидно, было не принято оказывать подобные услуги молодому человеку, и эта маленькая деталь становится для Пушкина уничтожительной в характеристике Надеждина.

Слово *простонародный* становится для Пушкина обозначающим человека невоспитанного, не знающего правил «приличия».

Творческое задание 19. Объясните подобным образом слова *примитивный, скабресный, безвкусный*. Постарайтесь объяснить разницу в этих словах хотя бы на теоретическом уровне, а затем выполните следующее творческое задание.

Творческое задание 20. Определить разницу в значениях слов-синонимов *пошлый, вульгарный, примитивный, простонародный* бывает непросто. Можете ли вы привести примеры и обобщить ваши наблюдения за поведением людей, их манерами, внешним обликом, речью?

Практика. ОПИСАНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ЧЕЛОВЕК – ЭТО СТИЛЬ

Прежде чем приступить к описанию внешнего или внутреннего облика человека, неплохо бы определить (и такие определения всегда делались в истории философии и литературы!), «*что есть человек?*». Такой вопрос задает Владимир Мономах в «Поучении детям своим» (и оцените красоту и величественность этого текста): «*Что есть человекъ, яко помниши и?.. Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, никак же разумъ чеповеческъ не может исповедати чудес твоихъ; – и паки речемъ: велий еси, господи, и чудна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в веки и по всей земли. Иже кто не похвалитъ, ни прославляетъ силы твоя и твоих великихъ чудес и доброт, устроеных на семь свете: како небо*

устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и там, и свет, и земля на водах положена, господи, твоимъ промыслом! Зверье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоимъ промыслом, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человека, како образи разноличнии въ человекьскихъ лицах, – аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лицъ образом, по божии мудрости).

Не правда ли этот поэтический текст достоин быть переведенным на современный язык, истолкованным и, возможно, прочитанным с современной литературной сцены.

Творческое задание 21. Предлагаем вам перевести его на современный русский язык.

В старообрядческих рукописях XVIII века имеется хвалебное «Слово о человеке». Изобразительные свойства этого краткого сочинения в сочетании с глубокой философской мыслью не могут не удивить и нашего современника.

Предлагаем вам прочитать и прокомментировать написанное:

Слово о человеке

Человек есть вещь дивна, велия и прекрасна, дивно от предивнаго бога осуществованная, о себе стоящая и себе пребывающая, от души невестественныя и от плоти вещьественныя пречюдне сложенная.

Человек – преизрядное владычне создание, яко всесвятыма и неописанныма рукама божиима сплесканное, тако всесвятым и животворящим дуновением его оживленное.

Человек – предизбраннейшее живущее: елико добротю живота, силою двизания и благолетием чюствования изобилно украшенное, толико светлостию словесньства и ясностию разума пребогато сияющее.

Человек – всепредобрейшее долговечное животное, разумное, разсуджательное и удивительное, всякаго научения и всякаго художества, всякия хитрости удобоприимательное,

яко бога, тако божия создания, видимаго и невидимаго, познавательное; толиким богатством разума, смышления и мудрости преизобилно кипящее, сугубое предивное, видимое и невидимое, смертное и бессмертное, временное вечное, правосоящее животное, выспреносная глава, горезрящее око, многобеседная уста, доброглаголивый язык, мудросокровищное сердце, быстролетающая мысль, пернатый помысл, крилатый небовосходный ум, всеизрядный божии поклонник, вторый господня славословия ангел и, что много глаголати, всякаго создания божия, елико видимаго, елико невидимаго, елико познаваемаго, елико веруемаго, всекрасный и благосочетанный союз, други божия творения предивный мир, всего великаго мира в себе пресветло являя, истее реици, царь создания, владыка твори, обладатель обладаемых, господь вещественнаго мира, всекрасный образ присносущнаго и непостижимаго бога, по писанию глаголющему: и сотвори бог человека по образу божии сотвори его.

Основная кульминационная мысль этих текстов – величие и своеобразие каждого человека – образа Божия. После этого вдохновенно-хвалебного текста попробуем все-таки посмотреть на другие описания: научные и литературные, в которых исследуется тот же вопрос: что есть человек?

Современный толковый словарь, БСЭ:

***Человек** – общественное существо, обладающее сознанием, разумом, субъект общественно-исторической деятельности и культуры.*

Новый философский словарь:

***Человек** – фундаментальная категория философии, являющаяся смысловым центром практически любой философской системы.*

*В рамках истории философии Ч. традиционно понимался в единстве его основных модусов **тело**, **душа** и **дух**. При этом **тело** выступает одновременно как элемент природы, в соответствии с интерпретацией которой можно говорить о его основных образах в истории философии и науки, и как собственно человеческое тело... **Душа** также может пони-*

маться в двух основных ракурсах: во-первых, как жизненный центр тела, «дыхание» («прана», «психея»), являющееся той силой, которая, будучи сама бессмертной, очерчивает срок телесного существования; во-вторых, как экзистенциальное начало, индивидуализирующее Ч. в обществе и описывающееся в философии через проблемы свободы воли, свободы творчества, игры. Дух воплощает в себе фундаментальную сущностную идею «человечности» как таковой, где видовая особенность Ч. во времена Аристотеля связывалась преимущественно со свойствами разумности (Ч. как «разумное животное») и социальности (Ч. – это «политическое животное»). Вместе с тем, в понятии духа отражается не только феномен «духовности» как интегративного начала культуры и общества, но и личностные характеристики отдельного Ч., где личное характеризуется через индивидуальное воплощение социально-значимых качеств, преломленных в фокусе «Я» самосознания.

Занимаясь творчеством, мы как раз и находим эти индивидуальные средства выражения для каждого описываемого человека, будь это герой-персонаж литературного произведения или реальный человек, о котором кто-то ведет свой рассказ. Итак, главное – идея **личного творческого начала в человеке**. Поэтому ниже мы будем заняты поиском таких образцов текстов, где даются яркие описания тех или иных литературных персонажей или реальных людей.

Описание человека может быть как **статичным**, так и **динамичным**. В первом случае оно фиксирует то или иное состояние человека в данный момент (прошлый, настоящий или предполагаемо-будущий) – и тогда оно именно «описание»; во втором случае описание жизни человека становится «повествованием», то есть последовательным представлением цепи событий, действий, случаев, происшествий с этим человеком.

Что же способно привлечь внимание читателя? Очевидно, тот интерес, который сумеет таинственным образом пробудить в читателе писатель. Возможно, это – новая мысль, или

новый образ, или словесный оборот, какого вы как читатель никогда доселе не встречали, но и при знакомой мысли вы вдруг чувствуете, что никто еще до этого автора так не писал и не выражал себя. Способ этого выражения лег вам на душу и вы стали с писателем друзьями.

Почитаем описания «человеков» из классики и портреты, созданные нашими современниками, а затем и нашими студентами, которые прошли обучение по данному курсу. Затем вы будете писать ваши собственные тексты – значит, приготовьте вашу душу к критическому, с одной стороны, и доброжелательному, с другой, восприятию этих текстов.

Образец первый. М.Ю. Лермонтов. Портрет Печорина

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен художью его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, – верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость: он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати

трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгому наблюдению, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные – признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Образец второй. А.С. Гончаров. Обломов

В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов.

Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока.

Иногда взгляд его помрачался выражением будто усталости или скуки; но ни усталость, ни скука не могли ни на минуту согнать с лица мягкость, которая была господствующим и основным выражением, не лица только, а всей души; а душа так открыто и ясно светилась в глазах, в улыбке, в каждом движении головы, руки. И поверхностно наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!»

Человек поглубже и посимпатичнее, долго взглядываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье, с улыбкой.

Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казался таким, может быть, потому, что Обломов как-то обрюзг не по летам: от недостатка ли движения или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому свету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины.

Движения его, когда он был даже встревожен, сдерживались также мягкостью и не лишеною своего рода грации ленью. Если на лицо набегала из души туча заботы, взгляд туманился, на лбу являлись складки, начиналась игра сомнений, печали, испуга; но редко тревога эта застывала в форме определенной идеи, еще реже превращалась в намерение. Вся тревога разрешалась вздохом и замирала в апатии или в дремоте.

Как шел домашний костюм Обломова к покойным чертам лица его и к изнеженному телу! На нем был халат из персидской материи, настоящий восточный халат, без малейшего намека на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, или от пальцев к плечу все шире и шире. Хотя халат этот и утратил свою первоначальную свежесть и местами заменил свой первобытный, естественный лоск другим, благоприобретенным, но все еще сохранял яркость восточной краски и прочность ткани.

Халат имел в глазах Обломова тьму неоцененных достоинств: он мягок, гибок; тело не чувствует его на себе; он, как послушный раб, покоряется самомалейшему движению тела.

Обломов всегда ходил дома без галстука и без жилета, потому что любил простор и приволье. Туфли на нем были длинные, мягкие и широкие; когда он, не глядя, опускал ноги с постели на пол, то непременно попадал в них сразу.

Лежанье у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием. Когда он был дома – а он был почти всегда дома, – он все лежал, и все постоянно в одной комнате, где мы его нашли, служившей ему спальней, кабинетом и приемной. У него было еще три комнаты, но он редко туда заглядывал, утром разве, и то не всякий день, когда человек мел кабинет его, чего всякий день не делалось. В тех комнатах мебель закрыта была чехлами, шторы спущены.

Комната, где лежал Илья Ильич, с первого взгляда казалась прекрасно убранною. Там стояло бюро красного дерева, два дивана, обитые шелковою материею, красивые ширмы с вышитыми небывальными в природе птицами и плодами. Были там шелковые занавесы, ковры, несколько картин, бронза, фарфор и множество красивых мелочей.

Но опытный глаз человека с чистым вкусом одним беглым взглядом на все, что тут было, прочел бы только желание кое-как соблюсти *decorum* неизбежных приличий, лишь бы отделаться от них. Обломов хлопотал, конечно, только об этом, когда убирал свой кабинет. Утонченный вкус не удовольствовался бы этими тяжелыми, неграциозными стульями красного дерева, шаткими этажерками. Задок у одного дивана оселся вниз, наклеенное дерево местами отстало.

Точно тот же характер носили на себе и картины, и вазы, и мелочи.

Сам хозяин, однако, смотрел на убранство своего кабинета так холодно и рассеянно, как будто спрашивал глазами: «Кто сюда натащил и наставил все это?» От такого холодного воззрения Обломова на свою собственность, а может быть, и еще от более холодного воззрения на тот же предмет слуги его, Захара, вид кабинета, если осмотреть там все повнимательнее, поражал господствующею в нем запущенностью и небрежностью.

Образцы третий и четвертый, поэтические

Эти «образцы» – классические стихотворные самопортреты, которые также становятся самоописанием человека. Такие самопредставления или самопрезентации, как теперь говорят, были чрезвычайно модны в поэзии XVIII века:

Иван Иванович Дмитриев

*Умен ли я, никем еще в том не уверен;
Пороков не терплю, а в слабостях умерен;
Немножко мотоват, немножко я болтлив;
Немножко лгу, но лгу не ко вреду другого,
Немножко и корю, но не от сердца злого,
Немножко слаб в любви, немножко в ней стыдлив
И пред любовницей немножко боязлив.
Но кто без слабостей?.. Итак, надеюсь я,
Что вы, мои друзья,
Не будете меня за них судить строго.
Немножко дурен я, но вас люблю я много. (1791)*

Гавриил Романович Державин

*Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим. <...>
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, –
Признаюсь, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом, жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец, на гроб мой камень,
Если ты не человек. (1807)*

Образец пятый, студенческий

Матушка Феодорита, конструктор монастыря

Никогда еще мне не доводилось встречать такого удивительного человека... Нет, конечно, приходилось читать и слышать о сильных духом людях, о великих и талантливых... Случалось от друзей и знакомых слышать истории об их необыкновенных приятелях и случайных знакомых... Доводилось в книгах знакомиться с необычными героями, выписанными так живо, будто их можно встретить где-то, выйдя на улицу. С Аллой Ивановной Марковой мне довелось несколько месяцев назад встретиться лично...

Алла родилась где-то в Азербайджане, а затем вместе с семьей переехала на родину матери, в Краснодар, а училась в Свердловске, в химико-механическом техникуме, после чего попала по распределению на работу в Рязань. Человек серьезный, ответственный, быстро сделала карьеру, став ведущим инженером в проектно-техническом институте, а потом была приглашена на работу в научно-исследовательский институт приборостроения в Москву. Инженер-ракетостроитель разрабатывала электронные микросхемы, пока не вышла на пенсию...

Биография человека труда, не правда ли? Женщина из провинции своим умом и своей целеустремленностью добилась образования, интересной работы... Но именно в 90-ые годы судьба ее круто изменилась.

Алла Ивановна в лихие годы создает в Москве группу по оказанию помощи в деле возрождения храмов в глубинках России. Вскоре принимает постриг... Так советский конструктор Алла Маркова стала монахиней Феодоритой. В 2004 году она была назначена игуменьей Покровского женского монастыря села Быково, что в Ярославской земле.

В распоряжении матушки Феодориты оказалось огромное трехэтажное здание общей площадью под три тысячи

квадратных метров. Все это происходило зимой. С крепкими морозами январь-месяц, снег, а до ближайшего крупного поселения, районного центра, только на маленьком автобусе, который ходит несколько раз в сутки или пешком. Отопления нет. И нет ни одной живой души в огромном здании.

Вскоре прибыла подмога. С матушкой отважилась на подвиг восстановления монастыря послушница Мария. Две женщины жили в одной единственной келье, где было печное отопление. От печи грелись, хотя спать все равно приходилось в тулупах и валенках, на печи варили скромный обед, у печи принимали первых гостей монастыря...

Гостей в монастыре всегда встречают с любовью. С каждым матушка побеседует, каждого выслушает, за каждого помолится, разделит монастырскую трапезу. Мягкий взгляд Феодориты и приветливая улыбка располагают даже самую замкнутую, отчужденную душу.

Вот уже несколько лет вкладывает матушка свои силы и энергию на восстановление монастыря. Мир не без добрых людей. Заметив, что монастырь оживает, туда стали приезжать паломники, помогать. Работа закипела. «На все Божья воля – говорит Феодорита, – с Божьей помощью наш труд стал заметен...»

С первым потеплением матушка принялась за уборку территории. Одного только металлического лома и другого крупногабаритного мусора с территории вывезли полсотни грузовиков...

А тем временем, пришло лето и стало видно, что кроме запущенной территории, грязи, обшарпанности, в монастыре есть гораздо более сложные проблемы, которые требуют больших затрат: фундамент под зданием просел и с пугающей стремительностью разрушается... А ведь еще и отопление нужно делать, вставлять окна, двери... Феодорита смогла привлечь внимание окружающих на монастырь, а значит дать ему жизнь. Ведь прошел бы год-другой и поправить разрушившийся фундамент уже было бы нельзя... Трудами матушки и насельниц сейчас стены монастыря

вычищены, фундамент поднят, а под небом искрит на солнце золоченый купол и крест над домовым монастырским храмом Преподобного Сергия Радонежского. И жизнь матушки Феодориты в монастыре со своими трудностями, своими радостями идет своим чередом в ежедневных хлопотах и молитвах за тех, кто принял участие в деле восстановления монастыря. Имена жертвователей матушка записала и молилась за них ежедневно, а теперь замуровала эти списки под куполом Креста. «Теперь ангелы молятся за всех людей, кто помог монастырю», – говорит она.

Горячая вера и практический ум помогают матушке вести восстановительные работы. Разработка современной отопительной системы на инфракрасном излучении, составление смет на ремонт фасада, разработка сверхсовременной системы подачи и очистки воды – все делает сама Феодорита. Вдумчивая, с пытливым умом, бесстрашно берется за решение проблем обустройства монастыря. А сейчас она занята выбором материалов, чтобы установить вокруг монастыря ограду. «Вера вдохновляет, а некоторые знания помогают осуществлять задуманное, – смеется матушка. – Конструкторский опыт тоже помогает».

Действительно, вера, настроение, с которыми матушка берется за любое дело, не могут не поразить. Феодорита и ее труд вдохновляют тех, кто живет рядом с монастырем на добрые дела. Недавно, например, в монастырь стали возвращать иконы, которые когда-то, когда монастырь забросили, были расхищены.

Чудесным обретением монастыря – стала икона Божией Матери, которую матушка обнаружила на третий день своего пребывания в монастыре в куче лома в храме. Когда настоятельница убиралась в помещении, обратила внимание на большой кусок железа. Сердцем почувствовала, что это икона. Поставила стол, застелила белой скатертью, обмыла найденный кусок металла крещенской водой и стала ждать. Через неделю проявился лик Богородицы, через месяц – лик младенца Спасителя, затем появилось золото. Сейчас икона

украшает монастырь, стала его хранительницей. Феодорита нашла в себе силу явить миру чудо оживления монастырских стен, наполнить их жизнью и горячей людской молитвой, за что и была вознаграждена чудом открытия забытого святого лика.

Благородный труд этой женщины, с которой всегда так просто, так интересно беседовать, которая заражает своим жизнелюбием, своим светлым, добрым взглядом на мир, меня так поразила, что я решила описать жизнь матушки в своей работе. Ведь в сущности, пока русская земля богата людьми, способными на честный, самоотверженный, самоабвенный труд (будь то восстановление монастыря, будь то труд учителя, врача, или инженера), до тех пор и будет жить русская земля.

Д. Груханова

Образец шестой, также студенческий

Когда мы станем великанами, или о человеке внешнем и внутреннем

Мне хотелось описать два состояния человека – внешнего и внутреннего – путем не обычного цитирования какого-нибудь популярного текста, а посредством собственного анализа художественного произведения.

Свой выбор я остановила на одном из моих любимых советский кинофильмов «Когда я стану великаном» (1979 г., режиссер – Инна Туманян). Жанр фильма определяется кинокритиками как школьная драма или как лирическая комедия. На мой взгляд, фильм «Когда я стану великаном» – идеальный образец именно школьной драмы, но никак не комедии. Несмотря на значительное количество веселых и ироничных сцен, значение картины все-таки не увеселительное. Именно посредством сопоставления двух (внешнего и внутреннего) портретов главного героя – Пети Копейкина (роль исполняет Михаил Ефремов), я постараюсь доказать обозначенный выше тезис.

Восьмиклассник Петя Копейкин еще в начале фильма сам дает описание своей внешности. Происходит это следующим образом: Копейкин сорвал театральное представление своего класса, на которое был приглашен член горono. Дабы оправдаться перед важным гостем, директор школы просит Сергея Константиновича (того самого члена горono) самолично отругать хулигана Копейкина. Сергей Константинович соглашается встретиться с нарушителем порядка. И, когда встреча происходит, член горono не может поверить своим глазам: он ожидал увидеть здорового парня с кулаками-грушами, с глупым видом и дурацкой улыбкой. Вместо этого перед ним предстал невысокий, тощий, долговязый акселерат (как назвал себя сам герой). Сергей Константинович не смог сдержать смех, и Копейкин понял, почему.

Петя Копейкин отлично понимал, что его внешнее и внутреннее «Я» диаметрально противоположны. Внешняя несостоятельность, даже ущербность, сочетались с внутренней могучей поэтической силой, с недетским философским мышлением, с благородством, остроумием и литературным даром. Из-за своей убогой внешности он часто был по-доброму, но все же осмеян своим же классом. Над его поэтическим талантом также посмеивались, потому что в головах учеников-среднячков не могло уложиться, что поэтом может быть не только глыба весом в 70 килограмм, но и хлипкий юноша, хромающий и лохматый. Свою истинную индивидуальность, благородную, он доказывал постоянно. Тайно влюбленный в свою одноклассницу Машу Горошкину, Копейкин мог рассчитывать лишь на дружбу, потому что понимал, что он Маше – не пара. Более того, когда он узнает, что Горошкина влюбилась в нового ученика их школы – красавца-баскетболиста Колю Кристаллова – он самостоятельно передает своему сопернику записку любовного содержания от Маши! И, более того, он пишет от его имени замечательные стихи и посвящает их Маше, так как знает, что она любит поэзию.

Увы, эта история не имеет счастливого конца. Маша, узнав правду о посвященных ей стихах, не становится ближе к Копейкину. Для нее он только друг, преданный ей на всю жизнь. Сам же Петя, всегда мечтавший вырасти в статного мужчину (фильм потому и назван – «Когда я стану великаном»); так начинается одно из стихотворений Копейкина), осознает обреченность своей мечты, и, смирившись с таким положением лишь на время, продолжает писать и творчески хулиганить.

Эта кинокартина лишь еще раз подтверждает, что благородное человеческое начало, глубина мышления и посланный свыше поэтический дар может быть присущ даже внешне блеклому, серому человеку. Быть может, так происходит потому, что такие «невидимки» лучше справятся с этой трудной миссией? Ответом на этот вопрос может стать полноценное сочинение, но это уже – другая история.

А. Карпова

Образец седьмой, не грустный

От авторов: *многие сочинения пишутся о близких людях. Это естественно. Особенно ценно, когда, потрясенная уходом близкого человека, душа хочет осознать, чем же был для тебя этот человек. И воистину: «чти отца и мать твоих, и благо тебе будет, и долголетен будешь на земли».*

Ю. Королева

Дедушка

Свое эссе я хотела бы посвятить своему покойному дедушке.

Из пятерых братьев он в семье был младшим. Младшим и самым любимым. Может быть поэтому, он и вырос очень добродушным и мягкосердечным человеком. Все его братья сделали военную карьеру, и лишь он один выбрал другой путь, намного более простой – он стал водителем скорой помощи

и, можно сказать, посвятил свою жизнь тому, чтобы доставлять людям здоровье.

Он и сам для многих был самой настоящей «скорой помощью». Помогал всем, кто попросит, просто так, и никогда не отказывал. В советские годы пустых прилавков, отправляясь в командировку в Москву, он получал множество наказов от сотрудниц с просьбами привезти продукты и вещи, которых у нас в городе достать было невозможно. Когда он приезжал, его встречала толпа медицинских работников, которые выгружали из его машины продукты, галантерею, хозяйственные вещи и множеств других жизненно важных мелочей.

Но на этом его добрые дела не заканчивались. У дедушки были золотые руки, он постоянно что-то мастерил, собирал, ремонтировал. И люди постоянно к нему приносили какие-то свои поломки, звали посмотреть кран или прибить полочки.

Можно еще очень долго перечислять все его заслуги и добрые дела. Но главное в этом человеке то, что никто и никогда не видел его злым, обиженным, раздраженным. Это поразительно, насколько он был ко всем добр. Настолько добр, что за всю свою жизнь даже не обзавелся врагами или завистниками. Его всегда окружали друзья и любящие его люди. И никогда ни с кем у него не было ссор.

В одном фильме была героиня, которая говорила, что надо «жить – не тужить, никому не досаждать, никого не обижать». Я думаю, что мой любимый дедушка прожил свою жизнь именно под таким девизом, оставив после себя множество вещей, которые обрели жизнь в его руках и надежду на абсолютное человеческое добро.

Образец восьмой, самый юный, самый грустный, но самый-самый...

Это сочинение невозможно назвать сочинением. Это – письмо, написанное шестнадцатилетней девушкой в утро

прощания с женщиной, которую автор при ее жизни называла «бабулей», хотя женщина для автора – чужая. Женщина просто приходила «няней» к детям и постепенно стала для них больше, чем родная. В сущности, это – текст о преобразении и воспитании детской души любовью. Впрочем, сами дайте ему оценку.

Есть ли у автора литературный талант, решите сами – автору как раз предстоит летом поступать в университет... И что такое талант, умение писать, как не горение сердца, луч божества, дар неба, желание высказаться так, чтобы тебя поняли?... Письмо читалось на поминальном вечере...

Неля Тесис

Письмо бабуле Вале

Начну, пожалуй, с самых первых воспоминаний. Мы сидели на кухне, на Филях. И ты делала те самые «тортики». Я не знаю, как у тебя получилось уверить маленького двухлетнего ребенка в том, что обычный хлеб, намазанный сверху маслом и с капелькой смородинового варенья, которое ты варила, это тортики, сладость... Еще я помню, как ты меня учила аккуратно складывать вещи: теперь всегда, когда я их складываю, я вспоминаю тебя. Мы вместе читали книжки. Мне кажется, мы прочитали все детские, на тот момент существующие, книжки. Ты научила меня усидчивости, старанию, трудолюбию. Мы могли сидеть часами на одном месте и просто разговаривать или читать.

Если бы у меня была возможность задать тебе только один вопрос, я бы спросила: «Бабуля, как ты смогла так сильно полюбить чужого тебе ребенка?». Знаешь, твоя любовь живет во мне и всегда будет жить. Я чувствую, что ты рядом со мной, что ты никуда не уйдешь. Я не знаю, смогу ли я вообще кого-то так сильно полюбить не из моей семьи, как это сделала ты. Но я обещаю тебе, что не подведу тебя и оправдаю все твои надежды. Я буду прекрасной дочерью, внучкой, мамой, женой, бабушкой. Я стану такой,

какой была ты: честной, порядочной, настоящей, а главное, безумно доброй и милосердной.

Я часто вспоминаю тебя, когда пишу, потому что в детстве ты мне говорила: «Нелечка, я тебе привезу тетради Танечки. У нее такой хороший почерк! Надо всегда писать аккуратно и красиво. Покажи мне свои тетради...» И я показывала. А ты сидела, хвалила и улыбалась. С каждым годом почерк мой становился хуже, поэтому я тщательно выбирала, какую тетрадку тебе показать. Чтобы не стыдно было, понимаешь?

Думаю, что у каждого человека такое в жизни было, когда кто-то близкий умирал, а ты понимал, что не задал столько нужных вопросов. Я рада, что ты всегда говорила со мной как со взрослой, но сейчас злюсь на себя, что не задала тебе вопросы, потому что стеснялась или боялась, что они покажутся глупыми. Теперь же я вспоминаю цитату (не помню откуда): «Тот, кто задает вопрос, глупый на пять минут. Тот, кто не задает вопрос, глупый навсегда». Я не знаю твоей фамилии. Я не спросила тебя про первую любовь. Я столько всего о тебе не знаю, столько не спросила, хотя могла бы. А вдруг ты ждала, что я задам тебе эти вопросы? А я сглупила.

В этом мире всем везет по-разному. Но я очень счастливый человек. У всех всегда две бабушки, а у меня целых три. Но настоящая бабушка как в сказках и фильмах только ты. Я люблю тебя, Абику и Бабулю Галю всех одинаково сильно. Просто Абика и Бабуля Галя совсем нетипичные бабушки, что не уменьшает их достоинств, безусловно. Но привозить готовые пирожки и варенье, дарить книжки, просто дарить тепло и любовь и не требовать ничего взамен могла только ты.

Я помню, как ты расстроилась в прошлом году, что я тебе не дозвонилась. А я звонила... Но мне все равно было так стыдно. И до сих пор стыдно. Еще я сказала тебе где-то недели две назад, что хочу приехать к тебе, как поступлю. И ты ответила: «Миленький, главное, позвони и скажи,

что поступила». Сейчас я еще не поступила, но как узнаю, я сразу приеду к тебе, бабуля.

Я столько всего хочу еще сказать тебе, я столько всего помню. Но, наверное, пока что это все, что я могу вытянуть из потока, из бури воспоминаний о тебе. Из бури самых теплых воспоминаний о тебе.

Я благодарна судьбе, я благодарна Богу за то, что у меня была ты. В этом большом мире так мало таких хороших людей. И я та счастливица, которая повстречала такого прекрасного человека.

Я буду помнить, любить и благодарить.

2015-07-19. 5:45

Творческое задание 22. Напишите сочинение на тему «Се человек!..» («Вот человек!», «Это человек!»).

– *Esse homo!* латинский перевод греческого выражения *Ἰδοὺ ὁ ἄνθρωπος* (*иду хо антропос*), с которым, согласно Евангелию от Иоанна (гл. 19, ст. 5), прокуратор Иудеи Понтий Пилат показал народу Иерусалима после бичевания Иисуса Христа, одетого в багряницу и увенчанного терновым венцом, желая возбудить сострадание толпы:

Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: «се, Человек!» Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: «распни, распни Его!» Пилат говорит им: «возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины».

Выражение стало крылатым. Его употребляют, в частности, когда хотят указать на достойное сострадания положение цивилизованного человека нашего времени.

Пусть текст вашего сочинения будет о человеке, который достоин того, чтобы о нем писать.

Занятие 5

ГЕНИЙ И ГЕНИАЛЬНОСТЬ. ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ

Теория. ГЕНИЙ И ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Как часто мы слышим восклицания: «Это гениально!» или «Вы – гений!» Что стоит за этими восторженными оценками? Неужели только выражение особого восторга и одобрения со стороны говорящего?

«Гений и злодейство – две вещи несовместные!» – говорит у Пушкина Моцарт. Гений – не просто явившие себя в творчестве некие способности, но какое-то высшее озарение, сопровождающее подлинное творчество, а не ремесло (как у Сальери). Хотя Сальери говорит: *«...Я, наконец, в искусстве безграничном достигнул степени высокой. Слава мне улыбнулась, я нашел созвучие моим созданиям...»* Но все равно это не та степень искусства, которой таинственно достигает Моцарт.

Итак, гений... Гений – в античной мифологии это дух-хранитель, преданный человеку, предмету и местности, определяющий характер человека или атмосферу местности. Вера в существование божеств, духов и демонов, покровительствующих человеку, очень древняя и встречается во многих культурах. Считается, что некоторые духи могут вдохновлять человека, внушая ему знание истины и наделяя талантами, которыми человек превосходит многих смертных; отсюда происходит понятие о человеческой гениальности, что буквально означает покровительство доброго духа-гения.

Гений защищает человека от воздействия злых духов, несущих болезни и неудачи.

В греческой мифологии гении (даймоны) могли быть добрыми (агатодаймоны, от греч. *Αγαθο* – хорошо, благой) или злыми (какодаймоны, от греч. *Κακό* – зло). Сократ описывал своего личного даймона-гения как внутренний голос, который всегда предупреждал философа, как только тот хотел совершить неправильный поступок.

В диалоге «Эпиномис» Платон, ученик Сократа, говорит, что даймоны *«относясь, однако, к роду, умеющему быстро учиться и обладающему хорошей памятью, они прочитывают все наши мысли и относятся к добрым и благородным с поразительной милостью, однако очень злые мысли они воспринимают с крайним отвращением»*. В диалоге «Государство» Платон говорит, что злключения человечества объясняются *«недостатком внимания со стороны даймона, воспитавшего нас, руководившего нами... и сделавшегося слабым и беспомощным»*. В диалоге «Тимей» Платон приводит миф о сотворении мира, в котором демиург обращается к первым богам и приказывает создать племя существ, которое являлось бы *«руководящим принципом для тех, кто хочет следовать справедливости и за богами»*.

Представления о гении, духе-хранителе, сохранились в христианской традиции в образе ангела-хранителя, данного человеку Богом при крещении для помощи и руководства. Католическая и православная церкви учат почитать и призывать в молитвах ангелов-хранителей, как ближайших духовных наставников и покровителей. Ангел-хранитель невидимо находится при человеке на протяжении всей его жизни, если человек сохраняет в себе любовь к Богу и истинную веру перед Ним.

Гениальность (от лат. *genius* – дух) – высший уровень интеллектуального или творческого функционирования личности, который проявляется в выдающихся научных открытиях, технических изобретениях, создании художественных произведений, имеющих последствия во многих областях

культуры. О гениальности говорят, когда достижения расцениваются как новый этап в определенной сфере деятельности, считаются опережающими свое время, формируя представление о дальнейшем развитии культуры. Традиционно (начиная с И. Канта) термин «гениальность» связывают с представлениями о таланте, однако многие авторы систематически различают эти понятия.

Гениальность определяется как практическое воплощение врожденного высокого уровня творческого потенциала личности относительно других личностей. Традиционно выражается в новых и уникальных творениях, признаваемых шедеврами, часто с опозданием. В отличие от большинства талантливых индивидуумов, гений создает качественно новые творения, достигая революционных интеллектуальных результатов.

Как правило, гениальность подразумевает высокую **скорость** работы и **продуктивность** в какой-либо деятельности. Со времен эпохи Возрождения укоренилось общее представление о гениальности как особом роде **вдохновения**, побуждающего к **новаторству** в профессии. С тех пор существует мнение, что гениальность требует универсальных интересов незаурядной личности.

Однако существует значительный разрыв между гениями потенциальными, генетическими, и гениями признанными, реализовавшими свой потенциал.

Европейский культ гениальности сопровождался становлением философии буржуазного индивидуализма, достигшей кульминации в период романтизма.

В XX веке феномен гениальности становится предметом множества социологических и физиологических исследований. Наиболее известны проявления гениальности в научном и художественном творчестве.

Творческое задание 23. Можно ли, на ваш взгляд, говорить о гениальности в наше время? Как, на ваш взгляд, гениальность проявляет себя в разных областях искусств (живо-

писи, скульптуре, танце, музыке, пении и проч.), научного творчества (в разных областях), профессионального мастерства и ремесел? Приведите примеры гениальности в последнее столетие.

1. Следует ли различать понятия «гениальность» и «талант»?

2. Посмотрите в литературе (Интернете), как описываются оба понятия и выскажите ваше мнение. Не забывайте, что для доказательства и убеждения аудитории желательно приводить конкретные примеры.

Практика. ФИЛОСОФСКОЕ ЭССЕ

Как проявляется гениальность в писательском творчестве? В создании собственных шедевров мысли и слова, новаторских образцов рассуждения, стиля как нового взгляда и формы выражения, поражающей воображение читателя. Попробуем пронаблюдать эти шедевры в жанре философского эссе.

Философское эссе – это размышление или «вопросание» о жизни (М. Хайдеггер). Каждого человека волнуют вопросы жизни и смерти, любви и ненависти, добра и зла, правды и лжи. Философские эссе не совсем обычный жанр, так как предполагает жизненный опыт, глубокие интересные мысли, которыми человек желает поделиться с другими людьми. Философское эссе может писаться на самые разные темы – самое главное, чтобы оно выражало определенный мировоззренческий взгляд автора, имело заинтересовывающую позицию, а такая позиция может быть выражена только стилистически оригинальными и точными словами.

Для знакомства с жанром философского эссе мы избрали творчество выдающегося русского писателя-философа **Ивана Александровича Ильина**. **Иван Александрович Ильин** (28.03.1883–21.12.1954) – русский философ, правовед, лите-

ратурный критик, публицист. В 1922 году он был выслан вместе с другими учеными, философами и литераторами на «философском пароходе» из России. С 1923 по 1934 год был деканом и профессором Русского научного института в Берлине. Активно участвовал в политической жизни русской эмиграции, примыкая к националистическому крылу. Был одним из идеологов белого движения. В философии Ильина последовательно проводятся идеи русского православия. Он полагал, что отечественная религиозная философия в свете «всех пережитых блужданий и крушений» должна пересмотреть свое призвание, добиваясь «ясности, честности и жизненности».

Кроме серьезных научных и политических трудов, Ильин проявил себя как блестящий публицист, мастер русского слова, которого его друг писатель Иван Шмелев (известна переписка «двух Иванов») называл «ученым-поэтом».

Предлагаем для анализа отрывки-эссе из двух его книг «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» и «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний». Книги построены как ряд, на первый взгляд, произвольных философско-художественных эссе – кратких, тематически разнообразных очерков-рассуждений о самых разных вопросах повседневной жизни. Перечень тем в оглавлении книги поражает обыденностью, но в каждом повседневном и обыденном слове-явлении писатель умел различить высокий духовный смысл. Прочитывая перечень его тем, представьте сразу: что вы могли бы написать об этом?

I. Тяготы жизни

- 1. Скука.*
- 2. Бессонница*
- 3. Забота*
- 4. Будни*
- <...>*

II. Жалобы

- 1. Рюкзак*
- 2. Книжный шкаф*
- 3. Обиженные*
- 4. Одаренный*
- <...>*

V. Проблемы характера

32. Улыбка

33. Легкомыслие

34. Словоохотливый

35. Молчаливый

<...>

VI. Дифирамбы

58. Слеза.

59. Любовь

60. Гроза

61. Снег

62. Цветок

И т.д.

Творческое задание 24. Проанализируйте содержание и стиль одного из пяти произвольно избранных нами эссе И.А. Ильина «Бессонница», «Неудача», «Истинная любовь», «Слеза», «Любовь».

Для этого целесообразно разобрать композицию текста, выписав основные мысли в виде плана текста эссе. Укажите на наиболее выразительные и оригинальные суждения, образные выражения, фигуры речи и конструкции фразы.

Анализировать тексты хорошего писателя непросто, потому что хочется следить за необычно точной и яркой мыслью автора, а не препарировать скальпелем хирурга прекрасно скроенный словесный организм. Однако полюбуйте не только глубиной и красотой созданных текстов, но и постарайтесь «профессионально» понять, КАК они сделаны.

Эссе первое. Бессонница

Вы страдаете бессонницей? Безутешное состояние! Как нам избавиться от него? Как нам справиться с ним?

Но только не торопитесь с «избавлением»! Ничто в жизни не бывает напрасным. И болезнь тоже. И бессонница тоже. Все целесообразно, все служит таинственному предназначению, из всего должно извлечь урок. Все несет нам свой дар. Было бы неумным уклоняться от этого дара, Почему не принять его? Нетерпеливый произвол – вот кто жаждет немедленно «уйти» от неприятного. Жизненная мудрость поступает наоборот: она хочет принять, и неприятность тоже! А может быть, самый дорогой как раз

дар неприятного... Все, что хочет высказаться, должно непременно высказаться. Вот объявляет о себе бессонница... Добро пожаловать! Только никакого страха перед ней... Иначе душа будет скована судорогой. Только не надо ее превозмогать... Иначе она будет упрямо утверждаться. Сон всегда приходит легко. Вот и мы пойдем навстречу бессоннице самой легкой поступью... И примем от нее ее дары и уроки.

У нашего произвола есть предел – это первый урок бессонницы. Никто из нас не является неограниченным властелином своей жизни. Напротив, нам приходится считаться с непреложными данностями нашего естества; мы должны приспособиться и поклониться им, чтобы **Божественное начало** в нас вернулось к жизни, чтобы **Оно** в нас обрело творческое равновесие, чтобы **Оно** обрело покой. Если мы не сделаем этого, мы потеряем здоровье, равновесие, сон, до тех пор пока они снова не восстановятся «через себя самого». «Через себя самого» – так звучит глубокое, меткое слово Аристотеля... Ну, а теперь нам следует подождать, пока сон не наладится сам собой. Не волнуйтесь! Бессонница походит на скуку: она здесь, только чтобы отступить. Она останется лишь до тех пор, пока не окрепнет жажда сна.

Так что лучшее средство помощи сну заключается в том, чтобы не мешать бессоннице, предаться ей, испить ее как **поднесенный кубок**. Лучшие всего забыть, что пора или даже давно пора спать; совсем не думать о своей бессоннице, о ее возможных последствиях и т.д., а чистосердечно и непосредственно отдаться содержаниям жизни, которые бесцеремонно вторгаются к нам и прогоняют сон. Пусть приходит, что хочет; пусть распутается весь клубок идей и аффектов. Остальной мир может спать. Я отдаюсь своей бессоннице и ее скрытым содержаниям, для которых у меня «нет времени» в течение дня. Я остаюсь наедине с собою...

Так бессонница приносит мне свой второй дар – способность вынести **одиночество**. Там, где все покинули меня; где

все, уйдя в себя, забыли целый мир и меня; где я совсем один, предоставленный самому себе, лежу и уверен в том, что только я в состоянии себе помочь, – начинается необычная, оторгнутая напряженная жизнь. Эта жизнь зачастую слишком интенсивна, чтобы сделаться скучной; напротив, она часто так неожиданна и поразительна, что во мне просыпается настоящее любопытство; и зачастую так полна смысла, что я оищуаю себя в суровой школе одиночества, самостоятельности и самообладания. Ах, сколько людей на свете, которые только бессонными ночами впервые почувствовали и осознали свое душевное и духовное одиночество, только из этого, по-видимому, столь безутешного одиночества воззвали к **Богу на небесах** и нашли его! Потому что Он стоит ближе всех к страдающему бессонницей. Там, где жизнь кажется совершенно безутешною, сразу же появляется утешение. Там, где, казалось бы, гибнешь в своем одиночестве, легче всего находишь дорогу к Богу. А это ведь несомненно благороднейшее утешение и ценнейший дар...

А теперь – третий ценный дар бессонницы. В этом ночном бодрствовании учишься представлять себе и подслушивать скрытые смыслы собственных неосознанных и полусознанных тайников. И не только огорчений и оскорблений бодрственного дня; но также и ошибок, грехов и ран потаенного Я – есмь. И не только их, но также и святые и исцеляющие лучи света **совести**. Ибо ничто так не располагает и так не предназначено для восприятия этих лучей света, как сумеречное состояние полумрака бессонницы. Там, где погас дневной свет и свет сознания, где накапливается и повышается способность воспринимать внутренние лучи и где мрачная картина повседневной жизни тоскует по **новому, несказанному свету**... Ах, есть так много людей, которые только в бессонные ночи пережили просветляющее благо мук совести и исцеляющее благословение **раскаяния**, одинокого, горького, примиряющего раскаяния! Это ли не драгоценный дар? Это ли не утешение, возникшее из безутешности? Правы ли трусливые люди, пытающиеся избежать

этих даров и этого утешения и прибегающие из страха появиться утром «бледными»... к лекарствам?

*Бессонница учит нас мужеству. Мужеству перед лицом природы, перед самим собой, перед своей совестью. Мужеству для пребывания в одиночестве и **для воздания молитвы.***

Это ее последний дар и ее лучшее утешение.

Эссе второе. Неудача

Устоять перед неудачей – первое, чему должен научиться каждый. Откровенно говоря: кто не понимает этого, тот – не мужчина. Простите! Также и не женщина. Скорее всего, это – трусы обоего пола.

И тем не менее каждый из нас должен однажды сдать экзамен на свою первую большую неудачу. В честь этой первой неудачи здесь дается несколько утешительных советов.

Да, конечно, это мучительно; часто даже страшно мучительно: столько надежд, столько усилий и столько огорчений!

Итак, первое: не погрязать в неудаче; не стенать; не составлять «длинный список потерь» и не думать о них непрерывно. Предоставим зверюлизывать раны. У человека есть более достойный выход: не признавать рану души своей. И – все.

Второе: нельзя представлять себя единственным несчастным дитятей на белом свете; ведь у каждого были неудачи, и у всех они будут. Нельзя также воображать, что эта неудача была «фатальной» или «непоправимой». Пока жив человек, все можно исправить, каждую неудачу можно и должно обратить в успех; да, даже каждый дурной поступок может и должен быть искуплен и произрасти исцеленным в ткани раскаивающегося, творческого духа.

Третье: нельзя, чтобы неудача казалась вам «позором», особенно в чужих глазах. Существуют миллионы таких чужих глаз. Стоит только представить себе, что из миллио-

нов глоток кричат тебе: «Позор! Позор!», чтобы никогда больше не подняться на ноги. Для того, кто свободен от этой тяжести, неудача не является позором. В неудаче человек ощущает себя, конечно, внизу, как будто он свалился с горы, как будто он лежит там обессиленный... Но поэтому нужно как можно скорее покончить с этим! Близящийся успех уже зовет тебя: ты не можешь ему изменить.

Четвертое: неудача – лучшая школа успеха. С ней надо обращаться как с предметом тренировки, как с необходимым закаливанием; как с источником понимания и мудрости жизни; как с дорогим поучением, как с трамплином для новой борьбы. Но это означает, что неудачу нельзя отдавать на расправу оскорбленным и разочарованным чувствам, ее необходимо воспринимать с помощью воли и обращаться с ней как с проблемой воли, и с помощью спокойного исследовательского разума – как с проблемой разума. Тогда путь к успеху проложен!

Скажи себе, твердо и решительно: «Задача была поставлена правильно; она осталась невыполненной; ее надо осуществить; это была лишь попытка; сейчас я снова займусь ее решением. Как мне лучше сделать это?»

Затем нужно продумать все так, как будто это была чужая неудача, на которой надо учиться: «Откуда пришла неудача? Чего мне не хватило? Где я действовал неправильно? Возможно, неосторожно или нерешительно? Возможно, заносчиво, поспешно, бестактно?» Надо всегда спрашивать и отвечать так, как будто речь идет о добром друге, которого, к сожалению, постигла неудача и которому надо помочь словом и делом. Чтобы умолкло собственное тщеславие и своенравие; чтобы выработать привычку спокойно переносить собственные недостатки и ошибки (а возможно, и собственные грехи и пороки) и научиться смирению; чтобы научиться извлекать из неудачи не только отдельную предстоящую удачу, но и – что более важно – возможность укрепить и облагородить собственный характер. И тогда, пожалуй, пусть жизнь превратится в беспрерывную неуда-

чу: в любом несчастье, при любом промахе победитель поднимет голову. Ведь в жизни действительно существует нечто большее, чем просто жизненный успех, а именно – **духовная победа над мелочным, тщеславным поганцем в собственной душе!**

Не правда ли, этот выигрыш – не второстепенное дело, непосредственно задуманное нами? Разумеется! Но в жизни часто бывает так, что в первоначально «второстепенном деле» позже узнаешь главное. Хотелось пробиться к «удаче», а обнаружилась дорога к победе, к духовному просветлению. И победитель, возможно, будет думать о совсем иных удачах, чем те, которых ему удастся достичь, и он будет славить свою прежнюю неудачу как составляющую настоящего счастья.

Поэтому – счастья тебе! Вперед, к неудаче!

Эссе третье. Истинная любовь

Никому не ведомо, как возникает любовь между мужчиной и женщиной, откуда она приходит и что приносит с собой... Но однажды она приходит.

Я не имею в виду флирт, когда прикидываются, будто «немного влюблены», в то время как знают, что это не так, и согласны удовлетвориться таким же «невинно-виноватым» игривым, легким притворством с другой стороны. Здесь каждый втайне знает, что и он не принимает всерьез эту «любовную игру» и его самого не принимают всерьез, что он может и «по-иному», может играть и с другими, сможет обойтись и без своего теперешнего «партнера»... Это именуется времяпрепровождением, настроенным не более чем на похоть, и в результате все опошляющее, то же мимолетное стрекотание двух безответственных стрекоз... Далекое от любви, как небо от земли!

*Если приходит настоящая любовь, человек теряет чувство свободной бесшабашности, вольной игры. Он вдруг чувствует себя связанным, как будто его пронзила **необходи-***

мость или он подпал под действие какого-то закона: теперь он не может по-иному, он как бы во власти чар.

По этому узнают настоящую любовь: кто «может по-иному» и «может с другими», тот еще ничего не знает о любви. Любовь – это избранность, в которой часто ничего не ощущается от избрания. Видишь себя определившись, а возлюбленное существо единственным и незаменимым.

С этим избранным существом любящий хочет быть вместе, наслаждаться его присутствием без помех со стороны других, уже не играть, отринуть сдержанность, стать с ним совершенно искренним и придать этой искренности цельную форму. Приближается решающий момент: любимый должен узнать, что его любят; – ужасный момент... Вдруг он не ответит на любовь?!.. Тогда всему конец, мир и жизнь становятся грудой развалин...

По этому узнают истинную любовь – она не только сосредоточенна и исключительна, но и «тоталитарна», она требует человека всего, она поглощающа, предписана судьбою. Истинная любовь хочет в человеке всего: не только внешне-человеческого, но и душу, и внутреннее содержание ее – сущность человека, святую тайну личной духовности, древний источник божественного дыхания в нем, чтобы сделаться **единым** в жизни, желаниях и молитвах. А кто ничего о том не ведает, тот не ведает ничего и об истинной любви.

При этом совсем не всегда думают о «женитьбе». Этот «итог» подводится как бы сам собою. Ибо, если мужчина и женщина охвачены истинной любовью и уже не могут жить друг без друга, тогда они образуют **творческую жизненную общность**, как новую, великолепную жизненную ценность, которая стремится быть признанной Богом и людьми – одобренной, освященной, уважаемой, охраняемой... Мы, разумеется, знаем: многие вступают в брак и без любви (бедные люди!); но если это любовь, то она ищет победы и свадьбы, подобно тому, как розовый куст добивается розы. Во все не стоит говорить о «вечной любви». Истинная любовь воспринимается, однако, как единственная и вечная – про-

должающаяся вечно, связывающая навечно и ведущая к блаженной вечности. И тот, кто никогда этого не испытал, вероятно, не много знает о любви.

*Любить и быть любимым своей возлюбленной. Какое счастье, какое богатство творческих возможностей... Уже само по себе – живая хвалебная песнь Господу. Исполнение лучших желаний, парящая радость, одухотворенный показ, восходящая утренняя заря... В человеке пробуждаются потаенные силы его далеких предков, с которыми он удивительным образом чувствует себя **единым**... Все просыпается для него, все живое окликает его; и он чувствует себя **цельным** и окрыленным. Ему, одному, «самому великолепному из всех» – можно цвести... Ей, единственной, чудесной – возносить хвалу, сметь служить, ею жить!..*

Кто, однако, воспринимает эту радость не как невинную и святую – ибо она идет из неразделенной любви, ибо желаемая природой, ибо она освящена Господом!.. кто от всего этого счастья не чувствует легкой грусти – ибо в любви столь многое сгорает, потому что в ней просыпается предчувствие наступающих любовных страданий, ибо достигнута вершина жизни, и вечно преходящее хочет поднять свой голос!.. кто при этом не думает о бремени ответственности и не чувствует мировой боли – тот пока не знает, что такое истинная любовь...

И еще одно: любящий хочет счастья для себя, счастья творчески-прекрасной общности, грядущего счастья среди многочисленной детворы. Если же он одновременно не хочет счастья любимого существа, если его сердце не думает в своей глубине о жертвах, если оно не ставит счастье любимого существа выше своего собственного, то его любовь корыстна и себялюбива: о, тогда это не истинная любовь...

Ибо истинная любовь это искра Божия в человеке.

Эссе четвертое. Слеза

Пусть свободно течет, коль уж она появилась. Я знаю, она появляется очень редко. И тот, у кого ее никогда на глазах не бывало, тот, вероятно, чуть меньше, чем человек; он, возможно, так «мужественен», что потерял что-то человеческое. Ибо человеческому существу свойственно, что глубокая душевная боль застилает слезами глаза, и слеза, робкая и скромная, как цветок страдающего сердца, расцветает на глазах. О, люди, берегите эти нежные цветы!..

Нет сомнения: телесно есть у человека сердце. А душевно и духовно?

У нас, цивилизованных людей, бытует предрассудок: сильному, мужественному человеку не нужно сердца, «этого источника слабости»; оно ему ни к чему; от него лишь затруднения и паралич; поэтому оно не должно ни трогать нас, ни влиять на нас. Тем более слезы – как нечто неприличное и недопустимое; и появление их – настоящий позор.

Что есть жизнь без сердца? Без сердца – значит без любви! Кто ничего не любит, тот не умеет и служить; приносить жертвы; оставаться верным. Что можно сделать с подобными людьми? Есть ли на свете великое дело, которое было или может быть осуществлено без любви и верности? А теперь сердце надо подавить или вовсе окончательно иссушить. Что же тогда останется людям? Непродолжительные причуды, злые капризы, пустые мелочи. Лишь эти жалкие паразиты могут побеждать и перебиваться без сердца и любви... Горе, горе бессердечному народу!

Если же сердце есть – страдаешь, и страдаешь тем сильнее, чем чувствительнее, шире и глубже восприятие сердца. Такое сердце участвует невольно в страданиях мира, видит все несправедливости и жестокости внутренним оком, из которого никогда не исчезает невидимая слеза. Эта слеза говорит о мировой боли; и насколько помнит человечество, нигде и никогда не было значительного художника, философа или пророка, который не знал бы этой слезы и ко-

торому она не помогла бы сделаться ясновидящим. Да, ясно-видящим. Ибо лишь зримая слеза омрачает взор на недолгое для нее время; невидимая слеза сердца, напротив, открывает человеку духовное зрение. И если такая слеза однажды блеснет из телесного ока – неужто это уже позор?

Я дал бы людям возможность выплакаться спокойно, в тишине. Нехорошо так много страдать и все хоронить в своем сердце: постепенно образуется целое кладбище с погребенными в нем мнимыми мертвецами; и однажды толпа этих заживо погребенных болей внезапно восстанет и будет мучительно искать воздуха и жизни. Нам дана тишина ночи и верность друга, чтобы они видели наши слезы и навсегда умолчали о них. Пусть эти бутоны страдающего сердца расцветут и завянут в оке, никем не осужденные, никем не осмеянные...

Каждый плачущий – знает он это или нет – плачет от избытка мировой боли.

Эссе пятое. Любовь

Если ты когда-либо был счастлив, то это было из-за любви. Если ты сейчас несчастен, знай: это от недостатка любви.

Я уже слышу возражения. Черствый «чересчур умник» возражает: «Что такое любовь? Нужно сначала определить понятие любви». А корыстный, падкий на наслаждения человек думает: «Но на любовь надо отвечать... Бывает же и несчастная любовь!»

Нет, любовь не надо «определять»; достаточно однажды по-настоящему пережить ее. На нее необязательно и отвечать; она сама по себе счастье; и того, кто «томится» от безответной любви, все же должно считать счастливым.

Там, где она начинается, кончается равнодушие, вялость, рассеянность, скука. Душа становится как бы раненой, однако эта рана необходима для счастья и здоровья. Она вы-

полняет созидательную миссию. Непроизвольно, часто даже совершенно неосознанно, человек становится собраннее; его интересы унифицируются, внимание концентрируется. Начинается новая, интенсивная жизнь; скрытая внутренняя сила, творческая власть действуют в его душе уже по собственному побуждению. Сердце начинает воспламеняться; затем оно горит, а в точке горения – возлюбленный предмет. Из жизни как бы исчезают будни, и каждый новый день приносит надежды, желания и перспективы. Возникает новый центр жизни; возлюбленное «главное»; уютно обихожённое убежище.

Кто обладает подобным источником внутренней жизни, тот счастлив. Кто обладает таким внутренним «убежищем», тот богат. Пусть судьба его любви сложится «несчастливо»; пусть его жажда любви останется неутоленной, его счастье все же будет живым, а его богатство – настоящим. Поэтому любовь подобна радости, которая светит любящему, как солнечный луч, даже сквозь страдания, заботы, неудачи и болезни. И в одиночестве любви есть настоящее утешение; и слеза любви блаженна. Любовь подобна радостному свету, который светит человеку изнутри и дарит ему неиссякаемое тепло. То сердце, что чуть было не окаменело, растворяется, становится мягким, подвижным, легким, гибким, текучим. Душа становится нежной и чувствительной; она обращается с участием и пониманием ко всему свету. Поэтому любовь подобна доброте; ибо счастливому свойственна живая потребность осчастливить всех вокруг и наслаждаться чужим счастьем как отражением собственного...

Кто любит по-настоящему, тот может вчувствоваться в возлюбленное им. Чувство и воображение соединяются; отсюда возникает новая душевная сила, нежная и зоркая одновременно, чуткая и пронизывающая: таинственная идентификация с влюбленным, интуитивное ясновидение, безошибочное отдаленное предчувствие. От такой любви рождаются великие поэты: Хафиз, Овидий, Петрарка, Шелли,

Гете; люди, для которых каждый цветок раскрывается по-особенному, каждая птичка поет по-другому, каждый солнечный луч приносит откровение, каждое человеческое сердце открывает свои тайны, – люди любовного, бескорыстного созерцания.

Мир полон дремлющей любви. Счастлив тот, в ком она проснется и кто сумеет не упустить ее, не опоздать, а сохранить живой. Тот несет в себе источник внутреннего блаженства и око духовного откровения; счастье, чтобы осчастливить людей; свет, чтобы светить другим; вечный поток и вечную песню...

А если эта любовь к другому человеку и не находит ответа, тогда ей еще надо очиститься, до полного самоотречения. Да, болью; по-другому не получается; но из этой боли счастье любви светится еще ярче. Якоб Беме писал, что как раз великое рождается в муках.

Творческое задание 25. Напишите собственное философское эссе на одну из тем по книгам И.А. Ильина, а затем сопоставьте ваше рассуждение с текстами эссе писателя.

Занятие 6

СЛОВО В ИСКУССТВЕ КИНО. ТЕКСТЫ ЛЮБИМОГО КИНО

Теория. СЛОВО В ИСКУССТВЕ КИНО

В век массовой информации слово начинает жить в новых знаковых формах. Так, оно начинает звучать в кино, с экранов телевизоров, со сцен многотысячных концертных залов, с компьютерных мониторов... Но в основе большинства этих устно звучащих речей лежит письменный текст, то есть для того, чтобы снять фильм, необходимо написать сценарий; чтобы сделать какую-либо телепередачу, пишутся ее проекты, планы и затем, опираясь на эти подготовительные материалы, создается окончательный устный текст. То же самое бывает с эстрадными (песенными и речевыми) жанрами: они сначала прописываются, а затем воспроизводятся – либо наизусть (как в песне), либо читаются по листочкам, вложенным ведущими большого концерта в красивые папки.

Поговорим сегодня об искусстве слова в кино. Более чем столетняя история кино отложила в сознании зрителей некий состав классических фильмов, и есть мировая классика (фильмы, которые знают во всех странах), а есть классика национальная, которая, может быть, еще не вышла за пределы страны, где зрители давно ее признали и полюбили тот или иной фильм.

Что знаете вы, наши современники начала XXI века, о киноклассике мировой или русской? Времени мало, поэтому поговорим о **русской** классике как о **мировой**. Это и «Броне-

носец Потемкин» (еще немое кино), и «Александр Невский», и «Волга-Волга», и «Верные друзья», и такие шедевры типично советского «доброе» кино, как «Дом, в котором я живу», или «Весна на Заречной улице», или «Свадьба с приданым»... В каждом из этих фильмов (на исключением ранних немых) имеются тексты, которые мы называем «прецедентными», то есть образцовыми, известными всем в данной культуре.

Творческое задание 26. Назовите три ваших любимых фильма с наиболее запомнившимися вам эпизодами. Какие тексты из этих фильмов вы помните? Попробуйте проанализировать, почему эти тексты вам запомнились: Они необыкновенны по мысли? Они образно построены? В них есть остроумные слова? В чем интерес их «подаки»?

Практика. ТЕКСТЫ ЛЮБИМОГО КИНО

Я могу говорить!.. (стилистический анализ фильма «Зеркало»)

Предлагаем проанализировать тайну эффективности и выразительности кино слова через анализ текстов одного из лучших фильмов мирового киноискусства – «Зеркала» Андрея Тарковского. В этом фильме таинственным образом сочетаются простота бытовой речи с глубиной подтекстового выражения, краткость с неожиданной распространенностью, свидетельствующей об искусстве владения литературным словом.

Этот фильм биографичен: он – о судьбе человека и довоенного (мальчика, юноши, мужчины), и послевоенного, ищущего полноту и смысл жизни. Но героем фильма режиссер называл «мать» – ее играет замечательная актриса Маргарита Терехова: зрителю приходится догадываться, где она – довоенная мать героя, а где – его послевоенная жена.

Отдельные эпизоды фильма скроены так, что получается таинственная целостность восприятия, над которой хочется размышлять, когда заканчиваются последние кадры фильма.

Диалоги и монологи автора (их читает Иннокентий Смоктуновский) сочетаются со стихами отца Андрея Тарковского – Арсения Александровича Тарковского. Это триединство речевых жанров (монологи автора, диалоги фильма, стихи за кадром) дополняется ритмически кадрами музыки и тишины, когда кинокамера скользит по кустам деревьев, старой потолочной стене, различным предметам, надолго замирает на лицах героев...

Классика кино характеризуется тем, что ее хочется пересматривать много и много раз, каждый раз открывая новое, а «массово-коммуникантская» продукция сериалов, удивив однажды, затем забывается и уходит из памяти навсегда. Предлагаем посмотреть, почитать, проанализировать и подумать над тайнами этой «вечной» классики.

Фильм начинается удивительными прологом, когда врач-гипнозист спрашивает молодого человека, как его зовут, сколько ему лет, где он учится, и тот с невероятными усилиями, заикаясь на каждом звуке и слоге, произносит слова, вызывая сочувствие зрителей. «Слушай, Юра, – говорит врач, – сейчас или никогда ты начнешь говорить...» Она проводит сеанс гипноза и после ее слов он произносит «громко и четко»: Я МОГУ ГОВОРИТЬ!..

Прежде чем приступить к работе над текстом, советуем сначала посмотреть эти начальные кадры или фильм целиком, а затем разобрать каждый эпизод отдельно.

Текст сценария фильма «Зеркало»

Эпизод первый. Подмосковное летнее счастливое утро. Лес, просторный зеленый овраг с кустами, камера скользит

по низу долины, где видна уходящая дорога. Наверху, прислонившись к низкой изгороди, стоит молодая женщина. Она курит, вглядываясь вдаль, словно ожидая чего-то.

Автор (за кадром): *Дорога от станции шла через Игнатьево, поворачивала в сторону, следуя изгибу Вороны, в километре от хутора, где мы жили тогда, до войны каждое лето, и через глухой дубовый лес уходила дальше, на Томишино. Обычно мы узнавали своих только тогда, когда они появлялись из-за густого, широкого куста, возвышающегося посреди поля. Если он от куста свернет в сторону дома, то это отец, если нет, то это не отец, и это значит, что он не придет уже никогда.*

Творческое задание 27. Проанализируйте стиль этого монолога. Как создается его развернутое своеобразие? Разнообразны ли слова? Имеются ли в этой устной речи книжные обороты (причастия, придаточные предложения)? Как читает его Иннокентий Смоктуновский?

1. В чем неожиданность концовки этого монолога?
2. От чьего имени, оказывается, говорил автор?
3. Какую психологическую «странность» детской аргументации хочет подчеркнуть автор?

Эпизод второй. Вдали у куста появляется чья-то фигура: мужчина с чемоданчиком поворачивает от куста к дому и направляется по тропинке вверх к женщине.

Прохожий: *Простите, девушка, я на Томишино правильно иду?*

Мать: *Вам не надо было сворачивать от куста.*

Прохожий (оглядываясь): *А... А это что?*

Мать: *Что?*

Прохожий: *Ну... Что вы здесь сидите? ..*

Мать: *Я здесь живу.*

Прохожий: *Где? На заборе живете?*

Мать: *Я не понимаю. Что вас интересует? Дорога на Томишино или где я живу?*

Прохожий (заметив за деревьями хутор): *А-а... здесь дом. (Громыхнув кожаным саквояжем.) Представляете, взял с собой все инструменты, а ключ позабыл. У вас случайно не найдется гвоздика или отвертки?*

Мать: *Нет. Нет. Нет у меня гвоздика.*

Прохожий: *А что вы так нервничаете? Дайте руку. Да дайте, я же врач. (Берет ее руку в свою.)*

Мать: *Ну?*

Прохожий: *Вы мне мешаете. Я так не могу сосчитать.*

Мать: *Ну что, мне, мужа позвать, что ли?*

Прохожий: *Да нет у вас никакого мужа. Кольца-то нет! Где кольцо обручальное? Хотя сейчас редко кто носит. Старики разве...*

(Неловкая пауза.)

Прохожий: *А папиросу у вас можно попросить? (Закурив, присаживается на забор рядом с матерью) А почему вы такая грустная? А?*

(Забор с треском обрушивается. Оба падают на землю. Мать вскакивает. Прохожий, лежа в траве, хохочет.)

Мать: *Я не понимаю, чему вы так радуетесь.*

Прохожий: *Вы знаете, приятно упасть с интересной женщиной. (Пауза, во время которой прохожий рассматривает траву и кусты, растущие вокруг.) А знаете, вот я упал, и такие тут какие-то вещи... корни, кусты... А вы никогда не думали... вам никогда не казалось, что растения чувствуют, сознают, может, даже постигают? Деревья, орешник вот этот.*

Мать (недоуменно): *Это ольха...*

Прохожий (раздражаясь): *Да это неважно! Никуда не бегают. Это мы все бегаем, суедемся, все пошлости говорим. Это все оттого, что мы природе, что в нас, не верим. Все какая-то недоверчивость, торопливость что ли... Отсутствие времени, чтобы подумать.*

Мать: *Послушайте, у вас что-то...*

Прохожий (не давая ей договорить): *А! Ну-ну-ну. Я это уже слышал. Мне это не грозит. Я же врач.*

Мать: *А как же «Палата № 6»?*

Прохожий: *Так это же он все выдумал! Сочинил!* (Поднимает с земли свой саквояж и уходит по тропинке, ведущей в поле. Останавливается.) *А знаете что, приходите к нам в Томшино!*

Мать: *Послушайте...*

Прохожий: *У нас там даже весело бывает!*

(Прохожий удаляется. Вдруг поднимается ветер, который нагибает высокую траву и словно зовет Прохожего оглянуться и вернуться...)

Мать (кричит ему вслед): *У вас кровь!*

Прохожий: *Где?*

Мать: *За ухом. С другой стороны!*

(Прохожий махнул рукой и зашагал по тропинке к повороту на Томшино.)

Эпизод третий. Вечер. Женщина сидит в углу дома с тетрадью, задумавшись. Дети молча ужинают и играют с кошкой. За кадром звучит стихотворение Арсения Тарковского «Первые свидания», женщина вытирает слезы:

*Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявленье,
Одни на целом свете. Ты была
Смелей и легче птичьего крыла,
По лестнице, как головокруженье,
Через ступень сбегала и вела
Сквозь влажную сирень в свои владенья
С той стороны зеркального стекла.
Когда настала ночь, была мне милость
Дарована, алтарные врата
Отворены, и в темноте светилась
И медленно клонилась нагота,
И, просыпаясь: «Будь благословенна!» –
Я говорил и знал, что дерзновенно*

*Мое благословенье: ты спала,
И тронуть веки синевой вселенной
К тебе сирень тянулась со стола,
И синевую тронутые веки
Спокойны были, и рука тепла.*

*А в хрустале пульсировали реки,
Дымились горы, брезжили моря,
И ты держала сферу на ладони
Хрустальную, и ты спала на троне,
И – Боже правый! – ты была моя.*

*Ты пробудилась и преобразила
Вседневный человеческий словарь,
И речь по горло полнозвучной силой
Наполнилась, и слово ты раскрыло
Свой новый смысл и означало царь.*

*На свете все преобразилось, даже
Простые вещи – таз, кувшин, – когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.*

*Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами...
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.*

Эпизод четвертый. Пожар в деревне на хуторе. Горит амбар со стогами сена.

Хозяин дома: *Дуня! Ах ты, Господи... Дуня!!!*

Жена хозяина: *Паша! Что же это, Паша!!!*

Мать – детям: *Пожар. Только не орите!*

– *Ну, попадись ты мне...*

– *Может, это и не наш Витька... Может, он там... может, он сгорел?*

– *А Кланька где, а? Кланька-а-а?! Кланька-а-а!!!*

– *Чего?*

Эпизод пятый. Мальчик перебирается из постели к родителям и произносит всего лишь одно слово, как бы пробуя его на ощупь: «Папа?»

Эпизод шестой. Камера скользит по стене городской квартиры и останавливается. Телефонный звонок. Разговор автора (голос Смоктуновского) с матерью (мать здесь озвучивает настоящая мать Андрея Тарковского – Мария Ивановна).

– *Да?*

– *Алексей?*

– *Здравствуй, мам.*

– *Что у тебя с голосом? Ты нездоров?*

– *Да нет, ничего страшного, ангина, наверное. Я тут три дня вообще ни с кем не разговаривал. Мне даже показалось, что хорошо помолчать. Все-таки слова не могут передать всего, что человек чувствует... Они какие-то вялые... Ты знаешь, как странно: я тебя только что во сне видел. Как будто я еще ребенок... Кстати, мам, а в каком году от нас отец ушел? В 36-ом или в 37-ом?*

– *Ну, во-первых, в 35-ом, а потом, зачем тебе все это?*

– *А пожар? Ну, помнишь, когда сеновал сгорел на хуторе?*

– *Все тогда же, в 35-ом. Ладно, ты мне голову заморочил... Я, собственно, вот что: ты знаешь, Лиза умерла...*

– *Какая Лиза?*

– *Ну, Лиза! Лизавета Павловна, с которой мы в типографии работали. Ну, на Серпуховке.*

– *А! О, Господи! Когда?*

– *Утром сегодня, в семь часов.*

– *А сколько сейчас времени? Сейчас, собственно, что?*

– *Около шести, наверно.*

- Утра?!
- Что с тобой? Вечера, конечно.
- Слушай, мам. Что мы все время ссоримся, а? Ну, в конце концов, прости меня, если я виноват...

(Короткие гудки. Повесила трубку.)

Творческое задание 28. Смысл бытовых диалогов героев фильма трудно объяснить, но за каждым словом в фильме стоит некий подтекст, намек, размышление. В сущности, такое не встречается больше ни в каких других фильмах – столь многозначительное понимание слова. Такое встречается только у больших мастеров кино и поэзии, когда каждый факт действительности становится осмысленным и приобретает символический характер.

Что, на ваш взгляд, можно сказать о поисках героев? В чем философский смысл и подтексты разговоров, которые они ведут?

Творческое задание 29. Разберите тексты ваших любимых фильмов с точки зрения содержания и стиля. Это могут быть и советская классика («Волга-Волга», «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Свадьба с приданным», «Бриллиантовая рука», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика»), и то, что показывают из киноклассики ежегодно в новогодние дни («Ирония судьбы» и «Служебный роман»), и современные фильмы – любопытно, что вы выберете (если захотите) из фильмов последних лет?

Каждый год приносит нам какие-то киношные открытия. Каждому хорошему фильму не обойтись без поддержки филологов и хорошего литературного русского языка. Какие фильмы (широкоформатные, телевизионные, документальные или художественные) запомнились вам за последнее время?

Напишите небольшую рецензию с анализом идиостиля понравившегося фильма.

Занятие 7

РУССКИЙ ЯЗЫК: ДИВНЫЙ, МОГУЧИЙ, ПОЮЩИЙ. «ПОНЕЖЕ ЛЮБЛЮ СВОЙ РУССКИЙ ЯЗЫК...»

Теория. РУССКИЙ ЯЗЫК: ДИВНЫЙ, МОГУЧИЙ, ПОЮЩИЙ

Хороший писатель отличен собственным ярким необычным стилем. Так, как пишет он, не пишет более никто другой. Он – «отличник», он узнаваем, как узнаваемы для хорошего вдумчивого читателя Пушкин, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов, Булгаков, Шукшин... Мысли и слова лучших писателей становятся прецедентными, культурно значимыми, их знают и повторяют, и иногда хочется спросить: неужели об этом предмете (по этой теме) можно сказать что-то новое – новыми мыслями и новыми словами?

Если *ars longa* «наука (искусство) вечна», то значит, предмет неисчерпаем в своей бесконечности. Таков предмет, который предлагаем обсудить на этом занятии: РУССКИЙ ЯЗЫК...

Вам не сделалось скучно? Вы, наверное, уже вспоминаете великие и «затертые» от многочисленного повторения тургеневские слова «О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!...»? А можем ли мы сказать о нашем языке, о нашей профессии что-то собственное и необычное – другими словами, выразив собственное, построенное на культурной традиции **слово**? Не будем отвечать на этот вопрос сразу, но посмотрим, какие «новые» мысли и слова были рождены в

послетургеневской истории нашей речевой культуры, например, в недавнем XX веке.

Творческое задание 30. В 1947 году Иван Ильин написал статью «О России», закончив ее рассуждением о русском языке. Оцените, какие новые прилагательные-эпитеты создал писатель (конечно, создал не-искусственно, ибо «от избытка сердца говорят уста»), каким образом строит последующее рассуждение в синтаксических оборотах.

И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык.

В нем – вся она, наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм; и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному и потому властен все выразить, изобразить и передать.

Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его – в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме, в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его – значит не любить и не блюсти нашу Родину.

Практика. «ПОНЕЖЕ ЛЮБЛЮ СВОЙ РУССКИЙ ЯЗЫК...»

Творческое задание 31. Узнайте автора! Ниже вашему вниманию предлагаются высказывания ученых-русистов, поэтов и писателей о русском языке. Проанализируйте их с точки зрения стилистического искусства. Постарайтесь «придираться» к каждому необыкновенному на ваш взгляд, выразительному слову и истолковать написанное. Мысли, которые у вас вызывают отклик, комментируйте.

Мы специально не называем авторов – попробуйте назвать автора или, по крайней мере, предположить, к какому времени относится написание этого текста. Проверить себя вы можете в конце данного занятия в «Ключах» на стр. 112.

1. Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает.

2. ...Несносно, когда господа писатели дерут уши наши не Русскими фразами.

Да умножится, да возрастет усердие к русскому слову и в делателях, и в слушателях!

Язык наш превосходит, богат, громок, силен, глубокомыслен. Надлежит только познать цену ему, вникнуть в состав и силу слов, и тогда удостоверимся, что не его другие языки, но он их просвещать может. Сей древний, первородный язык остается всегда воспитателем, наставником того скудного, которому сообщил он корни свои для разведения нового сада.

Где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги читаются более, нежели свои, там при безмолвии словесности все вянет и не процветает.

...Делайте и говорите, что вам угодно, господа любители чужой словесности. Но доколе мы не возлюбим языка своего, обычаев своих, воспитания своего, до тех пор во многих наших науках и художествах будем мы далеко позади других. Надобно жить своим умом, а не чужим.

Природный язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел. Возвышается народ, возвышается язык; благонравен народ, благонравен язык.

3. ...Русский язык чрезвычайно богат, гибок и живописен для выражения простых, естественных понятий... В рус-

ском языке иногда для выражения разнообразных оттенков одного и того же действия существует до десяти и больше глаголов одного корня, но разных видов... Что русский язык – один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения.

4. Язык есть исповедь народа:

В нем слышится его природа, Его душа и быт родной...

5. ...Можно ли отречься от родины и почвы своей, от основных начал и стихий, усиливаясь перенести язык с природного корня его на чужой, чтоб исказить природу его и превратить в тунядца, живущего чужими соками?.. никак нельзя оспаривать самоистины, что живой народный язык, сберегший в жизненной свежести дух, который придает языку стойкость, силу, ясность, целостность и красоту, должен послужить... сокровищницей для развития образованной русской речи.

...С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это... осязаемая связь... между телом и духом; без слов нет сознательной мысли... без вещественных средств этих в вещественном мире дух ничего сделать не может, не может даже проявиться...

Мы должны изучать простую и прямую русскую речь народа и усвоить ее себе, как все живое усваивает добрую пищу и претворяет ее в свою кровь и плоть...

...как верно схвачена была К. Аксаковым, при рассмотрении им глаголов, жизненная, живая сила нашего языка! Глаголы наши никак не поддаются мертвому духу такой грамматики, которая хочет силою подчинить их одним внешним признакам; они требуют признания в них силы самостоятельной духовной... своего значения и смысла...

...Язык есть вековой труд целого поколения.

Язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник или рудник наш, сокровищница нашего языка...

Если мы станем вводить русские слова исподволь, у места, где они ясны по самому смыслу, то нас не только поймут, но станут даже у нас перенимать.

Мы не гоним общей анафемой все иностранные слова из русского языка, мы больше стоим за русский склад и оборот речи.

Кажется, будто такой переворот предстоит ныне нашему родному языку. Мы начинаем догадываться, что нас завели в труппу, что надо выбраться из нее по-здоровому и проложить себе иной путь. Все, что сделано было доселе, со времен петровских, в духе искажения языка, все это, как неудачная прививка, как прищипка разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо вырасти на своем корню, на своих соках, сдобриться холей и уходом, а не насадкой сверху. Если и говорить, что голова хвоста не ждет, то наша голова умчалась так далеко куда-то вбок, что едва ли не оторвалась от туловища; а коли худо плечам без головы, то некорыстно и голове без тула. Применяя это к нашему языку, сдается, будто голове этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Русской речи предстоит одно из двух: либо испоилеть донельзя, либо, образуясь, своротить на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второях запасы.

6. *Я люблю наш прекрасный язык, и стал бы радоваться, ежели бы, познав оного красоту в нем, русские люди больше нынешнего упражнялися и успехи получали, и чтобы не язык, но свое нерадение обвиняли: но любя язык русской, могу ли я такие похваляти сочинения, которья его безобразят? Лучшие не имети никаких писателей, нежели имети дурных. Правписание наше подъячия и так уже совсем испортили. А что свойственно до порчи касается языка, немцы насыпали в него слов немецких, петиметры французских, предки наши – татарских, педанты – латинских, переводчики Священнаго Писания – греческих: опасно, чтобы кирейки не умножили в*

нем и польских слов. Немцы склад наш по немецкой учредили Грамматике. Но что еще больше портит язык наш? худыя переводчики, худыя писатели; а паче всего худыя стихотворцы.

7. Слово.

*Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.*

*И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь. (1915)*

8. Слова.

*Много слов на земле. Есть дневные слова –
В них весеннего неба сквозит синева.
Есть ночные слова, о которых мы днем
Вспоминаем с улыбкой и сладким стыдом.*

*Есть слова – словно раны, слова – словно суд, –
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.
Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.*

*Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.
Но слова всем словам в языке нашем есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.*

*Повторять их не смею на каждом шагу, –
Как знамена в чехле, их в душе берегу.
Кто их часто твердит – я не верю тому,
Позабудет о них он в огне и дыму.*

*Он не вспомнит о них на горящем мосту,
Их забудет иной на высоком посту.*

*Тот, кто хочет нажиться на гордых словах,
Оскорбляет героев бесчисленный прах,
Тех, что в темных лесах и в траншеях сырых,
Не твердя этих слов, умирали за них.*

*Пусть разменной монетой не служат они, –
Золотым эталоном их в сердце храни!
И не делай их слугами в мелком быту –
Береги изначальною их чистоту.*

*Когда радость – как буря, иль горе – как ночь,
Только эти слова тебе могут помочь!*

9. *Признаюсь тебе, что сколько я не люблю прежних французских, а особливо драматических писателей, однако жесалал бы, чтоб язык их менее употребителен был у нас. Он такой же вред делает нашему, как ничтожный червь прекрасному величественному дереву, которого корни подтачивает.*

10. *Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая – от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.*

В журналах осуждали слова: хлоп, молвь и топ как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (Сказка о Бове Королевиче).

Хлоп употребляется в просторечии вместо хлопанье, как шип вместо шипения: Он шип пустил по-змеиному. (Древние русские стихотворения) Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

11. *Во век отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него
Чуждого, ничего;
Но собственной своей красою украшайся.*

12. *Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!*

13. *Пред вами поприще великое... Пред вами громада – русский язык! Наслажденье глубокое зовет вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его...*

14. *Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своем, почти без чуждого примеса, течет как гордая величественная река – шумит, гремит – и вдруг, есть ли надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какие заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса.*

Ключи к заданиям «Авторы текстов о русском языке»

1. М.В. Ломоносов (1711–1765). Краткое руководство к красноречию (1748).
2. А.С. Шишков (1754–1841).
3. Виссарион Белинский (1811–1848). «Голоса в защиту русского языка» (1846).
4. П.А. Вяземский.
5. В.И. Даль (1801–1872). К несмысленным рифмотворцам (1859).
6. А.П. Сумароков (1717–1777).
7. И.А. Бунин. Слово (1915).
8. Вадим Шефнер (1914–2002). Слова (1956).
9. Федор Глинка (1786–1880).
10. А.С. Пушкин (1799–1837). Из примечаний к роману «Евгений Онегин» (1830).
11. А.П. Сумароков. Порча языка.
12. Н.М. Языков.
13. Н.В. Гоголь. Из письма к К.С. Аксакову (1842).
14. Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника» (1792).

Занятие 8

ИДИОСТИЛЬ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОГО СТИЛЯ. ЛУЧШИЕ НАУЧНЫЕ СТИЛИСТЫ: ПОИСК – КОММЕНТАРИЙ – СОБСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Теория. ИДИОСТИЛЬ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Мы с вами подошли к кульминации нашего курса – **научному творчеству**. Деятельность ученого реализуется в разных формах речи. Обычно считается, что научный стиль существует прежде всего в письменной форме. Так ли это? Вопрос спорный, ибо научные идеи не только фиксируются в письменной или печатной (книжной) формах, но обсуждение научных вопросов происходит в устных дискуссиях, на конференциях и разного рода заседаниях, научный опыт передается диалогами учителей и учеников... Формы письменной речи влияют на устную, но устная речь не повторяет письменную.

О научном стиле пишут, что его основными чертами являются **точность, абстрактность, логичность и объективность изложения**. Это так. Никто не поспорит относительно «**точности**» – ведь и бытовой (тем более художественной речи) желательнее быть точными. **Абстрактность?** Да. Но пример в науке всегда конкретен... И попробуйте вести какое-

либо исследование без примеров – оно тут же теряет способность быть убедительным. **Логичность?** А разве политику, юристу, предпринимателю «логика» не нужна? Ну, конечно, ученому особенно... ну, а «гений, парадоксов друг», он всегда «логичен»? Известно, что все новое вызывает сопротивление своей необычностью и кажущейся «не-логичностью»... А **объективность?** – Без нее как честного взгляда на исследуемый предмет никуда, но объективность не равна равнодушию, банальности, ибо всякая новая попытка сделать новое открытие, создать новый стиль несет в себе элементы индивидуального, «субъективного». А объективным следует быть и политику, и предпринимателю, и юристу, однако – не забывать о творческом, новаторском, инновационном (как теперь говорят) начале.

Считается, что *«в научном функциональном стиле отсутствует лексика с разговорной и разговорно-просторечной окраской. Этому стилю в меньшей степени, чем публицистическому или художественному, свойственна **оценочность**»*. Ну, конечно, это так. Только вот один из лучших научных стилистов XX века академик Виноградов получает такую оценку в воспоминаниях академика РАО Ю.В. Рождественского (см. начало нашего курса – Занятие 1, стр. 17–19): *«При разборе произведений и отдельных слов множество ассоциаций с музыкой, цветом, формой и техническими образами, **масса оценочной лексики**, большая близость к театру... Прекрасное знание греческого, латинского, церковнославянского, предметно-практической и художественной речи делало его **особенно чутким к отдельному слову**, выражению и их истории: «В слове откликается и звучит вся цепь с ним связанных ассоциаций...» Обратите внимание на этот строй образов. Он отражает то несравненное и глубокое чувство языка, красочное и музыкальное ощущение **каждого отдельного слова**»*.

Как это непохоже на иной строй, стиль, способ построения иных научных текстов! Академик-китаист Василий Михайлович Алексеев писал в своих дневниках о таких безли-

ких ученых, которым свойственно отсутствие собственной индивидуальной яркой мысли: «Иной ученый пишет не для того, чтобы обнажить свою мысль, а чтобы спрятать ее. Наука – это критика. Критики надо уметь не бояться...»

Цель нашего занятия – познакомить вас с образцами научно-филологического творчества, научного стиля выдающихся филологов-классиков. Попытаемся почувствовать само их отношение к филологическому творчеству через анализ их текстов. В каждом таком тексте вы не сможете не увидеть, что научному **идиостилю** каждого ученого-писателя присущи только его особенности словесно-терминологического отбора, синтаксических конструкций, фигур речи, способов построения общего текста.

Вы догадываетесь, что изучение образцов научно-филологического творчества требуется нам для будущей цели перехода к вашему собственному научному творчеству: вашим письменным работам разного жанра (от краткого реферата до курсовых и дипломных работ) и устным докладам с обсуждением научных проблем, которыми вы желаете заниматься.

Практика. ЛУЧШИЕ НАУЧНЫЕ СТИЛИСТЫ: ПОИСК – КОММЕНТАРИЙ – СОБСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Анализ идиостилей научно-филологического творчества мы проведем через знакомство с текстами влиятельных филологов XX столетия: 1) Виктор Владимирович Виноградов, 2) Николай Иванович Либан, 3) Дмитрий Сергеевич Лихачев, 4) Юрий Владимирович Рождественский.

1. Виктор Владимирович Виноградов.

Творческое задание 32. Прочитайте статью «Научный стиль академика В.В. Виноградова» и выпишите из нее наиболее характерные черты его стиля, отмечаемые автором.

1. С какими мнениями автора статьи можно согласиться, а какие опровергнуть?

2. Какие еще наблюдения можно добавить к замечаниям о стиле В.В. Виноградова, анализируя его тексты (приведенные здесь или другие)?

Научный стиль корифеев русской филологической мысли изучен слабо и недостаточно. В сущности, эта проблема даже не поставлена, чему имеется объяснение в самом русском научном менталитете. Русская филология устремлена более всего на изучение языка и стиля художественной литературы как фундамента русского литературного языка, однако национальный язык держится не только эстетикой художественного творчества, но и всеми другими формами литературной словесности, к которой принадлежат также образцы политической, юридической, церковной, научной (в разных областях), публицистической речи. Другими словами, филологи, уделяя огромное внимание писателям как авторам художественно-литературных текстов, в сущности, забыли про самих себя, или про образцы научно-филологической словесности.

Если говорить о проблеме культурно-исторически, то мы слабо представляем, чем стиль филологических трудов М.В. Ломоносова отличается от стиля А.А. Барсова, а стиль А.А. Барсова от авторов-филологов пушкинского времени, вследствие чего случаются досадные текстологические недоразумения, что, например, произошло при смешении текстов Н.Ф. Кошанского и К.П. Зеленецкого в публикации анонимной «Теории словесности», приписанной целиком последнему⁶. Все это следствие неразличения идиостилей науч-

⁶ См. разбор анонимной «Теории словесности», составитель которой И.И. Давыдов первым в русской науке создал коллективный труд, смешав главы «Общей реторики» Н.Ф. Кошанского и одесского 4-томного курса К.П. Зеленецкого: Аннушкин В.И. Кто же составитель анонимной «Теории словесности» 1851–1860 годов? // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1996. № 1 (3). С. 107–123.

ного письма классических авторов русской филологической словесности для современного исследователя и читателя.

Очевидно, что и для современной русской филологии существует состав культурно значимых авторов, которые введены в обучение, читаются и цитируются научными писателями. Значимы не только идеи этих авторов, но и **научный стиль их письменного творчества**, который должен изучаться и анализироваться с не меньшим вниманием, нежели стиль наших художественных корифеев. Иначе говоря, так же, как В.В. Виноградов изучал когда-то «Стиль Пушкина» и «Язык Гоголя», должна быть поставлена задача изучения языка и стиля самого В.В. Виноградова.

Авторитет В.В. Виноградова и влияние его личности для последующей филологической традиции уже выразились в том, что его ученики пытались оценить методы и стиль творчества своего Учителя. Об этом, в частности, писали и А.П. Чудаков⁷, и Ю.В. Рождественский⁸, и В.Г. Костомаров⁹, и Ю.А. Бельчиков¹⁰. И хотя «тайна» творчества остается неразгаданной, посмотрим, что же мы имеем на путях решения этой задачи.

А.П. Чудаков выделял семь черт научного метода В.В. Виноградова, признавая наиболее резкой чертой мышления и метода Виноградова «*познавательный максимализм*», выразившийся прежде всего в «*полноте фактов и историзме*»¹¹. Этот метод состоит во внимательном и всестороннем изучении истории вопроса, строгом анализе фактов языка и стрем-

⁷ Чудаков А.П. Семь свойств научного метода В.В. Виноградова // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995.

⁸ Рождественский Ю.В. Виктор Владимирович Виноградов (Воспоминания школяра) // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 1. С. 51–56.

⁹ Костомаров В.Г. Путь в науку // Русская речь. 1989. № 5.

¹⁰ Бельчиков Ю.А. Академик Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969). Традиции и новаторство в науке о русском языке: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004.

¹¹ Чудаков А.П. Семь свойств научного метода В.В. Виноградова // Семь свойств научного метода В.В. Виноградова // Русская речь. 1989. № 6.

лении к широким обобщениям, основанным на научных фактах. Согласимся с А.П. Чудаковым: *«Стиль Виноградова “нелегко”, но “туманен” и “невнятен” такой стиль лишь тому, кто не хочет сделать должного интеллектуального усилия, чтобы внять ему»*.

Стилю этому и методу Виноградов не изменяет всю жизнь: внимательный анализ текста изучаемого памятника, тщательное описание всего литературного фона эпохи и сопутствующей критики... Виноградов не сворачивает мысль, но позволяет ей развиваться в сложном переплетении подчас противоречивых фактов и стремится исчерпать весь имеющийся в примерах материал. Кажущаяся громоздкость здания оборачивается величественной красотой, не постижимой в суете скоропреходящих выводов и определений. В.В. Виноградов и не тяготеет к определениям: главное – увидеть то, что сделано предшественниками, тщательно описать «их» определения, мысли, суждения, а затем высказать свое.

Ю.В. Рождественский рассказывает о легендах, ходивших среди коллег, относительно гигантских картотек, якобы имевшихся в рабочем кабинете ученого – ничего этого не оказалось, когда после кончины В.В. Виноградова его ученики стали разбирать его рукописи. Оказалось, что все это следствие глубочайшей эрудиции, внимания и любви к русскому слову: *«самой главной чертой В.В. Виноградова было вынашивание в себе русского языка... он был носителем... воплотителем русского языка и глубоко чувствующим русское слово человеком. Он творил язык в себе самом и развивал себя самого в языке всю жизнь»*¹².

Стиль В.В. Виноградова целен на протяжении всего творческого пути ученого: Виноградов начала 20-х годов похож на Виноградова конца 60-х и путь этот может рассматриваться как восхождение от темы к теме. Свой метод он характеризует как «историзм мышления – это, между прочим, то, что

¹² Рождественский Ю.В. Доклад на Виноградовских чтениях 1991 г. в Дипломатической академии МИД СССР. Расшифровка.

отдаляло меня от всех групп», – напишет Виноградов в конце 60-х годов о своем месте среди направлений и группировок 20-х годов. Внимательный анализ фактов языка, исчерпывающее знание предшественников при ясности настоящего взгляда и ощущении научной перспективы требовали не сворачивания мысли, а ее распространения без боязни усложнить стиль рассуждения.

Безусловно, в анализе стиля Виноградова мы можем руководствоваться его же собственными идеями относительно «образа автора», применив к анализу творчества ученого метод, им разработанный. Заметим, что рождению этой категории мы обязаны интуиции, чувству языка или языковому вкусу ученого, избравшего – не в пример многим современным терминообразователям – точное русское слово.

Ю.А. Бельчиков справедливо пишет, что *«центральной категорией виноградовской лингвистики стала категория “образ автора”, которая... объединяет в единый комплекс языковую систему, текст (как ее реализацию в конкретной, исторически обусловленной речевой коммуникации) и языковую личность, которая находит воплощение своих интенций, менталитета в тексте»*¹³. Однако реально мы можем анализировать именно текст, а относительно отношения к анализу личности и текста находим следующее замечание у Ю.В. Рождественского: *«В.В.В. (так называли его ученики. – В.А., И.М.) никогда не связывал творчество ни с биографией, ни с обстоятельствами. Он считал: внешняя жизнь, жизнь бытовая и литературный талант – совершенно разные вещи. Исследуя творчество писателя, В.В.В. всегда говорил только о его результатах, о тексте и никогда о том, каков автор-человек. Изучать душу и жизнь писателя Метр считал бесцеремонным, неэтичным, неважно, шла ли речь о живых или о покойных. «Свет ушедших умов» был предме-*

¹³ Бельчиков Ю.А. Академик Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969). Традиции и новаторство в науке о русском языке: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 178.

том внимания, но никак не физиология жизни. Это было самое целомудренное отношение к человеку и его душе, какое мне случалось встречать»¹⁴.

Определить существо стиля В.В. Виноградова непросто. Принципиально этот анализ необходимо вести по двум направлениям: **лексики** (выбор слов) и **синтаксис** (построение фразы, предложения, периода, абзаца), причем наблюдение приходится вести почти одновременно. Основной стилистический образ работы В.В. Виноградова состоит в том, что он находится в постоянном поиске нужного слова для выражения научной истины, но, видимо, ощущая, сколь несовершенно наше слововыражение, не сворачивает своих мыслей, а максимально развивает и распространяет их¹⁵. Отсюда множество синонимических конструкций и одновременно минимум лексических повторов, которые обычно бывают тематическими. Пример:

*Эта общая восторженная оценка выразительных средств русского языка конкретизируется, наполняется разнообразным содержанием в более **подробных, развернутых** суждениях о русском языке, высказанных разными выдающимися общественными деятелями и писателями. Не все из этих отзывов **равноценны и далеко не все основаны на подлинно глубоком проникновении в природу русского языка. Особенно нуждаются в поправках, в критическом анализе суждения лиц, мало знавших русский язык, плохо владевших им, хотя дань удивления и восторженной оценки** отдали русскому языку такие классики западноевропейских литератур, как Сталь, Бальзак, Мериме, Флобер и др.*

*Гораздо более **многозначительны, глубоки и интересны** рассуждения о свойствах и особенностях русского языка,*

¹⁴ Рождественский Ю.В. Виктор Владимирович Виноградов (Воспоминания школяра) // Вестник МГУ. Филология. 1995. № 1. С. 55.

¹⁵ Ср. суждение героя фильма Андрея Тарковского «Зеркало»: «Все-таки слова не могут выразить всего, что человек чувствует. Они какие-то вялые...» И хотя в энергичном научном стиле слова далеко не вялы, они требуют постоянного поиска и уточнения.

принадлежащие его создателям и реформаторам, великим мастерам русского слова. Их знание языкового материала, из которого они сами строили вечные памятники искусства, великие литературные произведения, не может быть оспорено, их суждения о русском слове не могут быть отброшены. В основе этих оценок лежит чувство патриотической любви и гордости русского человека (книга «Великий русский язык», 1945).

Обращая внимание на необыкновенное богатство синонимической лексики и синонимических конструкций, отметим, как мало здесь лексических повторов, традиционных для построения фигур речи в старинном риторическом стиле и как стремится автор распространить свою речь. В повторах слов современный научный автор предчувствует некоторую бедность языка, поэтому стремится избегать их, и настоящий мастер должен прекрасно владеть лексикой, всем богатством слов, находя нужные выражения, иначе он уподобляется Илье Ильичу Обломову, который, сидя в канцелярии, испытывал главную трудность в том, что слова набегали одно на другое и мешались в поиске необходимого слова или выражения. Разобранные нами тексты показывают, что так писать могут только мастера, ежедневно трудящиеся за письменным столом.

Впрочем, лексический повтор, организующий фигуры речи, хотя и нечасто, но встречается в текстах В.В. Виноградова. Наиболее популярная его форма – анафорическая конструкция, но и она будет встроена в многообразие других конструкций, которыми характеризуются период и целый абзац. Пример – из «Стиля Пушкина»:

Конечно, «гармония» стиха, новые приемы эвфонических сочетаний, новый поэтический словарь, новые смысловые оттенки, внесенные Батюшковым в стиль лирического выражения, богатство и тонкость экспрессии – все это могло так же пленить юного Пушкина, как сначала пленило Рылеева, Туманского, Баратынского и других поэтов пушкинского поколения. Однако художественно-идеологической основой

этого тяготения Пушкина к Батюшкову был интерес к проблеме лирического выражения личности, ее сложных и тонких эмоций, настроений. Батюшков первый решительно перешагнул через рационалистические схемы той теории чувств, страстей и их выражения, которая была свойственна XVIII веку и была лишь реформирована, но не разрушена в стилях сентиментализма (Радищевым и Карамзиным).

Научный стиль В.В. Виноградова содержит множество элементов эпидейктической (торжественной, праздничной, хвалебной) речи. Именно торжественной речи присуща яркая **оценочность**. Например: «“Словарь Академии Российской” – один из замечательных трудов в русской лексикографии». Оценка сделанного в эпидейктическом красноречии сопрягается с будущими поступками. Поэтому через прошлое намечается будущее, внушаются характер и стиль предстоящей деятельности:

Клад литературного творчества не дается без больших усилий и упорного труда. Одно из орудий литературного труда – толковые словари русского языка. Чтобы лучше пользоваться ими, необходимо знать, чему они могут научить, словом, необходимо знать историю их составления.

Именно эпидейктическая речь предполагает **богатство распространения слов**. Конечно, можно предположить, что многочисленная синонимика в научном стиле Виноградова являлась следствием поиска нужного слова – та или иная мысль в сочинениях ученого часто выражается рядом параллельных, синонимических конструкций. Однако, видимо, автор умышленно не редактирует и не ужимает текст, а разворачивает его целиком, приглашая читателя к сомыслию и сотворчеству. Это, конечно, прием эпидейксиса, где количество слов передает торжественность настроения автора и его отношения к предмету речи (торжество научного творения в момент речи). Пример – почти наугад из той же статьи о толковых словарях:

До конца XVI – начала XVII века господствовал тип словарей отчасти толкового, отчасти реально-энциклопедического характера, содержавших объяснение непонятных, чаще всего иноязычных слов, заимствованных имен и условных церковных символов. Сначала это были своеобразные справочные словарики, «толкования неудобь познаваемым речем», то есть объяснения трудных для понимания книжных слов, отвлеченных выражений, иностранных терминов, заимствованных имен, встречающихся в памятниках церковно-славянской письменности (глоссарии).

Все это множество пояснений, уточнений, выраженных однородными членами, богатство и разнообразие определений несомненно настраивало на «возвышение» трудно постигаемого предмета. Грамматическим выразителем торжественного творческого стиля Виноградова являются имена прилагательные (в книжной речи еще и причастия) вместе с конструкциями принадлежности в родительном падеже, никогда не преувеличиваемыми в количестве:

Вместе с тем Пушкин предостерегал русское образованное общество своего времени от увлечения «механическими формами» наиболее разработанного и нормированного из западно-европейских языков – языка французского, от слепого подражания ему и призывал к «глубочайшим исследованиям» живой народной речи. В стилистическом разнообразии русской литературной речи, в живом взаимодействии письменности с русским разговорным языком и в их неразрывной связи с живой народной речью и народной поэзией Пушкин видел залог еще большего расцвета русского литературного языка.

Возможно, строгий редактор убрал бы некоторые слова из текста, ибо словосочетания *слепое подражание, глубочайшее исследование, живая народная речь, неразрывная связь, еще больший расцвет* вполне могли бы быть представлены и без прилагательных. Вот тогда бы и исчез виноградовский стиль... Между тем, эта «несворачиваемость», развернутость и завершенность периода (а период в античной стилистике

означает «круг») таит невыразимое рациональное наслаждение для читателя трудов В.В. Виноградова.

Можно представить, что та же научная торжественность царила на лекциях В.В. Виноградова, которые ученый именно «читал»... Чтение лекций означало то же торжество научного творения в момент речи и уважение к предмету науки – можно предположить, что слушателей увлекала трудность предмета и изящно-академическая возвышенность его постижения. Этот стиль возвышенной учености (не путать с чопорностью!), к сожалению, исчезает ныне в новомодных «спонтанных» обращениях к научной аудитории.

Именно для торжественной речи характерны ссылки на авторитет. В научной речи такую функцию выполняет цитата из авторитетного источника с одновременной оценкой этого источника. Известно, как охотно В.В. Виноградов пользовался не только примерами, но и цитировал различные высказывания всех, кто писал о разбираемом вопросе. При этом его оценки сложноречивы и контрастны – высокая похвала соседствует рядом с тем, что еще не выполнено, не сделано – ср. о «Словаре Академии Российской»: *«Знаменитый славист Иосиф Добровский... заметил, что изданием его Российской академия “соорудила себе прочный памятник, делающий ей великую честь”*». Позднее акад. И.И. Срезневский, отмечая недостатки этого словаря (главным образом, в области словопроизводства), все же признал: *«Виднее всех несовершенств обделки его должно быть для нас то, что в нем в первый раз собрана и приведена в порядок громада сорока трех тысяч слов уже не одного книжного русско-славянского языка, но и русского общественного, простонародного, ученого, технического»*. Или: *«Словарь Даля – это патриотический подвиг подлинного народолюбца»*. Но после разбора редакторской работы Бодуэна де Куртене над Словарем В.И. Даля В.В. Виноградов делает заключение: *«Даль не разрешил вопроса о словаре русского литературного языка»*.

В сложном многообразии таких оценок, точном знании предшественников и устремленности к будущим деяниям

присутствуют ясная научная определенность, и вместе уверенность в бесконечности движения русской лингвистической мысли.

Творческое задание 33. Прочитайте мнения и суждения о творчестве В.В. Виноградова его учеников и коллег. Попробуйте развить и охарактеризовать те свойства ученого, о которых говорится в этих высказываниях. Например:

Что значит «вынашивание в себе русского языка» или «глубоко чувствовать русское слово» или «творить язык в себе самом»?

Филолог носит язык в себе самом. Самой главной чертой В.В. Виноградова было вынашивание в себе русского языка, любовь к русскому слову. Он был носителем... воплотителем русского языка и глубоко чувствующим русское слово человеком. Он творил язык в себе самом и развивал себя самого в языке всю жизнь.

Ю.В. Рождественский

Величайшим таинством мыслей и поступков этого замечательного человека и ученого было, как сам он любил говорить, «святое беспокойство» – вечное движение, неустанный поиск, все новые планы, все новые повороты даже старых тем.

Виктор Владимирович... принадлежал к тем замечательным людям, которым всегда до всех и до всего дело. Его дом и кабинет был открыт, он держал в памяти тысячи забот и имен, проявляя к каждому интерес, участие. От общения с ним ученик испытывал удовлетворение, потому что уносил интересную и неожиданную тему, конструктивное указание, ценную библиографию и... стыд, потому что видел казалось бы очевидные с самого начала противоречия, ошибки, недодделки в своей работе. Виктор Владимирович любил радоваться успеху других, болезненно переживал их неудачи и оплош-

ности. Он не прощал лишь научную и бытовую нечистоплотность, озлобляясь от малейшей нечестности и лени.

В.Г. Костомаров

Прямой продолжатель Шахматова и Щербы, В.В. Виноградов в своей научной работе сочетает оба эти типа; никогда не упуская из виду общих проблем языкознания, он, однако, ни на минуту не покидает твердой почвы фактов языка. Подобно Шахматову, Виноградов поражает широтой охвата конкретного языкового материала в стройной системе исчерпывающей классификации, с Щербой же сближает его неукротимый дух смелых поисков новых точек зрения, новых методов, новых объектов лингвистического изучения. При постановке той или иной проблемы Виноградов, подобно Шахматову, стремится учесть все ее внешние стороны и опосредования, но при ее решении он, подобно Щербе, всегда погружен в сложность ее внутренней структуры.

Н.С. Поспелов

Виноградов неустанно-мучительно стремился передать свое ощущение языка, его сути как живого вещества, одушевленной материи, мыслящего океана. Однако иногда ему кажется, что образность подвижных текущих масс не передает всей языковой динамики. И тогда он обращается к семантической сфере, иной, но столь же чреватой огромными внутренними силами, – привлекает образы тектонических сдвигов, разломов, столкновений, смещения поверхностей и глубинных пластов, взрывов и лавинообразных движений...

Наиболее редкой чертой мышления метода Виноградова был его познавательный максимализм, граничащий с научным романтизмом. Особенно ярко он проявился в его отношении к двум главным составляющим исследование всякого эволюционного процесса – полноте фактов и историзму.

А.П. Чудаков

2. Николай Иванович Либан (1910-2007) – заслуженный преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова, выдающийся русский ученый-медиевист, мыслитель, замечательный лектор и педагог, внесший значительный вклад в дело филологического университетского образования. Ниже публикуются фрагменты его лекций о литературе XIX века.

Творческое задание 34. Прочитайте фрагмент лекции Н.И. Либана о В.А. Жуковском и скажите, какие характеристики текста (слова, синтаксические конструкции) показывают, что перед нами запись устной речи.

...Мы пока рассматривали поэтическую деятельность Жуковского в ее разнообразных формах и богатстве содержания. Но из нашего поля зрения не должна уйти область жизни писателя, которая не связана с литературным творчеством, но в высшей степени важна и для Жуковского, и для России – его воспитательно-педагогическая деятельность.

Постоянно подчеркивая, что Жуковскому трудно было учиться, учителя от него отказывались, из училища выгнали, мы должны сказать, что, по-видимому, сам он стал очень талантливым педагогом и воспитателем. В том, что он плохо учился, виноваты, наверное, учителя, которые не могли его научить, а не он...

Испытав на себе, что насильно нельзя учить, что его учили не так, как надо, Жуковский сам стал очень хорошим педагогом и сам всю жизнь учительствовал. Екатерина Протасова даже не предполагала, какую услугу ему оказала, взяв учителем своих дочерей. Потом она выгнала его из дома. Но слава учителя осталась за Жуковским и дошла до двора. В 1827 году он был назначен педагогом-воспитателем великого князя Александра Николаевича. И здесь надо остановиться.

Роль педагога-воспитателя огромна. Он не только обучает – он воспитывает. В его руках весь материал, который

должен быть обращен к уму и сердцу воспитанника: художественный, философский, религиозный. Учитель должен знать чувство меры, предлагая предмет, постоянно вкрапывая в него минимальную дозу идеологии, как бы мы сейчас сказали, что Жуковский, по-видимому, блестяще делал. В его воспитательно-педагогическую систему входили не только всевозможные карты, таблицы, атласы, азбуки, которые он сам придумывал и составлял для лучшего усвоения материала учеником. Все это являлось вспомогательным и было направлено на формирование мировоззрения будущего правителя России.

...Роль религии в его системе огромна. Это не отдельная наука, а средство воспитания, она должна стать жизненным правилом, сливаясь совсем с чувствами. Важнейшее в педагогической системе Жуковского – наставления, которые он адресовал наследнику: «Люби и распространяй просвещение; Люби свободу, то есть правосудие; Владычествуй не силой, а порядком; Будь верен слову; Окружай себя достойными людьми; Уважай народ свой, тогда он сделается достойным уважения». Постигание науки царствовать.

Цель образования – в добродетели. Природные качества воспитанника должно развивать «через ознакомление с тем, что он есть и должен быть как существо нравственное и бессмертное».

Россия обязана Жуковскому гуманизацией. Он, сын века крепостной России, резко выступал против рабства. Своих крепостных Жуковский отпустил в 1827 году. Осуждая всякое насилие, поэт постоянно заступался за всех гонимых и угнетенных. Царь делал ему замечание, что он, Жуковский, человек двора, не может защищать тех, кого двор преследует. Поэт не возражал, но делал все по-своему. «Официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта». «Не могу покорить себя ни Булгариним, ни Бенкендорфом: у меня есть другой вожатый – моя совесть».

В 1838 году Жуковский выкупил Тараса Шевченко. Для этой цели он устроил во дворце лотерею, выставив в каче-

стве приза свой портрет работы Карла Брюллова. Лотерейный билет выпал императрице Александре Федоровне, а недостающие для выкупа деньги доложили Жуковский и Карл Брюллов.

Жуковский заступался за молодого критика И. Киреевского. При встрече с царем пытался за него поручиться, на что получил резкий ответ: «А за тебя кто поручится?» Оскорбленный Жуковский прекратил занятия с князем. Какой прекрасный жест! Если нужен поручитель за учителя цесаревича, если нужен поручитель за «певца во стане русских воинов», за автора гимна «Боже, царя храни!», ставшего народной молитвой, – это оскорбление достоинства! Жуковский мог обидеться и остаться с чистой совестью. Не всякий бы осмелился так вести себя с государем Николаем Палкиным! «Ну, пора мириться», – обратился к нему царь при встрече и обнял его. Но Жуковский не остановился на этом и написал Бенкендорфу: «Ответа не имею... но что надобно было сказать, то сказано» (из письма И. Киреевскому).

Здесь не место перечислять все добродетели Жуковского. Многие писатели ему обязаны: и Герцен, и Баратынский, и Кюхельбекер, и Пушкин, и декабристы. И почти никто не благодарил его за добрые дела. Они воспринимались всеми как норма, как будто так и надо. Из этих бесконечных черт складывается нравственный портрет поэта¹⁶.

1. Как построен текст? Выделите в тексте основные идеи и части композиции.
2. Какие способы аргументации использует лектор для выстраивания своей мысли и поддержания интереса аудитории?
3. Какие фигуры речи создает Н.И. Либан?

¹⁶ Н.И. Либан. Избранное: Слово о русской литературе. Очерки, воспоминания, этюды. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 135–138.

4. Обратите внимание на распространение предложений в тексте. Что можно сказать о строении текстов Н.И. Либана в сопоставлении с текстами В.В. Виноградова?

3. Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) – советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, академик РАН. Председатель правления Советского (с ноября 1991 – Российского) фонда культуры (1986–1993). Автор фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы (главным образом древнерусской) и русской культуры. Автор более сорока книг по широкому кругу проблем теории и истории древнерусской литературы, многие из которых переведены на разные языки. Автор около 500 научных и 600 публицистических трудов.

Творческое задание 35. Прочитайте письмо академика Д.С. Лихачева «Об искусстве слова и филологии» из его «Писем о добром и прекрасном».

1. Как вы могли бы охарактеризовать стиль данной научной (околонаучной? научно-популярной?) прозы?

2. Какие элементы научного стиля можно выделить в тексте Д.С. Лихачева?

3. Какие элементы (лексические, синтаксические) литературно-художественного стиля вы можете выделить в данном тексте?

Творческое задание 36. Приведите примеры простой и строгой логики научного рассуждения, оформленные в доступные и понятные любому читателю слова.

Творческое задание 37. Найдите примеры повторов и охарактеризуйте фигуры речи, выстраиваемые Д.С. Лихачевым.

До сих пор я говорил о красоте природы, красоте городов и сел, садов и парков, о красоте зримых памятников искусства. Но искусство слова – самое сложное, требующее от человека наибольшей внутренней культуры, филологических знаний и филологического опыта, задачу этого письма не входит рассмотрение того, что такое филология. Это нельзя сделать ни простым определением, ни коротким описанием. Перевести это греческое по происхождению слово можно так – «любовь к слову». Но в действительности филология – шире. В разное время под филологией понимались разные области культуры: именно культуры, а не только науки. Поэтому ответ на вопрос о том, что такое филология может быть дан только путем детального, кропотливого исторического исследования этого понятия, начиная с эпохи Ренессанса по крайней мере, когда филология заняла очень существенное место в культуре гуманистов (возникла она значительно раньше).

Сейчас время от времени вопрос о необходимости «возвращения к филологии» поднимается вновь и вновь.

Существует представление о том, что науки, развиваясь, дифференцируются. Кажется поэтому, что разделение филологии на ряд наук, из которых главнейшие лингвистика и литературоведение, – дело неизбежное и, в сущности, хорошее. Это глубокое заблуждение. Количество наук действительно возрастает, но появление новых идет не только за счет их дифференциации и «специализации», но и за счет возникновения связующих дисциплин. Сливаются физика и химия, образуя ряд промежуточных дисциплин, с соседними и несоседними науками вступает в связь математика, происходит «математизация» многих наук. И замечательно: продвижение наших знаний о мире происходит именно в промежутках между «традиционными» науками.

Роль филологии именно связующая, а поэтому и особенно важная. Она связывает историческое источниковедение с языкознанием и литературоведением. Она придает широкий аспект изучению истории текста. Она соединяет литера-

туроведение и языкознание в области изучения стиля произведения – наиболее сложной области литературоведения. По самой своей сути филология антиформалистична, ибо учит правильно понимать смысл текста, будь то исторический источник или художественный памятник. Она требует глубоких знаний не только по истории языков, но и знаний реалий той или иной эпохи, эстетических представлений своего времени, истории идей и т. п.

Приведу примеры того, как важно филологическое понимание значения слов. Новое значение возникает из сочетания слов, а иногда и из их простого повторения. Вот несколько строк из стихотворения «В гостях» хорошего советского поэта, и притом простого, доступного – Н. Рубцова:

И все торчит.

В дверях торчит сосед,

Торчат за ним разбуженные тетки,

Торчат слова,

Торчит бутылка водки,

Торчит в окне бессмысленный рассвет!

Опять стекло оконное в дожде,

Опять туманом тянет и ознобом...

Если бы не было в этой строфе двух последних строк, то и повторения «торчит», «торчат» не были полны смысла. Но объяснить эту магию слов может только филолог...

Дело в том, что литература – это не только искусство слова, это искусство преодоления слова, приобретения словом особой «легкости» от того, в какие сочетания входят слова. Над всеми смыслами отдельных слов в тексте, над текстом витает еще некий сверхсмысл, который и превращает текст из простой знаковой системы в систему художественную. Сочетания слов, а только они рождают в тексте ассоциации, выявляют в слове необходимые оттенки смысла, создают эмоциональность текста. Подобно тому как в танце преодолевается тяжесть человеческого тела, в живописи преодолевается однозначность цвета благодаря сочетаниям цветов, в скульптуре преодолеваются обычные

словарные значения слова. Слово в сочетаниях приобретает такие оттенки, которых не найдешь в самых лучших исторических словарях русского языка.

Поэзия и хорошая проза ассоциативны по своей природе. И филология толкует не только значения слов, а и художественное значение всего текста.

Совершенно ясно, что нельзя заниматься литературой, не будучи хоть немного лингвистом, нельзя быть текстологом, не вдаваясь в потаенный смысл текста, всего текста, а не только отдельных слов текста.

Слова в поэзии означают больше, чем они называют, «знаками» чего они являются. Эти слова всегда наличествуют в поэзии – тогда ли, когда они входят в метафору, в символ или сами ими являются, тогда ли, когда они связаны с реалиями, требующими от читателей некоторых знаний, тогда ли, когда они сопряжены с историческими ассоциациями.

Исследователь творчества поэта О. Мандельштама приводит следующий пример из его стихотворения о театре Расина:

...Я не услышу обращенный к рампе

Двойною рифмой оперенный стих... –

и пишет по поводу этих двух строк: «Для правильной работы ассоциаций читатель здесь должен знать о парной рифмовке александрийского стиха, о том, что актеры классического театра произносили свои монологи, обращаясь не к партнеру, а к публике, в зал («к рампе»).

Для большинства современных читателей и даже поклонников поэзии О. Мандельштама эти две строчки из его поэзии оставались бы совершенно непонятными, если бы на помощь ему не приходил филолог – именно филолог, ибо сообщить читателю одновременно сведения об александрийском стихе и о манере актерской игры на классической сцене может только филолог. Филология – это высшая форма гуманитарного образования, форма, соединительная для всех гуманитарных наук.

Можно было бы на десятках примеров показать, как страдает историческое источниковедение тогда, когда историки превратно толкуют тексты, обнаруживают не только свое незнание истории языка, но и истории культуры. Следовательно, филология нужна и им.

Поэтому не должно представлять себе, что филология связана по преимуществу с лингвистическим пониманием текста. Понимание текста есть понимание всей стоящей за текстом жизни своей эпохи. Поэтому филология есть связь всех связей. Она нужна текстологам, источниковедам, историкам литературы и историкам науки, она нужна историкам искусства, ибо в основе каждого из искусств, в самых его «глубинных глубинах» лежат слово и связь слов. Она нужна всем, кто пользуется языком, словом, слово связано с любыми формами бытия, с любым познанием бытия: слово, а еще точнее, сочетания слов. Отсюда ясно, что филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры. Знание и творчество оформляются через слово, и через преодоление косности слова рождается культура.

Чем шире круг эпох, круг национальных культур, которые входят ныне в сферу образованности, тем нужнее филология. Когда-то филология была ограничена главным образом знанием классической древности, теперь она охватывает все страны и все времена. Тем нужнее она сейчас, тем она «труднее», и тем реже можно найти сейчас настоящего филолога. Однако каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом. Этого требует культура.

Культура человечества движется вперед не путем перемещения в «пространстве времени», а путем накопления ценностей. Ценности не сменяют друг друга, новые не уничтожают старые (если «старые» действительно настоящие), а, присоединяясь к старым, увеличивают их значимость для сегодняшнего дня. Поэтому ноша культурных ценностей – ноша особого рода. Она не утяжеляет наш шаг вперед, а облегчает. Чем большими ценностями мы овладели, тем более изошренным и острым становится наше вос-

приятие иных культур – культур, удаленных от нас во времени и в пространстве древних и других стран. Каждая из культур прошлого или иной страны становится для интеллигентного человека «своей культурой» – своей глубоко личной и своей в национальном аспекте, ибо познание своего сопряжено с познанием чужого. Преодоление всяческих расстояний – это не только задача современной техники и точных наук, но и задача филологии в широком смысле этого слова. При этом филология в равной степени преодолевает расстояние в пространстве (изучая словесную культуру прошлого). Филология сближает человечество – современное нам и прошлое. Она сближает человечество и разные человеческие культуры не путем стирания различий в культурах, а путем осознания этих различий; не путем уничтожения индивидуальности культур, а на основе выявления этих различий, их научного осознания, на основе уважения и терпимости к «индивидуальности» культур. Она воскрешает старое для нового. Филология – наука глубоко личная и глубоко национальная, нужная для отдельной личности и нужная для развития национальных культур. Она оправдывает свое название («филология» – любовь к слову), так как в основе своей опирается на любовь к словесной культуре всех языков, на полную терпимость, уважение и интерес ко всем словесным культурам.

Вы можете спросить меня: что же, я призываю всех быть филологами, стать всем специалистами в области гуманитарных наук? Быть специалистами, профессионалами-гуманитариями я не призываю. Разумеется, нужны все профессии, и эти профессии должны быть равномерно и целесообразно распределены в обществе. Но... каждый специалист, каждый инженер, врач, каждая медицинская сестра, каждый плотник или токарь, шофер или грузчик, крановщик и тракторист должны обладать культурным кругозором. Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для всего этого нужны знания, нужна интеллигентность,

дающаяся гуманитарными науками. Читайте художественную литературу и понимайте ее, читайте книги по истории и любите прошлое человечества, читайте литературу путешествий, мемуары, читайте литературу по искусству, посещайте музеи, путешествуйте со смыслом и будьте душевно богаты. Да, будьте и филологами, то есть «любителями слова», ибо слово стоит в начале культуры и завершает ее, выражает ее.

4. Виталий Григорьевич Костомаров (родился в 1930 году) – советский и российский лингвист, доктор филологических наук, профессор (1971), член-корреспондент (1974), действительный член (1985) и президент (1990–1991) Академии педагогических наук СССР (ныне Российская академия образования); с 1966 года – директор Научно-методического центра русского языка при МГУ им. М.В. Ломоносова, инициатор создания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (1973), директор и первый ректор института, с 2001 года – Президент Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина.

Творческое задание 38. Прочитайте рецензию на книгу В.Г. Костомаров «Рассуждение о формах текста в общении. – М., 2008. – 84 с.». Выделите в тексте фрагменты, касающиеся анализа стиля автора.

1. В чем стиль В.Г. Костомарова продолжает характер «писательской» работы его учителя В.В. Виноградова?
2. Какие качества научного идиостиля В.Г. Костомарова вы сможете отметить в дополнение к сказанному в рецензии?

В.Г. Костомаров: новая книга о вечном и современном

Новая книга В.Г. Костомарова... Уже сам этот факт заинтересует многих. Если же сказать, что книга написана о самом важном – сложных формах современного общения и

противоборствующих друг с другом видах текстов, то интерес поднимется вдвойне, ибо что, как не текст и его природа есть предмет науки филологии, изучаемый «пятую тысячу лет»?

Классический взгляд ученого, влюбленного в письменность и книгу (как и полагается филологу), ценящего и умеющего пользоваться устным словом (именно оно было «в начале»), сегодня соприкасается, схлестывается, с новыми электронными видами текстов, и понятно, что последние нельзя ни отвергнуть, ни извергнуть из нашей жизни, как бы того ни хотелось для консервации нашего благополучия. Что же ждет читателя при встрече с книгой? Я бы употребил без боязни слова Н.В. Гоголя из письма к К.С. Аксакову: «наслаждение глубокое зовет вас...» Это наслаждение, конечно, проистекает не только из содержания мыслей, выраженных в книге, но и из самого стиля, которым написан текст. Случайно это происходит или нет, но в распространенности стиля, разнообразии слов, нескончаемости поиска точного выражения мысли зримо видится образ Учителя – академика В.В. Виноградова, писавшего так же «нелегко» и не умалчивавшего трудностей изучаемого предмета. При этом – ясная четкость формулировок, не упрощающих, а лишь определяющих существо проблемы, которая, может быть, и не решается, но ставится остро и злободневно.

Чтобы показать эту усложненную красоту научного стиля В.Г. Костомарова, соответствующего как «языковому вкусу эпохи», так и классическому вкусу лингвистического сочинения вообще, раскроем наугад его новую книгу (пусть читатель поверит «чистоте» проводимого эксперимента) и погрузимся с «наслаждением» в «Рассуждение» автора (с. 61):

Заданно-отрицательное неприятие экранных текстов как непривычных (resp. недопустимых, неграмотных), конечно, не содействует разумному отношению к ним как к неизбежному порождению технического прогресса. Так, блочность – закономерное развитие синтаксиса, отраженное в скрытых причинах общего перехода интереса лингвистов от

звука, слова, словосочетания, предложения к большим единицам, сверхфразовому единству, к тексту. Отсюда, разумеется, не следует одобрения тех, кто готов восторгаться назойливыми блоками рекламы. Воевать следует с крайностями, с некритичным превращением какой-либо специфики в новую норму употребления языка вообще, чему, к сожалению, следуют многие современные беллетристы. Да и сами авторы текстов должны знать меру даже когда цель заставляет преодолевать скованность освященной историей литературно-языковой нормы. Никакая цель не может оправдать ее попрание, бездумный взгляд на язык как на безропотный материал для волюнтаристской мельницы, перемалывающей его вместе с паралингвистикой.

Мы злорадно выискиваем в газетах, радио- и телепередачах ошибки, несуразности, действительные или мнимые неудачи, но нам не приходит в голову собирать из них, цитировать удачные фразы, находки, тексты; и количество их, безусловно, не меньше.

Стилевое новаторство автора состоит в том, что в «Рассуждении» он действительно более рассуждает, нежели приводит примеры, как было в «Языковом вкусе эпохи», но от этого читатель ощущает еще большую действенность и влияние текста, поскольку каждый может привести собственные примеры тех самых «неудач» или «удач», отмеченных в книге. Основная же идея книги, сверхзадача ее содержания – показать сложность, переплетенность положительных и негативных сторон современной языковой действительности, состоящей во вторжении в нашу жизнь новых электронных текстов (их автор называет то экранными, то «масс-медийными»). Эта новая «жизнь языка» предстает в книге сложноречивой и оптимистично-перспективной, что объясняется связью с предшествующей культурой, которая для Костомарова состоит в опоре на два основных пласта языка, называемых, с одной стороны, устностью, разговорностью, с другой, письменностью, книжностью, литературностью.

Эта культурная фундированность происходит также от постоянных ссылок на образцовое применение языка, связанное со «светом ушедших умов» (выражение В.В. Виноградова), к опыту которых обращается автор. Так, приводятся в пример М.В. Панов и А.А. Рефоматский, которые *«очень любили строго соблюдать разговорность (с ее паралингвистикой, с неполным стилем произношения щас, сичас, тыща) не только в реальных устных беседах, но и подчеркнуто, «в кавычках», вставляя ее элементы в свой устный и даже письменный текст... Скорее исключением, чем правилом, вспоминается А.Б. Шапиро, который будто бы не знал разговорного языка, лекции читал так, что их стенограмму можно было сразу опубликовать, да и коридорные разговоры вел сугубо книжным языком»* (стр. 36–37).

Некоторые наблюдения автора поражают простотой и безупречностью исторических аналогий, которые почему-то не приходят на ум современным критикам новой языковой реальности: так же, как сегодня критикуется масс-медийная речь – новая форма текста, когда-то, должно быть, критиковалась письменная речь: *«Сама по себе идея опредмечивания текстов в целях их хранения и распространения, тем более письменность как способ ее претворения, далеко не сразу и не всегда вызывала одобрение, тем более восторг... Становление книжности как таковой и как колыбели, в которой вырос книжный язык, проходили в борьбе с убеждением, что подсобные технические ухищрения могут лишь исказить правильную мысль.*

Выдающиеся авторитеты верили в то, что истинное знание вызывает сокровенно в душе как часть сознания и памяти, а не припоминания извне посредством каких-то кастрированных знаков. Считая, что истинная мудрость должна передаваться не на бумаге, а из уст в уста, Сократ, например, возражал против записи «Диалогов, а Пифагор не написал ни одной книги» (стр. 10).

В сущности, получилась книга-рассуждение об истории человечества, взятой сквозь призму способов создания тек-

стов (их форм) и воплощенный ими язык: устный, письменный, разговорный, книжный, но, главное, о новой реальности, в которой теперь пребывает это человечество вследствие появления новых способов создания текстов (электронная, экранная речь) и, естественно, нового языка, которым эти тексты воплощаются. Как человечество (и, конечно, наша страна) справится с этими задачами, зависит от осмысления нами новой языковой реальности и, в частности, от того энергичного пафоса, намерений, культурно-исторического знания, с которыми мы будем осмыслять возникающие проблемы.

Автор книги много спорит и возражает. В частности, нельзя не согласиться с полемическим замечанием, обращенным к представителю новой науки «медиологии» Дебре, который разделил историю человечества на три периода: логосферу (господство устного слова), графосферу (господство слова книжного – рукописного, печатного) и видеосферу (стр. 73). Но речь должна идти, по мнению В.Г. Костомарова, не об исторической смене этих эпох наподобие марксистской теории общественно-экономических формаций, а о взаимном дополнении ими друг друга как формами существования текста. От себя добавим, что закономерности культуры предполагают, что ранее возникшее образование не исчезает, а напротив, сосуществует и развивается вкупе с вновь возникшим, причем новое (при оптимальном пользовании) должно позволить развиваться прежде существовавшему в новых формах. Так, фольклорное творчество, существовавшее изначально только в устной форме, затем было представлено в письменной и книжной формах, а теперь может быть развито в самых разнообразных жанрах, обогащаясь новыми возможностями общения.

Скромность и мудрость Виталия Григорьевича, отметившего недавно свой юбилей, не позволяют закончить эту рецензию традиционными пожеланиями здравствования «патриарху» современной русистики. Даже более того: пушкинское «Здравствуй, племя младое, незнакомое!..» не очень

подходит к президенту Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, поскольку В.Г. Костомаров, как показывает его последняя книга, прекрасно знаком с современными проблемами нашей «младой» масс-медийной речи, критически осмысляет новые формы общения, вполне по-пушкински их принимает и предлагает пути решения.

Творческое задание 39. Напишите краткое научное сочинение (эссе) по теме «Мой любимый научный стилист как образец творческого мышления и стиля научного рассуждения».

Творческое задание 40. Приготовьте и выступите с кратким научным докладом «Моя предстоящая научная работа». Расскажите, о чем вы хотите писать. В чем будет состоять новизна вашей работы?

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ПРАКТИКУМ ПО КРЕАТИВНОМУ ПИСЬМУ»

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Этикет русского письма. – М.: Русский язык, 1981.
2. Аннушкин В.И. Риторика. Вводный курс. Учебное пособие. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Аннушкин В.И. Риторика. Экспресс-курс: Учебное пособие. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2016.
4. Власов В.Г. Славянская азбука и славянские просветители. – М.: Знание, 2009.
5. Волков А.А. Курс русской риторики. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Русская панорама; Кафедра, 2013.
6. Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. – 5-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2009.
7. Гельб И.Е. Опыт изучения письма. – М.: Радуга, 1982.
8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – 11-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2010.
9. Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь. – М.: Издательский дом «Эксмо», 2007.
10. Кошанский Н.Ф. Риторика / Изд. подг. В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова. – М.: Русская панорама; Кафедра, 2013.
11. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996.
12. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. – М.: Флинта; Наука, 2003.
13. Рождественский Ю.В. Теория риторики. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2015.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Из «Риторики» Н.Ф. Кошанского¹⁷

Н.Ф. Кошанский. О письмах вообще
(Частная реторика. Отделение II. Раздел VII. § 55–64)

VII.

О письмах вообще

§ 55. Письмо (*literae datae*) есть сообщение мыслей одного отсутствующего другому. *Переписка* есть разговоры двух лиц, разделенных пространством и лишенных способа видеть и слышать друг друга.

Самый употребительный и обыкновенный род прозы – *письма*. Может быть, *сотая* часть их пишется для публики, прочие остаются *собственностью*, а некоторые – даже *тайною* частных лиц. *Письмо* и *разговор* имеют ту разность между собою, что разговор живет от выражений голоса и телодвижений, но он исчезает, а письмо прочнее, ибо остается и всегда может быть перечитываемо с новым удовольствием.

§ 56. Писем *два* главнейшие рода: *письма по предметам общежития*, кои пишутся не для печати; и *письма литературные*, коих цель – быть известными публике.

Письма по предметам общежития, удовлетворяя *первой* потребности человека, допускают и безыскусственную прозу (*например, письма между низшим классом народа*), следственно, не всегда со-

¹⁷ Цит. по: Кошанский Н.Ф. Риторика / Издание подготовили В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М.: Издательский дом «Русская пано-рама»; Издательство «Кафедра», 2013. С. 160–161, 154–156.

ставляют *изящное*; но *литературные* письма, стремясь удовлетворять *второй* потребности – просвещению ума и наслаждению вкуса – всегда относятся к произведения *изящной* словесности.

§ 57. *Четыре* свойства писем особенно достойны внимания: *разнообразие* их; отношения *лиц*, ведущих переписку; *тон* писем и *форма*. На них основываются частные разделения и правила писем.

§ 58. *Разнообразие* писем происходит от разных предметов, от разных характеров, положений и частных слогов каждого писателя.

Сколько есть предметов в мире, о коих говорить или писать можно, столько может быть и разных писем.

§ 59. По *лицам*, ведущим переписку, письма разделяются: 1) на *предупредительные* и *ответные*; 2) на письма к *низшим*, *равным*, *высшим* и к *державным особам*; 3) к ним причисляются *дипломатические* и *деловые*.

§ 60. *Тоном* письма называют *известные* пределы, в коих соблюдается *приличие* и *благоразумие* тех, кто и к кому пишет. По *тону* разделяются письма на *важные*, *почтительные*, *дружеские*, *забавные* или *сатирические* и *смешные*.

Тон письма всегда должен быть согласен с тоном личного обращения, или с саном и званием переписывающихся лиц, или с внутренним, благородным чувством каждого хорошо воспитанного человека.

§ 61. *Форма* письма требует, чтобы оно всегда обращало речь к известному лицу приличным образом и тем самым представляло не холодное описание или рассуждение, но разговор, оживленный чувствами, обстоятельствами и отношениями тех, кто и к кому пишет.

К *форме* писем относятся все *известные титулования* по достоинствам, по чинам и званиям. Они должны быть строго соблюдаемы в письмах по *предметам общежития*. Впрочем, сии формы нередко изменяются, и потому лучше и легче всего узнавать их из употребления.

§ 62. *Содержание* писем так же различно, как различны самые предметы, намерения и отношения между лицами, ведущими переписку. *Цель* письма вообще – сообщить новость, мысли, чувствования радости, печали, признательности, по-

чтения, преданности или возбудить чувствования благоволения, снисхождения, дружбы, любви, радости, утешения, сожаления, удивления, смеха и пр. и пр.

§ 63. *Расположение* писем меньше подвержено правилам, нежели прочие роды прозы. Однако ж многие из них располагаются по *известным способам*, о коих увидим ниже.

Слог писем, особенно *литературных*, должен иметь все *общие достоинства* слога, показанные в „*Общей риторике*“ (разд. XXVIII, XXIX и XXX).

§ 64. *Достоинств* главных общих в письме *два* должно соблюдать: 1) чтобы слог был приличен предмету, а мысли – цели; 2) чтобы тон письма не выходил из границ, какие сохраняются в обращении тех, кто и к кому пишет.

Если ж сии два достоинства нарушены в письме, то никогда оно не достигнет своей цели. Многие *ложно* думают: „*Бумага не краснеет*, следовательно, чего нельзя сказать лично, по какому-нибудь тайному чувству, то можно написать в *письме*“. – Можно! но письмо также не достигнет цели, и по той же причине. *Например*: Если личное объяснение казалось грубым, дерзким, неуместным, то и письмо произведет те же чувствования и пр.

Н.Ф. Кошанский. Вкус. Гений. Талант. Способности писателя (Частная риторика. Отделение I. Раздел V. § 36–44)

V.

Вкус. Гений. Талант. Способности писателя

§ 36. Вкус (*sensus recti pulchrique. Quint.*) „неизъясним для ума“, – *сказал Карамзин*; „*есть знание приличий*“, – *говорит Лагарп*; – *есть* какое-то легкое, эфирное, неприкосновенное для нас чувство приятности или неприятности при виде красот или безобразий в натуре и в искусствах.

Если вкус физический неизъясним, как же изъяснить нравственный? Но мы очень хорошо отличаем сладкое от горького, запах розы от дыхания полыни, чувствуя в то же время удовольствие или отвращение. Не так ли и вкус нравственный различает все степени красот и

безобразий чувством приятного или неприятного? – Знаем также, что вкус физический дан всем, но иногда теряется или портится – неужели и нравственный?..

§ 37. Не определяя вкуса, взглянем на его свойства и действия: 1) Вкус врожден всем людям, хотя в разных степенях; 2) Он различен до бесконечности, как самые физиономии; 3) Здравый вкус, как здравый разум, один у всех людей; 4) Он беспрестанно стремится к совершенству и требует пищи; 5) Вкус раскрывается прежде разума, еще в детстве и 6) имеет сильное влияние на образ жизни, мыслей и поступков.

Примеч. Из 1-го следует, что вкус не есть удел немногих, но свойствен всем, как способность говорить и думать. Из 2-го, что о вкусе никогда спорить не должно. Из 3-го, что он следует общим началам, имеет свою теорию и, *кажется*, может составить науку подобно логике, риторике, поэзии. Из 4-го, что скука есть недостаток деятельности для вкуса. Из 5-го, что он требует верного направления, иначе увлекает молодых людей в крайности – *в энтузиазм и сентиментальность*. Из 6-го, что образование вкуса необходимо при воспитании.

§ 38. Вкус должен быть освещаем разумом, как природа – лучами солнца. В союзе с разумом вкус становится верным, здоровым и достигает *утончения и разборчивости*.

Утончение вкуса состоит в легкости замечать такие красоты и недостатки, которые для обыкновенных глаз неприметны, и зависит от утончения способности чувствовать. (*Но излишнее утончение здравому вкусу противно.*) *Разборчивость* есть следствие счастливого соединения разума со вкусом. Разборчивый вкус не обманывается мнимыми красотами, определяет истинную цену каждой, различает их степени, свойства, действия, показывает, откуда каждая заимствует свою волшебную силу, и сам чувствует впечатление сих красот живо, сильно, но не больше и не меньше надлежащего (прибавл. 10).

10. Тонкий и разборчивый вкус, довольствующийся наслаждением прекрасного в природе и в искусствах, можно назвать бездейственным: он производит любителей искусства и критиков. Но тот же вкус, стремящийся сам создать свое прекрасное, идеальное, называется *творческим*: он производит гениев, таланты и способности.

§ 39. Гений (*Ingenium, quod nobis ingenitum est*) (прибавл. 11).

11. Гений (*Ingenium, quod nobis ingenitum est*) дает нам такое высокое понятие о творческой силе ума, о высших способностях души, что я и определять его не смею. – Может быть, он есть частица Божества, дерзающая в брэнном подражать Всемогущему...

Древние под именем гения воображали себе духа-хранителя места и даров человека. Новейшие под сим словом разумеют счастливое соединение всех способностей и сил души в возможном совершенстве...

Под сим словом разумеют счастливое соединение всех способностей и сил души в возможном совершенстве. *Гений* замечен по необыкновенному воображению, пронизательности ума, твердости разсудка и непреодолимому стремлению к деятельности. Все силы его сосредотачиваются к *изобретательности*, которою отличается он от умов обыкновенных. – Вкус без гения бывает, но гений без вкуса быть не может или будет чудовище. – Бывают гении наук, искусств, войны и пр., но всеобъемлющий гений чрезвычайно редок, например, Петр I.

§ 40. Талантом, дарованием, даром (*Diues vena. Hor.*) называют сильное и счастливое воображение, соединенное с здравым умом и вкусом. – „*Прекрасный союз дарования с искусством заключен в колыбели человечества; они братья, хотя и не близнецы*“ (*Кар.*).

Может быть, талант есть часть гения, *полугений* или тот же гений в низшей степени, с меньшими силами. Ему потребно больше образования, больше искусства. Его творения пленяют нас, но не поражают удивлением.

§ 41. Счастлив писатель, если небо в минуту рождения благословило его вкусом, гением и талантом и наделило *чувствительностию*, которая одна только имеет силу приводить нас в умиление (прибавл. 12).

12. Умилительное (само по себе) есть союз истины и красоты, очаровывающий нас трогательным благом, и всегда напоминающий о благе бесконечном. Например, сострадание. Но в какой степени желать автору чувствительности?..

Если столько, чтобы каждое творение его очаровывало нас и приводило в умиление, то сия чувствительность может быть опасна собствен-

ному его сердцу... Что же делать слабому смертному?.. Вооружить чувствительную душу свою твердостью... „Чувствительность может быть без дарования, но дарование без чувствительности не бывает“ (Кар.).

§ 42. Писатель должен иметь *образованный* ум и сердце, должен основательно знать многие науки, чтобы понимать благо человечества, не заблуждаться в мнении о пользе людей и уметь находить средства к достижению оной.

Писателю необходимо основательное знание языка и правил его искусства как средства; необходимо знание философии для здравых и основательных суждений, истории для подтверждения примерами, нравственности для направления к благой цели, естественных наук для убеждения законами природы и пр. и пр.

§ 43. Писатель должен знать *нравы* своего народа и *страсти* людей, ибо его писания должны действовать на современников и потомство (прибавл. 13).

13. Под словом нравы (ἤθει, mores) древние разумели не обычаи страны, не нравы оратора или слушателей, но то, что мы разумеем под словом *дух времени*, т. е. все желания, опасения, надежды и ожидания современников. И в сем отношении они вымыслили баснь Сфинкса, *предполагающего загадки*. Сколько сочинений было и у них, и у нас, которые не разгадали сих загадок и *поглочены Сфинксом!*.. А под словом *страсти* (πάθει, affectus) означали глубокое знание сердца человеческого – самую труднейшую и полезнейшую из всех наук опыта.

§ 44. Но важнейшая, необходимая способность писателя, начало и заключение всех прочих, без которой нет истинного красноречия, есть *доброта его души, проникнутой верой*; на ней основывается желание общего блага – красноречие добродетели (прибавл. 14).

14. *Батюшков говорит*: „Любовь и нежное благоволение к человечеству дадут прелесть его малейшему выражению, и писатель поддержит достоинство человека на высочайшей степени“. *Квинтилиан* решительно сказал: „Nemo bonus Orator, nisi vir probus“. А *Карамзин* повторил за ним: „Я уверен, что злой человек хорошим писателем быть не может“.

Приложение 2. Творческие работы студентов

Мы ограничиваем данное приложение лишь несколькими текстами наших студентов, надеясь, что написанное ими на занятиях по креативному письму (научному и художественно-литературному) наверняка получит признание человечества. Во всяком случае необходимо стремиться писать не «в стол», а для прочтения другими, для критики, которой «надо уметь не бояться». Успехов всем нашим творцам-студентам!

Собственные сочинения о животных

Ежик

Ночь. Июль. Самая сердцевина лета.

В кислом яблоке – белые семена.

Белые семена на небе, незрелая ягода света,

Незрелая, но надкушенная, – луна.

Я иду по тропе, головой упираюсь в небо –

Не все же коленками с велосипеда в асфальт –

Я иду! Я живу! Я – жизнь, меня такой еще не было,

И каждому шагу этому таким уже не бывать.

Тихо. Топ. Топ-топ. Топ-топ-топот.

Кто это? Чух. Чух-чух. Чух-чух-чух. Паровоз?

*Мне по тропинке навстречу катится, вертится, лапками
в пыль хлопает,*

Маленький теплый животик и маленький мокрый нос.

*Маленькие два глаза. Глупый, как же ты меня
не заметил?*

Я же огромная, как огромен подъемный кран!

Я же тебя руками своими, лапищами, загребу, как ветер,

И подниму к завивающимся над головой облакам.

Нет, погоди. Он, похоже, храбрец упрямый.

Остановился, понюхал и дальше пошел топтать.

*Каждой своей колючкой помахивая, вид залихватский
самый*

Чем ближе, тем больше старается принимать.

*Вот, хорошо. Ты уткнулся в мои ботинки.
Я присяду к тебе... Куда же?! Пятками засверкал!
Ежик! Постой! Я видела на картинке,
Вы сворачиваетесь в клубочки! А ты от меня убежал...
Я хотела потрогать твои костяные колючки!
Я хотела, чтоб ты мне на ухо попыхтел!
Я хотела, быть может, чтоб ты моим другом был
лучшим...*

Но, похоже, ты всего этого не хотел.

Екатерина С.

Щенок

Щенок породы вельш-корги пемброк, купленный без родословной на птичьем рынке, был славный малый.

Хулиган, обожающий бегать по лестнице с первого на второй этаж да обратно, терпеть не мог свою будку, поэтому спал на закрытой террасе, с резиновым мячиком. Он обожал гавкать на проезжающие по дороге машины, спокойно пролезая перед этим под забором за счет своего клиренса, подражаться с большими дворнягами, а потом пожевать косточку, размахивая хвостом, пока ему мажут поврежденное в неравном бою ухо. Где бы эта прокачанная овчарка не находилась, стоит тебе крикнуть его имя и опуститься на колени, он бежит, дикий, дерзкий, как пуля резкий, теряя язык на ветру, навстречу «обнимашкам» и почесыванию пуза.

Только плавать не любил, обижался жутко, если его мочили, и устраивал голодовку на полдня.

Дмитрий Я.

Про ерша

На самом дне глубокого озера жил старый-престарый ерш-интеллигент, в прошлом преподаватель словесности в школе. Дети давно его покинули, внуки и правнуки не навещали, а праправнуки и не знали, что их прапрадедушка еще

жив. Редко кто и из морских обитателей заплывал так далеко, и поэтому старому ершу было грустно и одиноко.

Однажды, причесав свои шипы на плавниках, надев цилиндр, взяв трость и закулив трубку, он отправился в центр озерного города, чтобы, как говорится, на других посмотреть и себя показать. Однако не прошло и получаса с начала путешествия, как повстречал он своего ученика – карася, обрадовался, хотел окликнуть его, однако тот, сделав вид, что не замечает бывшего учителя, стремглав пронесся мимо. «Хм, странное совпадение, – подумал ерш, – ведь совсем недавно точно также от меня отвернулась щука, которая когда-то очень просила моей помощи с написанием книги...» Никак не мог старый ерш понять, в чем тут дело. Так расстроило его произошедшее, что от неожиданности он не заметил и толкнул пожилого господина-сома.

– Прошу меня извинить, я вас не заметил, – с искренней жалостью сказал ерш.

– Не беда, многие в нашем обществе не видят или не хотят видеть дальше своего носа, – угрюмо ответил сом.

– Вы так считаете? – с озабоченым видом поинтересовался наш герой.

– А вы хотите не согласиться, господин...?

– Ерш, называйте меня просто «ерш».

– Да, господин ерш. Вы не согласны с тем, что в наше время эгоизм и самовлюбленность затмевают в человеке самое ценное, что дает природа? Современное общество состоит из молодых людей, склонных видеть впереди себя только свою дорогу, по которой они пройдут, даже если им придется наступить на вашу голову. Им же с детства твердят: делайте все, что в ваших силах, чтобы вырваться в люди!..

– Да, но позвольте перебить вас, господин сом. Не слишком ли вы обобщаете молодое поколения, сводя все к низшей ступени?

– Вы правы, отчасти. Спасибо, что корректируете мои высказывания, это такая редкость... Я абсолютно не

стремлюсь мести всех под одну гребенку, но, согласитесь, что большая часть молодых людей теряет уважение к старшим, аргументируя это «их время прошло, они ничего не понимают в современной жизни, я знаю лучше». У вас, наверняка, есть дети?

– Да, конечно. И внуки, и правнуки, и даже праправнуки, – ответил ери.

– Они знают, что вы один сейчас находитесь на окраине города?

– Вряд ли, ведь я им этого не сообщил, – спокойно и размеренно ответил ери.

– А если бы сообщили, то что услышали бы в ответ?

И тут ери на секунду задумался...

– Что же вы молчите? Неужели не знаете, кто из внуков или правнуков первый прибежит, чтобы помочь купить мешок картошки? Или они все примчатся? – усмехнулся сом.

– Нет-нет, просто я... задумался... над вашими словами... Вспомнил свой недавний разговор с сыном... Я тогда попросил его отвезти меня в библиотеку, а потом через несколько часов забрать, но он сказал, что не может – работает. А потом... я позвонил нескольким внукам. Один собирал чемодан в отпуск, другой уже купил билет в кино и...

– Можете не продолжать. Я готов вам рассказать то же самое о своих нереализованных просьбах.

– Вы... так правы... Почему я раньше не думал над этим. Ведь они молоды, заняты, у них, наверняка. И без меня много дел..., – задумался ери.

– Не стоит убеждать себя в том, – отмахнулся сом, – что все занятые люди, кроме вас. Разве это правильно, позволять своему отцу, дедушке, прадедушке в ваши-то годы одному делать все по дому, ходить в магазин, пешком преодолевать большие расстояния.

– Но ведь они...

– Знаю, скажите, что у них слишком много забот, а вы и так справитесь.

– Дааа..., – задумчиво протянул господин ери.

– И это я слышу от каждого, с кем меня сталкивает жизнь, а живу я уже долго... О! Идет мой автобус! Прошу извинить меня и откланяться! Надеюсь, что я не слишком зацепил вас своей проблемой?

– Что вы! Спасибо вам за полноценную беседу. До свиданья!

– До свиданья, господин ери.

И на этом наши герои расстались. Старый ери поплыл дальше, только глаза его уже не горели тем огнем, который каждое утро зажигала в нем жизнь. Теперь он начал понимать, что те, для кого он отдавал все силы, ради кого стремился ввысь, оставили его позади и идут дальше, не оглядываясь на стариков и оставив прошлое далеко за спиной. Ведь все родители учат своих детей не оглядываться назад, а смело идти вперед, преодолевая все преграды, которые тормозят их на пути к великим целям.

Мораль: не забывайте о своих родителях, дедушках и бабушках. Не гасите свет в их глазах.

Ирина Б.

В тучах солнышко искрится –

Значит, время веселиться!

Глаз янтарный огонек,

Острой бритвой коготок.

Вверх взметнется – цап-царапки,

Шерстка шелк, ловчее лапки.

Поле боя – целый дом:

Все вокруг перевернем.

Целый день шуметь, игратья,

Прыгать, бегать и кусаться,

За своим хвостом гоняться, –

Все, устали, силы нет, –

Дрема теплая и плед.

Глазки щурятся во сне,

Все усишки в молоке,

*Спит комочек мягкий, спит,
Все мечтает и урчит.*

*А проснется – новый день,
Веселиться нам не лень!*

Татьяна Ш.

Совенок (рассказ)

Дело было весной... В ту весеннюю пору, когда днем разогретый солнцем воздух заставляет людей снять свитера и ветровки. В саду солнце играла на первых зеленых листьях. И только в той части сада, где садовые липы чахли, перемежаясь с густыми елками, стояла холодная, совсем не летняя тень. Чувствовалось, что здесь еще совсем недавно торжествовала зима.

Никто из домашних в этот угол не заглядывал. Но в начале лета отец всегда спускался, чтобы собрать прошлогодние осенние листья. Вот и сегодня, не успел он вооружиться садовыми граблями и перчатками и спуститься в дальнюю часть сада, как тут же вернулся.

На лице читалось изумление и восторг.

– Даша, корзину!

Я опешила. Просьба была неожиданной.

– Какую корзину?

– Любую! Только скорее, а то его съедят!

– Кого?

– Ваньку!

Я, молча, еще не понимая о чем идет речь, вытащила большую корзину. Кто ж знает, каких размеров этот самый Ванька, которого могут съесть? Вытащив корзину на улицу, увидела отца в самой низине около старой пушистой ели. Папа показывал, чтобы я шла к нему.

Я кого только не представляла себе в роли Ваньки, пока спускалась по крутой горе вглубь сада. Но каково же было мое удивление, когда в траве я увидела маленького пушистого совенка.

Между липой и елью, в траве и листьях сидел пуховый шар с огромными испуганными глазами. Шар дрожал, но, казалось, он полон решимости. Головка совенка похожа на большой пуховый платок-шаль, будто повязана им, крылья непропорционально малы и еще не развиты, упорхнуть бедняжка не может, лапки с острыми и крупными когтями но в смешных пуховых панталонах. И этот пух шипит, пытаясь нагнать страх на новых, совсем нежелательных знакомых в нашем с папой лицах. А мы стояли, любовались птенцом и не думали, чем бы ему помочь...

В качестве первой медицинской помощи решено было оставить птицу в корзине и отнести в дом, чтобы соседские, да и домашние коты не смогли подобраться к птенцу. А вот что делать дальше – не знал никто...

Эпилог.

Знакомые охотники вскоре просветили нас, что совят выталкивают из гнезда родители, а сами издалека наблюдают, чтобы дите не съели. Так совенки осваивают мир на протяжении нескольких недель, прежде чем совершат свой первый полет. Напуганные тем, что родители птенца волнуются, вернули совенка на место и также издалека наблюдали за его жизнью.

И несмотря на это в нашем саду теперь часто селятся совы, и всех зовем Иванами.

Дарья Т.

Летучая мышь

Этих животных не любят многие. Кому-то они внушают страх, кому-то неприязнь... Но посмотрите сюда! Разве этот маленький бархатный комочек способен вызвать у вас такие чувства?

Это маленький летучий мышонок. Сейчас он находится в приюте. Очевидно, он отбился от своей стаи, и, так как был еще очень слаб не смог догнать их и продолжить путь самостоятельно, и был подобран волонтерами и доставлен в приют.

Сейчас его жизни ничто не угрожает. Он накормлен молочком и сладко дремлет, укрываясь своими широкими блестящими точно шелк крылышками.

Его маленькая хрупкая головка лежит на небольшой подушечке, которую поддерживают надежные и заботливые руки волонтера.

Глазки его плотно закрыты и на их месте видно лишь узкие полоски. Кажется, будто он не спит, а расплылся в сладостном блаженстве от сытости и тепла, и довольная улыбка нарисовалась на его маленькой чуть вытянутой вперед мордочке с черным блестящим носиком.

Ю. Королева

Сова

Помню, как мы впервые с тобой познакомились... мне было не больше семи, а ты уже тогда была старушкой. Помню, как ты пугала меня по ночам, и мне никак не удавалось заснуть. Помню твои глаза, горящие в темноте двумя янтарными осколками. Помню, как сейчас...

Однажды ночью, когда все в доме давно уснули, в моем окне появилась ты. Я уже засыпала, как вдруг раздался этот странный голос – не то вой, не то стон, но то волнительное щебетанье. Ты словно звала кого-то из темноты. Когда я подошла к окну, ты метнула свой острый взгляд в мою сторону. И эти желтые глаза, казалось, способны были испепелить стекло, и стены, и меня саму. А ты, устроившись на ветке абрикоса, спокойно и слегка надменно взирала на обуглившуюся ночь.

Постепенно твое присутствие стало казаться мне чем-то само собой разумеющимся, и я могла караулить тебя часами, пока ты, наконец, не прилетала... Никогда еще не доводилось мне видеть такой величавой птицы: белая, как снег, но с узором таким искусным, словно нарочно кто написал тебя волшебною кистью. Перья, будто из шоколада, рассекали белоснежную грудь. Лапки бледные, но такие цепкие, насмерть впились в ветку.

А глаза... такие желтые глаза, словно горели в них тысячи солнц, и светилась во взгляде мудрость семи поколений, и ничто не могло нарушить твой царский покой. Иногда казалось мне, что живешь ты на свете не первую сотню лет и ведомы тебе такие тайны, о которых даже подумать бывает страшно...

Так прилетала ты к моему окну каждую ночь в течение долгих лет, но вот уже второе лето я не слышу твоего пения.

Никогда еще не доводилось мне видеть такой величавой птицы.

Людмила Ж.

Приложение 3. Письма Игоря

Публикуем с небольшими сокращениями текст статьи «Письма Игоря», напечатанной в «Литературной газете». «История текста» писем подается через «историю семьи» автора статьи.

Какими приемами пользуется автор, чтобы одушевить и разнообразить текст?

Есть ли в опыте ваших семей или знакомых подобные рассказы?

Письма Игоря

Когда мне с братом-двойняшкой было лет десять-одиннадцать, в гости к бабушке иногда приходила ее родная сестра Мария Васильевна – «тетя Маня». Тетя Маня среди родственников считалась интеллигенткой и «гордой» и не хотела называться «бабушкой»... Чтобы как-то развлечь гостью, мы, мальчишки, в образовавшуюся паузу предложили тете Мане послушать нашу «любимую пластинку».

«В полях за Вислой сонной – задушевно заговорил Бернес, – лежат в земле сырой / Сережка с Малой Бронной / И Витька с Моховой. //

А где-то в лунном мире
Который год подряд
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Тетя Маня начала молча утирать слезы. «Во какие мы молодцы! – была первая мысль. – Значит, понравилась наша песенка! Тетя Маня даже расплакалась...».

А Бернес продолжал:

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной
В окне на Моховой.

Друзьям не встать:
В округе без них идет кино,
Девчонки, их подруги
Все замужем давно.

Кажется, бабушка сказала сестре что-то успокаивающее, впрочем, продолжали пить чай с конфетами и пирогами, а для ребят приход гостей всегда событие. Когда гостя ушла, мне с братом была сделана легкая выволочка, тихий упрек которой я до сих пор ношу в сердце:

– Вы что же, ребята, не знали, что у тети Мани сын Игорь погиб на войне?

– Ах да, знали. Ну, мы не подумали...

– Ну вот, теперь знайте, – только и вздохнула бабушка.

Прошло лет пятьдесят...

– Хочешь, я дам тебе почитать письма Игоря? – спросила недавно нестарая тетюшка Валентина Алексеевна (что им,

пенсионеркам возраст? – они, жизнелюбивые, сами кого хочешь поддержат и словом, и делом).

– Конечно.

– Они остались после кончины Левы, а до этого, видимо, тетя Маня хранила. Только предупреждаю: читать трудно...

Валентина Алексеевна протянула папку, в которой лежали вчетверо сложенные пожелтевшие письма, каждое – в тетрадный листок или два, большинство без конвертов. Текст, отшлифованный пальцами, почти стерся, бумага ветхая. Сколько раз они были развернуты матерью и братом! Сколько раз глаза скользили по строкам, слыша этот голос и думая о недожитой жизни... А голос молодой, до-двадцатилетний, рассказывает, спрашивает, шутит, сообщает: все, мол, в порядке, за меня не волнуйтесь, только «скучаю по Москве и улицы все забыл...»

В папку вложены фотографии: Игоря – довоенно-московского и в кругу семьи, Игоря-курсанта, брата Левы довоенного и Льва Алексеевича – кандидата наук, сотрудника Института этнологии и антропологии, и, конечно, мамы Марии Васильевны Фадеевой (тети Мани). В гордом поставе славянской головы и грустном взгляде только психолог или знающий человек разглядят навсегда спрятавшееся горе, достойно несомое всю оставшуюся жизнь.

Теперь, когда письма развернуты, разглажены и разложены по файлам, их можно вынимать, читать, анализировать «языковую личность» военного летчика-курсанта Игоря Фадеева... Аудитория первокурсников почему-то таинственно притихла: с которого письма начать? Сегодня 22 марта 2010 года... «Какое тысячелетие на дворе?» Письмо от 22 марта 1941 года:

*Добрый день. Мне можно кричать от радости, я выпи-
сался из санчасти и снова продолжаю свою учебу... Денек
сегодня замечательный, ни облачка, солнце греет основа-
тельно, асфальт сухой и здорово напоминает Москву (опять
Москву вспоминаю). Вы можете подумать, что я просто
хандрить начал, склоняя слово Москва во всех надеждах, но
всегда так бывает, что, столкнувшись с новым, сравнива-
ешь его со старым, так и я, как увидел что-либо новенькое,
начинаю его со всех сторон прикладывать к Москве и иногда
бываю несправедлив, говоря: а все же в Москве это лучше.*

*В школах начнутся скоро каникулы, с которыми я и по-
здравляю Леву. Уже начнется последняя четверть, в тече-
ние которой всегда бывало приятное настроение близости
каникул, а потом начнется подготовка к испытаниям и сами
испытания. Помню я их прекрасно, помню волнение, с кото-
рым шел отвечать. Теперь совершенно не то, я наконец-то
приобрел качество, о котором заботился папа, т.е. спокой-
ствие. Знаю материал – я спокоен и весел, а плохо знаю –
тоже спокоен, но не особенно весел, и еще не было случая,
чтобы я на зачете, кроме хорошо и отлично, получил бы дру-
гую отметку. Правда, у нас учеба проще и интереснее, чем в
школе, зачастую от нее больше страдают руки, чем голова,
но все же спокойствие – это великое дело. Советую Леве за-
пасись им на период испытаний.*

*Ну и денек – просто прелесть! Самолетов как пчел около
улья, куда ни погляди – всюду летают эти козявки, с виду
безобидные, но при необходимости могущие очень основа-
тельно ужалить. Сравнительно скоро оживет вся природа,
оденутся леса, потекут реки, будет замечательно летать,
когда избавимся от зимних комбинезонов, масок и рукавиц до
локтей – один только висящий на груди парашют будет еще
мешать работе, но с этим уже можно мириться.*

*Летом я хотел бы знать, что вы все в деревне, т.к. про-
сто безобразие жить летом в пыльном, огромном городе
(хотя я согласился бы и на это). Из лета 1940 года ярче все-
го запомнился мне отъезд Левы и весь этот день, проведен-*

ный на Химкинском вокзале. Замечательный день был, только из-за него я слевой 9 месяцев не виделся, но надеюсь, что увидимся, если не будет в граничащих с нами странах никакой подозрительной возни, а то, пожалуй, и не особенно скоро мы встретимся, но непременно встретимся – рано или поздно, должен ведь я Левке уши натрепать за редкое писание писем. Получил недавно от него письмо, представляю, с каким трудом заставили его написать. Впрочем, это теперь не Левка, а взрослый молодой человек с зачесом, в длинных брюках, ходит всегда надувшись от важности и только иногда, ну совсем редко, когда никто не видит, он играет в солдатики, превращая полкомнаты в поле боя, или мастерит из бумаги корабли и возит их, думая, что это сверхдредноуты. После тех уборок, в которых мне приходилось здесь участвовать, вычистить всю нашу комнату до блеска кажется совершенно легким делом. Ну, да и Лева это со временем узнает.

Ну, пока. Будьте здоровы, живите богато, а я буду учиться, думая о нашей близкой встрече, которая для меня будет очень радостной. Кстати, вспомнил, что через 20 дней мне пойдет 20-й год – довольно значительная цифра, не правда ли? До свиданья. Привет всем. Игорь. 22-III-41 г.

Вот стиль личности, стиль жизни, выраженный в мысли и языке. Слышите энергичный синтаксис, одушевленность слова, бодрствленность чувства, с которыми живет обыкновенный молодой человек образца сорокового года? Он – не писатель, но какой энергией и жаждой жизни дышит здесь каждая строка! Так, может, писательство как раз и рождается этим одушевлением, которое как Муза, «так неожиданно, слегка, сияющее дуновение божественного ветерка» – посещает всякого, кто вдохновлен:

...Только как ты, мама, удивилась бы, увидев, как мы в 5 часов утра, без рубашек, теперь занимаемся зарядкой, и после такой зарядки мы сейчас чувствуем себя только лучше – вот и все. А потом под краном холодной водой обливаемся до пояса – это у нас обязательно, и если кто не умоется или не

чистит зубы, то опозорят на всю эскадрилью. Вот передай это Леве, пусть привыкает сейчас к чистоте и аккуратности, легче будет в армии...

Тогдашний девятиклассник Левка будет призван в армию в восемнадцать лет 22 октября 1943 года, попадет в 753-й стрелковый полк и после тяжелого ранения в левую руку демобилизуется 24 июня 1944 года. Получит медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Окончит институт, станет кандидатом наук, навсегда прилепится к больной матери, которая его, теперь единственного, так от себя и не отпустит, не отдаст никакой другой женщине, хотя претендентки были...

А пока Игорь спорит с отцом, отстаивает право молодости быть самостоятельным и взрослым: (письмо от 8 ноября 1940 г.):

Папа, мне начинает казаться, судя по твоим письмам, что когда ты был курсантом, то у вас все жили дружно, тихо, гладко, как говорится, без сучка без задоринки. По-моему, ты так расхваливаешь свои курсы, желая меня научить ряду этих ценных качеств, думая, что мы живем в постоянных ссорах и драках. Ничего подобного: наши курсы лучше ваших. Живем все так же дружно, иногда и погрыземся из-за неверно понятых вопросов, но если у кого крупная неприятность, тот всегда найдет в своем отделении поддержку, хотя бы разговором с ребятами.

Конечно, поэзия рождается в человеке отношением к предмету. Пробужденную «душу живую», когда над автором

«взмахнул крылами Азраил», невозможно не услышать в этих самолето-крылых зарисовках:

...Рано утром встаем, завтракаем, одеваемся в летное обмундирование и отправляемся на аэродром. Еще совершенно темно, только прожектора освещают ангары, у которых раздвигаются двери, и мы начинаем выкатывать самолеты. Машины на земле кажутся какими-то странными, неуклюжими, под напором нескольких десятков рук, покачиваясь с боку на бок, они плавно выезжают навстречу прожекторам. Снег искрится и пищит под валенками, а мы с воплями «Раз, два, взяли!!!» тащим самолет к старту. Наконец, выведены все машины: летящие в первую очередь несутся с парашютами, лезут в кабины, осматриваются, привязываются, готовят карандаши и, когда усядется летчик-инструктор, машина сама выруливает, берет разгон и взлетает, как бы по гигантским ступеням набирая высоту, и, наконец, идет прямо. Под тобой тогда оказываются домики размером с наперсток, ленточки рек, ниточки дорог – теперь это не так красиво, как летом, все занесено снегом, но это чувство восхищения появляется всякий раз.

Мы летим, но погода хорошая не всюду и не успеешь головы повернуть, как летчик, не желая лезть в облака, снижается до 25–50 метров и мы идем бреющим полетом: прекрасно видны люди на земле, они машут руками, ну, не вытерпишь и тоже помашешь, особенно ребятам, давая этим знать, что вижу их, ведь я сам раньше, глядя на самолет, желал, чтобы меня заметили с него, а почему и сам хорошо не знаю. Чувства боязни нет никакого, а как увидишь в зеркале спокойнейшее лицо летчика, то почему-то становится очень радостно, и готов лететь сколько угодно и куда угодно (не прочь бы и в Москву залететь).

<...>

В общем, летать замечательно.

До свидания. Игорь. 21-ХП-40 г.

Если так восторженно декабрьское описание полета, то что говорить о майских полетах сорок первого:

<...> вот когда получил огромное удовольствие: наблюдал заход солнца с высоты... воздух был теплый-теплый, машину летчик вел на аэродром на минимальной скорости и было время полюбоваться прекрасными видами, впечатление осталось незабываемое. А все же хочется поскорее отлетать да и к вам в Москву явиться, а то иногда скучновато бывает, но вот странно, что никак не могу представить свою поездку в Москву (Откуда это предчувствие? И опять оптимистические мечты. – В.А., И.М.), даже не верится, что когда-то придется ехать, но я все же надеюсь увидеться раньше с папой здесь, когда он поедет в Крым и хорошо, если бы это было пораньше, а то, судя по времени, когда папа собирается отдохнуть, мы можем с ним совершенно не увидеться... (Опять «не увидеться». – В.А., И.М.).

А майские полеты становятся все поэтичнее:

Вчера мы вылетели в пять часов утра и километров десять шли над самой землей. В деревнях цветут сады, а инструктор мне попался поэтично настроенный и все время старался обратить мое внимание на цветущие сады, а когда я отмахнулся рукой, закричал: «Бросьте, черт возьми, возитесь с пулеметом и смотрите вниз!» Действительно, видики замечательные, сады здесь огромные и когда смотришь на них, то кажется, что чувствуешь запах цветов. Летать сейчас очень приятно, зимой морозный воздух обжигал лицо, а сейчас замечательный теплый ветер, который в открытых кабинах прижимает довольно сильно к спинке, и переносица болит от давления очков (18 мая 1941 года).

А вот и о смысле русского языка: он – не в знании запятых, которыми проверяют в ЕГЭ и по субботам наших «умников и умниц», а в понимании смысла слов, формирующих мироощущение:

Лева сообщает мне о своих достижениях в области русского языка, вернее, запятых, я в них ровно ничего не понимаю, да и не понимал. Это вы можете узнать у Ляли, которая много трудилась над тем, чтобы я мог свободно ориентироваться в причастных и деепричастных оборотах.

Иногда бывало прояснение, но теперь уж от всех правил по русскому языку ровно ничего не осталось, больше приходится иметь дело с именами существительными, как например: самолет, бомба, пулемет, компас, прицел и тому подобная прелесть. И за каждым таким словом скрывается глубокий смысл. Это куда как интереснее.

Оказывается, была еще Ляля... Школьная подруга, отношения с которой заботливы и теплы. Чувствуется, как вдохновлены дружбой, как настроены на будущее:

...от Ляли сейчас только и слышны авиатермины, и это все в связи с ее прыжками, но я был бы больше доволен, если бы из нее получился летчик, но не парашютистка – этот зонтик применяется лишь в крайних случаях, когда не остается иного выбора и каждому летчику достаточно иметь 1–2 прыжка на всякий случай, а злоупотреблять этим делом незачем. Впрочем, что поделаешь, человеку никогда не бывает достаточно достигнутого, и ради продвижения к новым успехам он готов лезть хоть к черту на рога, это неплохо, но в некоторых случаях излишне.

А как представить армейскую жизнь вне «теркинских» характеров? Письма полны описаниями юмористических случаев и «интересных» людей, с которыми свела служба: (из письма от 31 октября 1940 года):

Сегодня на занятиях мы были около самолета и один курсант, по фамилии Корж, увидев на гладком фюзеляже рычажок, решил за него дернуть. Дернул и заработал открывшейся крышкой люка себе по лбу, покраснел как рак, отскочил в сторону, а воентехник начал спрашивать и довольно строго, кто открыл люк. Увидев Коржа, он расхохотался, поняв все, что произошло и, показывая на синяк, украшавший лоб бедняги, сказал, что этот печальный случай лишний раз говорит о необходимости соблюдать дисциплину.

Другой случай с Коржом. Он всех командиров приветствовал левой рукой, они не замечали этого и отвечали на приветствия, что вызывало смех у всех окружающих; однако стоял я (как-то) рядом с Коржом, проходил мимо стар-

шина, мы его приветствовали, но по-разному, т. к. Корж и здесь левую руку приложил к головному убору. Старшина остолбенел, а потом попросил нас обоих приветствовать еще раз, сделали оба правильно. Ну, старшина решил, что это ему показалось и пошел восвояси. Корж стал приветствовать правильно.

Позавчера ночью Коржа отправили в уборную и возвращаясь, он прошел мимо спальни нашего отряда в соседний отряд и благодаря удивительнейшему совпадению там, в ряду оказалась свободной койка примерно на том же месте, где его койка стоит у нас. Корж разделся и заснул. После подъема он оделся, обулся и, не глядя по сторонам, вскочил в строй... Тут с ним от испуга чуть не случился припадок, хотя до строя нашего отделения надо было пройти 20 шагов. Он бросился сначала в противоположную сторону, потом в нашу, и, завидев нашего командира роты, бросился к нему как к родной матери.

<...> Ребята в училище хорошие, а один наш старшина грузин Кацбэ Памаридзе все время рассказывал смешные анекдоты из военной жизни, как, например, один дневальный знал знаки различия до одной шпалы (до капитана) и увидев входящего в казарму майора обратился к нему с рапортом, начинавшимся словами: «Товарищ два раза капитан»...

Но в письме, да и словами трудно передать, как рассказывал это Кацбэ со своим грузинским акцентом, а то говорил он об одном моряке, который, желая сохранить военную тайну, писал домой в письме: «Наша эскадра стоит в Севастополе в N-ком море» и многие другие истории.

И вновь весна и мир:

...Погода наступила прекрасная и уже надолго, наверное. Буйно растет трава, а вчера вечером была небольшая гроза – это просто замечательно: 23 апреля – и вдруг гроза, такое я в первый раз встречаю. Погода такая, как у нас в конце мая; работая на аэродроме, мы чуть было не начали кувыркаться на зеленой траве, но ограничились ловлей ящериц и долго носились за бабочкой, но как-то странно выгля-

дят те «бабочки», на которых мы летаем: неуклюжие, ползут как ящерицы, зато в воздухе очень хороши.

Хотелось бы знать, какие у вас планы на лето. Не забудьте сообщить, а то приеду в Москву и никого не найду. Будьте здоровы. Игорь. 24-IV-41 г.

Май, приближается июнь 41-го... Все чаще мысли о Москве и близкой встрече, мечты о будущем: «Поздравляю вас с великим праздником 1-ое Мая. Мне хотелось бы, как и в прошлом году, быть в этот день с вами, но, кажется, это невозможная вещь, а поэтому желаю как можно лучше провести этот замечательный день, и чтобы непременно вам было весело». Обещает выслать домой облигации – «150 рублей ценных бумаг, на которые вы в 1960 году что-нибудь выиграете...»

За три дня до войны: «У нас жаркая погода и время от времен идут теплые дожди, так что лето наступило, но, кажется и у вас то же самое, пользуйтесь хорошей погодой и отдыхайте в выходные дни во всю. Я отдохну, когда приеду в Москву, только вот неизвестно, когда это будет, и хотелось бы поскорее. Ну, до свиданья. Игорь. 19-VI-41 г.»

На дне папки под старыми конвертами лежало самое дорогое: шесть «военных» писем и открыток, которые писались до июля 1942 года уже в Свердловск, где находилась вся семья Игоря. Путь был «нелегок и непрост». 26 июня 41-го года он писал: «...только что получил папино письмо. По письму чувствуется, что вы встретили известие о нападении на нашу Родину так, как подобает настоящим гражданам страны Советов, которая никогда не будет покорена кем бы то ни было. Мы этого не допустим: огромные наступающие армии озверевших фашистов получают отпор только от передовых наших частей, а главные силы в дело еще не вступили. Безусловно, Гитлер будет разгромлен...»

20 июля он уже в другом месте – городе Богодухове: «в училище зачитали приказ о выпуске и на другой день уехали.

На новом месте... осваиваем новое вооружение, машинки замечательные... Гитлеровцы распускают слухи, что у нас уже не хватает людей для армии и берут всех калек, детей – посмотрели мы на себя и давай хохотать, т.к. мы-то и есть явное опровержение для подобных шуточек. Гитлер еще узнает, что мы за «калеки...».

Вдруг – странное покаяние, как будто открывает сердце матери, исповедуется за малый, но нераскаянный грех: «...А грустно мне было потому, что вспомнил, как я лет 6 назад сэкономил из своих “школьных” завтраков 7 рублей и мы слевой ходили в кино и смотрели два раза “Зори Парижа”. Она (картина – В.А., И.М.) нам очень нравилась и хранили это в секрете от мамы. Мне было 13 лет, а, кажется, что это было совсем недавно».

Три дня спустя, узнав о бомбежках Москвы, он пишет:

*...как бы мне хотелось быть сейчас на фронте, а не в полной безопасности где-то в тылу, и бить всю эту сволочь, нарушившую нашу мирную жизнь. Проклятые гады, только бы попасть на фронт, пусть я погибну, но не даром, хоть одну летающую гадину да собью, а сейчас очень трудно сидеть и ждать приказа... Очень прошу вас, напишите, как вы живы и здоровы, напишите, куда падали бомбы. Страшно даже подумать, что было в Москве. Как мне хотелось бы, чтобы все **бомбы падали не на Москву, а на нас**. Они хотят запугать население, вызвать панику, и обидно, что мы вот здесь ничего не можем сделать, а живем как и раньше, и, как раньше, учимся, учимся и учимся.*

*Пусть пишет мне и Лева: что он делает сейчас и что собирается делать в ближайшем будущем. Надеюсь, он сможет, **на плохой конец**, встать в строй вместо меня, а если все будет хорошо, так мы еще вместе с ним будем драться на фронте. Будьте здоровы. Берегите себя, не поддавайтесь панике и страху, это не поможет. До свиданья. Игорь. 23-VII-41 г.*

2 августа он пишет, что получил в короткий срок много писем:

...приходится трудно, но не от того, что слишком много работы, а то, что гады продвигаются на восток, пытаюсь перерезать артерии страны, питающие ее нефтью, хлебом и сырьем. Дикая злоба ненависти к врагу выросла и окрепла у нас до предела. Сталин сказал нам, сказал всей Красной Армии: «Ни шагу назад!» – мы это выполним.

Лучше умереть, чем отступить еще. С какой сердечной болью улетали мы со старых аэродромов, покидая наши тихие мирные городки, как смотрели на нас жители, у них такая была тревога в глазах. Просто это не перескажешь: это надо видеть и чувствовать...

29 августа Игорь уже знает, что семья в Свердловске, а сам он живет «спокойной жизнью, как и раньше – скорей бы она, черт ее возьми, кончалась. Время такое, что зубами бы грыз всякую сволочь, а вот тут все спокойно – надоело, на фронт хочется: пусть убьют в бою, но только бы здесь не сидеть...»

5 сентября он в Харькове, «уже на новом месте, но к сожалению, опять не на фронте...» Встречает старого друга: «Борис Геранин имеет уже несколько боевых вылетов и дрался с мессершмиттом, который отлетел от него как ошпаренный. Борис чувствует себя хорошо, и нет ни одной царапины, только один раз зенитка снарядом пробила крыло самолета».

25 сентября Игорь сообщает о походе: «...предстоит пройти 150 км пешком, из них 115 уже пройдены. Ноги немного гудят, т.к. сделали это расстояние за двое суток, а тридцать пять пройдем завтра» Желает в этом письме брату жить «как можно лучше, интереснее – ведь скоро и ему придется перенести многое: и походы, и ночи на земле, и холод, и сырость – мы-то к этому привыкли, а ему будет трудно».

22 ноября 1941 года:

...Сильно опасаюсь, что вы меня считаете пропавшим без вести, тогда как я жив и здоров и, что хуже всего, дале-

ко от фронта. Если бы вы знали, как мне хочется умереть, только бы не видеть продвижения немцев. Они уже под Москвой и, наверное, в тех местах, где мы бывали летом – как-то не верится, и в то же время это факт. Мы сидим в тылу, и это спокойное ожидание действует на нервы крайне угнетающе – это не жизнь, а какое-то мучение. Я сейчас с удовольствием согласился бы с пистолетом в кармане отправиться в тыл к немцам, только бы иметь возможность убивать эту сволочь, которая разбила все наши мечты о дальнейшей жизни и принесла миллионам людей массу несчастий.

Что дальше будет с нами, со страной – это неизвестно, факт, что немцы движутся вперед, захватывая промышленные и оборонные центры. Но все равно, сколько бы они ни захватили, я уверен, что мне с ними придется столкнуться и лучше умереть в бою, чем отступить...

Есть в папке декабрьская открытка, но не от Игоря, а от Ляли, чья дальнейшая судьба мне неизвестна:

25/ХІІ-41 г. Дорогие Марья Васильевна, Алексей Иванович и Лева! Получила Вашу открытку и, конечно, очень рада этому. Очень приятно и радостно было узнать, что, хоть и не прямо, но косвенно Вы имеете весточку об Игоре (я уверена, что в газете речь шла именно о нем). Как Вы вправе гордиться им! Я, к сожалению, должна сообщить Вам, что до сих пор еще не на фронте, но нам обещают скорую отправку туда. Сейчас же работаем целые дни, с учебой уже закончено. Сейчас очень радостно слушать сводки. Так приятно слушать и читать о хорошем положении на фронте. До скорого свидания. Ляля.

В феврале 42-го Игорь был отправлен на лечение больных глаз – в письме от 24 февраля он сообщает о том, что находится на лечении с глазами: «показалось, что я частично потерял зрение, так вот и устроил у себя в полку такую панику, что командир немедленно отправил в десятидневный отпуск в Пензу...» С глазами к марту наладилось и 1 марта он уже пишет из Пензы: «...сейчас только бить

да бить немцев, не давая им как следует укрепиться на рубежах обороны».

Последнее письмо от 27 марта 1942 года, потом будут лишь две короткие открытки. Словно прощаясь, Игорь впервые называет отца, мать и брата «родными»:

Здравствуйте, мои родные папа, мама и Лева. Я сейчас нахожусь в городе Воронеже, и завтра еду в Оскал, который также не является моим конечным пунктом, оттуда направляюсь в Действующую Армию... Воронеж – довольно приличный город, а трамваи напоминают Москву, и я им почему-то был очень рад, здесь в полном разгаре весна и на солнышке очень тепло.

Сегодня ко мне заходил Борис Геранин, он прекрасно одет, с орденом Красного Знамени и даже рожга стала полнее от фронтовой жизни. Немного поболтали, так как ему в скором времени надо было улетать, и как раз в Каменку, откуда я приехал. За все свои 115 вылетов он не получил ни одной царапины, а немцев отправил на тот свет порядочно. Я очень рад за него, право же, молодец парень, и вы с этим согласитесь. Сам я жив и здоров, желаю вам того же. До свидания. Ждите адреса. Игорь.

Но нового адреса не было. Были две открытки, таинственно спокойные с указанием воинской части: *«Напрасно беспокоитесь обо мне: я жив и здоров. Всем доволен. Простите, что так коротко: как будет время, так напишу более длинное письмо...»* Время на открытках по штемпелям удается разобрать только предположительно: май, июнь 1942 года.

Если каждому из нас отмерян свой срок, то как должна была сгуститься человеческая жизнь, чтобы к двадцати годам так вызреть и реализовать себя целиком... И все, что осталось – пожелтевшие письма, чьи адресаты уже в вечности.

...Две смоленские крестьянки Маша и Паша стали «коренными» москвичками в начале двадцатых, у обеих мужа –

русские Алеши, только Пашин Алексей (это мой дед) убрался в 40 лет в сороковом году, оставив ее одну с семьей дочерьми, а Машин Алексей, имея двух сыновей, ненадолго пережил старшего сына – так тяжела была эта утрата...

Мария Васильевна предстает мне теперь как («Stabat Mater») «Мать Скорбящая»: хотя и не держит своего распятого сына на коленях, но скорбь ее не меньше. Младший сын Левка (Лев Алексевич), разыскав место захоронения брата под Сталинградом, съездил туда, поклонился его памяти, но матери сказать так и не решился...

Моя бабушка Прасковья Васильевна вполне соответствовала имени своей небесной покровительницы Параскевы, к которой народ обращается с просьбой «Матушка Прасковья, пошли жениха поскорее» (Параскева – покровительница невест). Первым к старшей из семи дочерей посватался мой отец, на десяток лет старше моей матери: когда она пошла советоваться к дядюшке Ивану Кузьмичу (в отличие от брата Алексея он дожил до 99-ти годов), тот к благословиению прибавил: «Твоих-то женихов всех на войне поубивало...» Действительно, в мамином классе 41-го года выпуска из восьми мальчиков вернулись только двое, из них один, слепой и без

руки, женился на девушке из соседнего класса, образовав пару знаменитых на Москве адвокатов. Браки послевоенные были надежными и счастливыми: *«...пол проломлю, потолок проломлю, на доске остануся, с Клавуей не расстануся»* – пел в частушках мой отец. Так же было и с маминими сестрами, все называвших своих сыновей Алешами в память об отце.

Эти дочери-сестры по сей день вспоминают двоюродных братьев. Анна Алексеевна, моя крестная матушка (ей уже восемьдесят шесть) вспоминает: «это же были наши любимые братья!..» Раны, нанесенные войной, видимо, не заживали всю жизнь. Когда ушла Мария Васильевна, ветеран войны Левка – Лев Алексеич доживал свою жизнь одиноко...

Что было самым дорогим, с чем прощался он в свой предсмертный час? Стопка писем, написанных старшим братом пятьдесят пять лет назад. Не могла не звучать в нем, одиноком, та внушенная братом бодрость, не мог не слышать он молодой веселый голос (*«я тебе уши оборву, черт паршивый!»*), не помнить его наставлений (*«смотри, чтобы было все хорошо...»*), и вместе с братом, в который раз наверное, лететь над харьковскими майскими степями и видеть «сады огромные и чувствовать запахи цветов»...

Ах, война, что ж сделала, подлая!.. Она нас разлучила и до сих пор мы воюем за то, чтобы объединиться в светлой печали и почтить тех, кто ради нас сгустил, спрессовал, уложил свою жизнь в двадцать лет с небольшим. «Свет лампы воспаленной пылает над Москвой...» – он светит теперь компьютерным экраном, и не только моим, но и моей студентки Ани Крыловой, его ровесницы, которая пишет диплом «Языковая личность военного летчика-курсанта Игоря Алексеевича Фадеева (на материале писем 1940–1942 годов)». Тексты писем публикуются полностью.

Приложение 4. Напутственное слово начинающему писателю

Попробуем сформулировать основные советы и рекомендации, которые можно дать тому, кто хочет посвятить себя научному или литературно-художественному труду.

1. Хочешь писать – пиши! Писательство – ежедневный труд.

2. Пиши регулярно! Твое сознание должно быть занято избранной темой.

3. Идеи – обдумывай, «вынашивай в себе», выкладывай на бумагу.

4. Все трудятся по-разному. Ищи свой стиль труда – и обрящешь. Писать можно понемногу, но постоянно.

5. Чтение – лучшее учение. Если ты занимаешься наукой, изучи своих предшественников. «Свет ушедших умов» осветит твою дорогу.

6. Если пишешь художественную прозу, пойми, сторонником какой поэтической традиции ты являешься. Пиши своеобразно, не повторяя предшественников.

7. Будь ответственен за каждое написанное слово. Слова перечитывай, обдумывай, меняй местами, заменяй, примеряй и ставь решительную точку.

8. Иначе говоря: написанное проверь, переписывай, возвращайся к сделанному, исправляй, совершенствуй. Текст «встает на место», будучи переписан (прочитан, скорректирован) не менее трех раз.

9. Будь постоянен, увлечен, страстен в своем труде.

10. Если ты остыл, задумайся: что с тобой произошло? В чем смысл твоего существования?

11. Самое большое счастье – заниматься наукой, творчеством, трудом.

К написанным тезисам добавьте свои:

...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Занятие 1. Письмо как технология и вид искусства – основа культуры и цивилизации. Как учиться писать?	7
Занятие 2. Талант или трудолюбие? Пишите письма! Лучшие письма человечества	21
Занятие 3. Вдохновение. Определение и описание. Описание животного	41
Занятие 4. Вкус. Описание человека	54
Занятие 5. Гений и гениальность. Философское эссе	79
Занятие 6. Слово в искусстве кино. Тексты любимого кино	96
Занятие 7. Русский язык: дивный, могучий, поющий. «Понеже люблю свой русский язык...»	105
Занятие 8. Идиостиль в научном тексте. Спорные вопросы научного стиля. Лучшие научные стилисты: поиск – комментарий – собственное творчество	113
Библиография по дисциплине «Практикум по креативному письму»....	142
Приложения	143
Приложение 1. Из «Риторики» Н.Ф. Кошанского.....	143
Н.Ф. Кошанский. О письмах вообще	143
Н.Ф. Кошанский. Вкус. Гений. Талант. Способности писателя....	145
Приложение 2. Творческие работы студентов	149
Приложение 3. Письма Игоря	157
Приложение 4. Напутственное слово начинающему писателю	174

Учебное издание

*Аннушкин Владимир Иванович
Мануйлова Инесса Владимировна*

Практикум по креативному письму

Учебное пособие

В авторской редакции
Корректурa, техническое редактирование: *Р.Я. Ерусланов*
Компьютерная верстка: *Р.Я. Ерусланов*

Подписано в печать 25.11.2016. Формат 60×90^{1/16}.
Усл. печ. л. 11. Тираж 100. Заказ № 26.

Редакционный отдел
Управления научной деятельности Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. Тел.: + 7 495 330 88 01.
Факс: + 7 495 330 85 65. Эл. адрес: inbox@pushkin.institute.
Сайт: www.pushkin.institute

Отпечатано в Секторе оперативной полиграфии УИСиТ
Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.